

Я Н Н И С   Н И К О Л О П У Л О С

РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ

ВОСПОМИНАНИЯ ДИПЛОМАТА, ЖУРНАЛИСТА, ИСТОРИКА
В ЗАПИСИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕДАКЦИИ
ТАТЬЯНЫ ЖДАНОВОЙ

А л е т е й я

Библиотека новогреческой литературы

Яннис Николопулос

**Раздвигая границы. Воспоминания
дипломата, журналиста, историка
в записи и литературной
редакции Татьяны Ждановой**

«Алетейя»

2022

УДК 821.14'06
ББК 84(4Гре)6-44

Николопулос Я.

Раздвигая границы. Воспоминания дипломата, журналиста, историка в записи и литературной редакции Татьяны Ждановой / Я. Николопулос — «Алетейя», 2022 — (Библиотека новогреческой литературы)

ISBN 978-5-00165-432-2

Книга воспоминаний греческого историка, дипломата и журналиста Янниса Николопулоса — литературное свидетельство необыкновенной жизни, полной исканий и осуществленных начинаний, встреч с интересными людьми и неравнодушного участия в их жизни, размышлений о значении образования и культуры, об отношениях человека и общества в Греции, США и России, а также о сходстве и различиях цивилизаций Востока и Запада, которые автор чувствует и понимает одинаково хорошо, благодаря своей удивительной биографии. Автор, родившийся до Второй мировой войны в Афинах, получивший образование в США, подолгу живший в Америке и России и вернувшийся в последние годы на родину в Грецию, рассказывает о важнейших событиях, свидетелем которых он стал на протяжении своей жизни — войне и оккупации, гражданской войне и греческой военной хунте, политической борьбе в США по проблемам Греции и Кипра, перестройке и гласности, распаде Советского Союза и многих других. Таким образом, его личные воспоминания вписаны в более широкий исторический контекст и предстают перед нами как богатейший источник сведений по всемирной истории XX века. Книга снабжена ссылками и примечаниями. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.14'06
ББК 84(4Гре)6-44

ISBN 978-5-00165-432-2

© Николопулос Я., 2022

© Алтейя, 2022

Содержание

Вечный юноша Яннис Николопулос	7
На перекрестках дорог	8
От литературного редактора	10
Глава первая	12
1. Семейная мифология	12
2. Семейная история	14
3. Самые ранние воспоминания. Мои домашние. Политическая и культурная среда в Психико	24
Глава вторая	35
1. Исторический фон событий моего детства. Начало войны и немецкой оккупации	35
2. Каритена. Сельская школа и продолжение учебы в Психико	41
3. Психико в период оккупации и гражданской войны	49
Глава третья	66
1. Выбор жизненного пути после смерти отца. Отъезд в США. Школа Кейта. Адаптация к американской жизни	66
2. Дальнейшее обучение. Колледж Помона	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Яннис Николопулос
Раздвигая границы. Воспоминания
дипломата, журналиста, историка
в записи и литературной
редакции Татьяны Ждановой

Вечный юноша Яннис Николопулос

Сорок лет назад я познакомилась в Москве с Яннисом Николопулосом, тогда пресс-атташе Греческого посольства. Судьба свела нас по работе: в Москву, Ленинград и Киев привез выставку своих офортов выдающийся греческий художник Тасос, и его сопровождение было поручено Яннису. Меня же, только-только окончившую отделение классической филологии МГУ и благодаря московской Олимпиаде 1980 года сносно выучившую новогреческий язык, прикомандировали к Тасосу и его жене переводчиком. Янниса нельзя было не заметить и не полюбить. Он мало напоминал классического дипломатического работника, хотя, возможно, именно поэтому и был дипломатом высочайшего класса.

Не буду вдаваться в подробности нашей московской дружбы, а сразу перенесусь в Афины, где мы не только возобновили свое знакомство, но и, смею надеяться, стали близкими друзьями. В Афинах я еще раз убедилась в том, что подозревала с самого первого момента нашего знакомства: Яннис – человек без возраста, застывший в ранней молодости, когда люди горят, мечтают, дерзают, делают ошибки и глупости. Кто-то сказал, что старение неизбежно, а вот взросление – вопрос выбора. Это в точности подходит к Яннису Николопулосу.

Этот человек колоссальной эрудиции и богатейшего жизненного опыта, являлся знаковой фигурой в послевоенной истории Греции, Америки, России, несомненно, был другом или врагом сильных мира сего, что для биографии политика и чиновника однозначно ценно. Но по своему складу Яннис не был ни тем, ни другим. Он, скорее, Индиана Джонс, человек мира, человек всех языков и культур, без малейших признаков тщеславия, честолюбия или высокомерия.

Его богатство – это люди, книги и архивы. Материальные ценности малое место занимали и занимают в его жизни: он доказал, что одинаково активно и радостно может жить как в просторной московской квартире, так и в полуподвальной афинской малометражке, с книжными стеллажами от пола до потолка, с маленьким садиком за окнами. Разница только в том, сколько свободных метров ему остается для передвижения по жилой площади.

Идеи не перестают рождаться в его голове, причем «унаследовать» их может каждый: Яннис – чрезвычайно щедро ими делится. Мало того: направляет и помогает в их воплощении. При своем безупречном знании людей он практически всем дает шанс показать себя с лучшей стороны. И у всех действительно есть шанс стать лучше. Другое дело, что пользуются им далеко не все. Яннис – бездонный кладезь историй. Практически каждую беседу с ним хочется записывать, конспектировать и обрабатывать – либо как художественное произведение, либо как исторический материал.

Для меня Яннис Николопулос – неизменный авторитет в том, что касается политики: его не сбивают с толку ни телепередачи, ни газетные статьи, он читает между строк и выносит окончательный приговор. На моем веку он ни разу не ошибся.

Мне бы очень хотелось, чтобы Яннис был счастливее в личной жизни. Хотя не знаю, что значит для Янниса понятие личной жизни.

Его жизнь всегда была на виду. Он, как и его предок возможный Колумб, без усталости бороздил океаны и материки – как в прямом, так и в переносном смысле. Ограничивать такого человека было бы преступлением. Да и сейчас, большую часть дня проводя в своем доме в Палио Психико, Яннис не перестает двигаться.

Ибо для него нет различия между внешним и внутренним движением. И это преимущество гениев.

*Евгения Кричевская
декабрь 2021*

На перекрестках дорог

Избранные судьбой дома встречаются на перекрестке, где пересекается множество путей и множество историй. Один такой был расположен в светло-сером здании конструктивистского стиля, построенном в 1927 году, на тихой улочке неподалеку от Новоспасского монастыря и Крутицкого подворья – памятника XIII века. Здесь на четвертом этаже была квартира, заполненная книгами, картинами, фотографиями, растениями, картами, зеркалами и прочими уникальными антикварными предметами, накопленными за целую жизнь. Здесь разные культуры, разные поколения, люди всех возможных идеологических настроений встречались, чтобы пообщаться, перекусить и выпить, коротая время долгими московскими зимними вечерами. Здесь собирались диссиденты и государственники, академики, актеры, писатели, издатели и бизнесмены. Однажды в 2002 году здесь спасались и переживали за жертв теракта в Театральном центре на Дубровке.

В центре этого салона сидел его шаман Яннис. Он коллекционировал мириады историй, рассказанных ему, передавая их своей семье и гостям всегда с веселой искоркой во взгляде. Если Яннис был рассказчиком, то прежде всего потому, что он знал, как слушать, а любили его, потому что он слушал, никого не осуждая и принимая каждую историю и каждого человека на его собственных условиях. Из слушателей выходят хорошие журналисты и еще лучшие историки.

Мне Яннис достался в наследство от моих родителей, друживших с ним со времени диктатуры полковников, узурпировавших власть и позоривших Грецию. Яннис, живший тогда в США, был среди тех, кто выступал против несправедливости и его роль как пресс-секретаря Греческого посольства в Вашингтоне в то время была особенно важна, ведь он имел доступ к американской прессе. Поскольку США оказывали поддержку Хунте, именно в американских СМИ развернулась борьба за американское общественное мнение. В знак протеста перед своей отставкой Яннис дал просочиться в прессу важным документам. Он продолжал борьбу за свободу, преподавая историю России в ряде американских университетов. Его школьный друг Теодорос Колумбис помнит дни, которые они провели вместе, когда преподавали в Американском университете в Вашингтоне, прежде чем Яннис переехал в Нью-Йорк, и описывает Янниса как «блестящего», «немного сумасшедшего» и «по-настоящему многогранного» человека. После падения диктатуры Яннис был назначен пресс-атташе в Греческом посольстве Нью-Йорка. Последствия недемократического правления к тому времени были слишком очевидны, особенно после развернувшейся трагедии на Кипре. Яннис на собственном опыте испытал совет, который дал нобелевский лауреат Йоргос Сеферис: «Начало любого диктаторского режима может показаться легким, но в конце неизбежно наступает трагедия».

Я сам встретил Янниса случайно, если мне не изменяет память, на прогулке с родителями неподалеку от нашего дома в Афинах. Но Яннису суждено было сыграть большую роль в моем становлении, не только потому что он поддержал меня в решении стать историком по греческо-русским отношениям, но и потому что он направил меня непосредственно в архив греков Нежина (этот архив находится сегодня в Чернигове) – неизученный и очень важный источник, раскрывающий роль греков в Российской империи XVIII и XIX века.

По сути, как мне предстояло узнать, Яннис активно способствовал многочисленным исследованиям и поддерживал многих ученых. Наряду с Паносом Стаму и Михалисом Лигносом он сыграл важную роль в создании Центра греко-российских исторических исследований, который организовал большое количество конференций и опубликовал десятки важных монографий о греко-российских отношениях на греческом языке. Если греки ознакомились с целым рядом работ Григория Арша («украшением» российской исторической науки, по словам Янниса), то это во многом благодаря Центру. Яннис поддерживал и множество других

проектов: из текущих примеров можно назвать исследование Лилии Габдрафиковой, Бахтияра Исмаилова и Радика Салихова по экономической истории греческих заводов на Урале.

Исторические труды самого Янниса отличает высокая степень оригинальности, как видно по его книге о греках и России с XVII по XX век. Она охватывает политическую, военную, а также интеллектуальную историю, включая ведущих греческих деятелей эпохи Просвещения в России, таких как Ивана Мелиссинос и его семью. Другой впечатляющий вклад в современную историческую мысль – это работа Янниса о феномене ожидания, что именно Россия принесет освобождение, о способах его проникновения в христианское население османского мира на протяжении XVIII и XIX веков. Это исследование во многом способствует объяснению свершения Греческой революции 1821 года, а также закладывает основу для понимания идеологии греческого населения после обретения независимости.

Я бы сказал, что мысль Янниса отражает его диаспоральную личность. Рано пережив смерть своего отца-журналиста, он был отправлен в США, и с тех пор его жизнь была многоплановой, разворачиваясь на трех континентах. Даже его увлечение Россией было вызвано переехавшими русскими эмигрантами, с которыми он познакомился во время учебы в Колледже Помона в Калифорнии. Яннис видел в переездах и миграции больше, чем просто дезорганизацию и дезориентацию, для него они воплощались в полном творческом и пронизательном потенциале. У людей, постоянно меняющих место жительства, есть множество обличей которыми они открываются миру, и утверждение что есть только одно повествование, только от единственного лица и только одно имя (так, Яннис использует эквивалент Джон, когда пишет на английском языке) не соответствует многогранности жизненного опыта.

Греция была всегда для Янниса рядом, даже если физически он в ней не находился. Я навсегда запомню его рассказ о путешествии съемочной группы греческого телеканала ET-3 в одну греческую деревушку в Нагорном Карабахе, где журналисты встретили несколько женщин, которые потеряли своих мужей и сыновей на войне – на их грустных, но светлых лицах отразилась вся их жизнь. Эти женщины приготовили курицу в честь неожиданных гостей. Подобные люди были для Янниса родственными душами, а такие деревеньки были его Грецией. Мысль его не преследует цель распределить все на категории. Скорее, он освещает сам объект исследования неким сиянием, меняющим восприятие читателя.

Жизнь и работа для Янниса неразрывно связаны, поэтому его работе свойствен особый стиль, этос, который преодолевает разрыв между академической наукой и журналистикой в ее лучшем проявлении. Удивительные вещи случаются на судьбоносных перекрестках дорог, и те, кто продолжит читать, узнают об этом еще больше.

Яннис Каррас, декабрь 2021

От литературного редактора

О Яннисе Николопулосе знают все, кто занимается Грецией или греко-российскими культурными связями. И пишут о нем как о незаурядном человеке неординарной судьбы. Независимо от того, согласен ли автор со всем, что написано о нем другими людьми, сейчас о своей жизни высказался он сам. Итак, главные слова сказаны, характер описан, точка в работе поставлена. Хочу коротко сказать о трех вещах, которые были важны для меня как литературного редактора и близкого человека, делившего последние двадцать лет жизни с Яннисом Николопулосом и помогавшего ему писать эту книгу.

Во-первых, для меня было очень важно, чтобы события жизни автора прозвучали на широком социально-историческом фоне послевоенного мира – фоне, который объясняет, почему он выбрал для себя именно такую жизнь, такое отношение к людям и такие идеи, взгляды и личные приоритеты.

Во-вторых, у Янниса редкие по включенности в общественную жизнь биография и опыт жизни в трех странах, столь разных и непохожих друг на друга, как Греция, США и Россия. Я даже не знаю, есть ли на земле еще кто-то с подобной судьбой. Двадцать пять лет в Греции, тридцать в Америке и тридцать в России – это редкие обстоятельства жизни человека мира, поистине умевшего раздвигать границы между странами и народами. Яннис – один из немногих людей, кто имеет возможность и готов всем своим опытом поделиться. И щедро делился со мной и раньше, и пока мы писали эту книгу, и теперь со всеми, кто готов ее прочитать.

Наконец, в-третьих, где бы он ни жил и в каком бы качестве ни работал, Яннис Николопулос служил своей Родине, Греции, то есть был и остается ее безусловным патриотом. При этом он всегда был максимально открыт другим культурам, с которыми он соприкасался, и воспринимает мир как единое целое, давая нам ценный урок патриотизма без ксенофобии и враждебности, без нетерпимости и утверждения исключительности привычного для себя порядка вещей.

Я благодарна судьбе за то, что время и пространство соединились в наших с Яннисом жизнях таким образом, что наша встреча стала возможной. И я горжусь тем, что помогала ему писать книгу его жизни.

Мемуары пишутся по-разному. Бывает, что автор садится за письменный стол и относительно быстро кладет на бумагу то повествование, которое уже сложилось в его или ее голове. Бывает, что автор нанимает помощников и они записывают воспоминания под диктовку или даже просто пишут книги в мемуарном или биографическом жанре, опрашивая людей, знавших автора на протяжении жизни.

В нашем случае было так: я начала записывать выборочные воспоминания Янниса с его слов лет тринадцать или пятнадцать назад, потом в нашей работе случилась пауза, и Яннис надиктовал часть материала Ольге Кессиди, жене человека, которого он называет своим русским ментором и сравнивает с Вергилием. Эти материалы потом были частично использованы мной в главах, связанных с военным детством Янниса и особенно с его пребыванием в России.

Около десяти лет назад мы с Яннисом возобновили нашу совместную работу над книгой и вели ее в Афинах и в Москве. Яннис рассказывал мне о событиях своей жизни, в основном по-английски, и я потом записывала их и давала читать автору, проверяя правильность и точность записанного. По ходу дела я задавала моему другу много вопросов, в основном касавшихся описания того самого социально-исторического фона, которое мне как неспециалисту по Греции, но при этом политологу и американисту, казалось необходимым для привлечения внимания к книге среднестатистического российского читателя. Я надеюсь, что получилось интересно.

В работе над мемуарами нам помогали несколько человек, которых и Яннису, и мне хотелось бы искренне и от души поблагодарить.

Огромное спасибо Ольге Кессиди за работу по записи эпизодов жизни Янниса, в том числе отрывков, вошедших в мемуары. Эта работа требовала внимания и тщательности, которые Ольга проявила в полной мере. Сердечно благодарим также Евгению Кричевскую за ее полное симпатии и дружбы введение к книге воспоминаний. Оно было очень важным для Янниса, да и для меня тоже.

Мы также искренне признательны Теодоре Яници за предоставленную автору возможность еще раз осмыслить пережитое и рассказать о нем на заочной встрече, организованной Греческим культурным центром в Москве в серии «Встречи с замечательными людьми».

Большое спасибо детям Янниса: Яннису-младшему, Георгию и Вере Николопулосам, оказавшим большую помощь в отборе фотографий и приведении книги в окончательную готовность. Мы также выражаем свою благодарность нашему издателю Игорю Савкину, проявившему профессиональное и человеческое понимание и терпеливо ожидавшему окончания нашей работы, а также все время верившему в успех нашего дела.

Татьяна Жданова декабрь 2021

Моей матери Розе Протекдикос посвящается

Глава первая

Некоторые сведения о моей семье. Мои детские и школьные годы. Греция в период Второй мировой и гражданской войн (1940–1944, 1944–1945, 1947–1949 гг.)

1. Семейная мифология

В нашей семье из поколения в поколение передается несколько занимательных легенд. Начну с наиболее яркой. О ней, в частности, упоминается в небольшой статье о моей деятельности в России, опубликованной в 1995 году журналом «Новое время»: «Кто бы мог подумать, что потомок великого мореплавателя Христофора Колумба, завершившего эпоху Средневековья открытием Нового Света, обитает в России? Известный греческий журналист Яннис Николопулос действительно ведет свой род от знаменитого генуэзца»¹.

Откуда идут корни этой легенды? Дело в том, что моя мама принадлежала по бабушке к многочисленному генуэзскому роду Коломбо, один из членов которого в XV веке сделал выдающуюся карьеру в Испании. В качестве «адмирала Великого океана» он открыл Новый Свет и водрузил там испанский флаг. Наследники Колумба составили две партии – испанскую и генуэзскую, – между которыми шли длительные распри и судебные разбирательства из-за наследства великого мореплавателя. В итоге победу одержала испанская партия – ей достались почетные звания и открытые Колумбом земли на американском континенте. Генуэзцам же осталась только слава. Вот из этой-то семьи и вышла моя прабабушка, разъезжавшая по улицам города-порта Триеста в карете с фамильным гербом Колумбов. Там же, в Триесте, она вышла замуж за греческого судовладельца Константина Протеджико, или в греческой транскрипции Протекдикоса, – моего прадеда².

В упомянутой мной статье приводится ссылка и еще на одну, не менее колоритную легенду: «...его (Янниса Николопулоса. – *прим. авт.*) корни восходят к эгейскому пирату, женившемуся на русской красавице»³.

Что же это за «русская красавица»? Напомню читателю, что в конце XVIII века греки принимали активное участие в русско-турецких войнах в качестве корсаров, захватывавших турецкие корабли. Семейная легенда уточняет, что в одной из таких операций предок нашего триестинского Константина Протеджико на своем корабле захватил в Эгейском море турецкое судно, перевозившее невольников из Константинополя в Александрию. Большинство невольников составляли русские люди, которых турки собирались продать в рабство в Египте. Эта работоторговля была организована давно, еще в Средние века, крымскими татарами, периодически бравшими в плен мужчин и женщин в южнорусских землях. Обнаружив на захваченном турецком судне «живой груз», мой предок, как было принято в то время, перерезал экипаж и сбросил тела в море. Затем собрал добычу и поделил ее между членами своей команды. Капитану досталась самая красивая русская пленница, которая таким образом стала моей прапрабабушкой.

---

¹ Журнал «Новое время», № 12, 1995.

² У этой фамилии интересная этимология: Протекдикос означает «судья первой инстанции». Во времена османского владения на греческих островах церковь занималась гражданскими делами христианского населения, поэтому названия некоторых чинов греческой православной церкви перешли на фамилии. Так или иначе, фамилия моих предков говорит о том, что в этом роду были священнослужители.

³ «Новое время», № 12, 1995.

Свою жену мой предок-пират поселил на острове Кеа, где она родила ему семерых детей. Похоже, что, помимо красоты, эта женщина обладала еще и склонностью к авантюризму. Она без промедления объявила себя русской княжной. Не исключено, что она действовала по примеру княжны Таракановой, красивой авантюристки, утверждавшей, что она родом из царской семьи. Забавная могла быть интрига: сама Тараканова – «псевдокняжна», а моя покойная прапрабабушка – «псевдотараканова». И хотя ее княжеское происхождение до сих пор в семье никто не оспаривал, я лично полагаю, что прабабушка, скорее всего, была шустрой украинкой, создавшей о себе романтическую легенду. Она благополучно закончила свою жизнь на Кеа, а ее потомки, как истинные греки, бесстрашно покоряли разные моря. Одна их ветвь и поселилась в Триесте.

А вот еще одна история – уже не легенда. Мой прадед по отцу Антониос Леонардос жил на полуострове Пелопоннес в Аркадии, в большой горной деревне под названием Каритена. Деревня располагалась на склонах горы при входе в ущелье, где протекает река Алфей. Однажды Антониос, из-за своей крайней вспыльчивости и общей свирепости известный всей Аркадии под кличкой «Туркандонис» (буквально – «Андонис-турок», или «злой Андонис»), не поделил с соседом речную воду и в припадке ярости убил его. Совершив это тяжкое преступление, мой прадед был вынужден покинуть деревню и стать изгоем-скитальцем. Думаю, что в горы он бежал не только из-за угрозы кровной мести и стремления избежать ареста. Туркандонис хорошо усвоил культурные традиции горного Пелопоннеса, наделявшие, между прочим, таких «абреков» героическими чертами и популяризовавшие их как защитников бедных. Сейчас мы знаем, что это были обычные разбойники, получавшие дань с местных землевладельцев и коммерсантов. Последние разбойничьи банды такого типа исчезли в Греции только во время Второй мировой войны. В эти годы почти все они – как, например, известная банда Караливаноса – из бандитов переквалифицировались в примитивных повстанцев и влились в отряды партизан-коммунистов, сражавшихся против немцев.

Как бы то ни было, у Туркандониса имелась любимая дочь Элени. Учитывая криминальную историю отца, девушка вряд ли могла рассчитывать на хорошую партию, и отец выдал ее замуж за местного вдовца по фамилии Николопулос, жившего с несколькими детьми. Впоследствии эта пара каритенцев стала моими бабушкой и дедушкой. В приданое бабушка получила тот самый участок земли с водяной мельницей, из-за которого ее отец вынужденно стал местным изгоем.

Элени воспитала пятерых детей своего мужа и родила еще шестерых. Двое из них, в том числе мой отец, выросли и прожили свою жизнь на исторической Родине, в Греции. Остальные дети Иоанниса и Элени и большинство многочисленных отпрысков этих детей были в разное время рассеяны обстоятельствами по странам Европы и Америки. Так что за пределами Греции сейчас живет большая «диаспора» Николопулосов, в которой рождаются и вступают в жизнь все новые поколения нашего не вполне ординарного рода.

Одна из бабушкиных правнучек, сделавшая прекрасную оперную карьеру в США и ставшая лауреатом нескольких престижных международных конкурсов вокалистов, лет десять назад наведлась в Каритену⁴.

Там она просила показать ей место под названием «Кавия» («Пещера»), на котором и по сей день стоят разрушенная мельница и церквушка – историческое напоминание о местных нравах и горячей крови наших общих предков.

---

⁴ Имя бабушкиной американской правнучки, приехавшей в Каритену, – Александра Сейпан. Александра получила музыкальное образование на вокальном отделении Манхэттенской высшей школы музыки, совершенствовалась в Италии, пела в оперных спектаклях и концертировала на нескольких видных театральных сценах в США и других странах мира и в настоящее время преподает вокал в Центре музыки Макфейл в Миннеаполисе.

2. Семейная история

А теперь оставим в покое семейные предания и перейдем к семейной истории. Мой отец, Антониос Николопулос, родился в 1896 году в Аркадии, в вышеупомянутой Каритене, в семье землевладельца и нотариуса Иоанниса Николопулоса. Антониос ходил в начальную школу в Каритене, а среднее образование получил, как и другие местные дети, в соседней деревне Андрицене. Там он окончил гимназию, возникшую на базе известной библиотеки дальнего родственника моего прадеда – Константиноса Николопулоса.

Этот Константинос, носивший псевдоним Агатофрон («тот, кто правильно думает»), был композитором и историком музыки, сыгравшим большую роль в воссоздании византийской музыкальной традиции в период греческого просвещения (XVIII век) и тем самым обозначившим основы преемственности греческой музыкальной культуры как составную часть движения за национальное возрождение Греции. В этом качестве он отмечен в истории новогреческого эллинизма⁵.

Агатофрон родился в Смирне, но большую часть жизни провел в Париже, где стал большим эллинистом и, к моменту революции 1830 года, главным библиотекарем французского короля Карла X. Всю свою жизнь Константинос собирал книги и в итоге оказался владельцем одной из богатейших классических библиотек в Европе. Свою библиотеку из 4000 томов он и послал незадолго до своей кончины в родную деревню, где плодами его трудов смогли воспользоваться несколько поколений юных каритенцев, в том числе мой отец и почти все мои родственники. От них я слышал не один рассказ о том, как, жалея обувь, дети преодолевали путь между двумя деревнями босиком, закинув связанные между собой ботинки за спину. В Андрицене они жили в съемных комнатах, посещая свой дом раз в неделю.

Кстати, примерно в то же время, когда Константинос собирал свою замечательную библиотеку, Каритена заняла важное место в греческой истории, став штаб-квартирой Теодороса Колокотрониса, самого выдающегося военного лидера периода греческой революции 1821 года. Всем известен памятник Колокотронису, установленный в центре Афин, перед старым зданием парламента. Однако я с детства помню памятник в Каритене с двумя артиллерийскими орудиями по бокам, располагающийся перед входом в крепость на горе. Сохранился и дом Колокотрониса, недавно отреставрированный государством и ставший музеем. Кстати, сам герой бывал в нашей семье и общался с моими предками. Рассказы об этом передаются моими родственниками из поколения в поколение.

Был у меня и еще один замечательный предок-выходец из Каритены – Василис Николопулос. Василис, живший в XIX веке, был родным братом моего прапрадеда. Он стал известен в Греции, в частности, тем, что был первым выпускником юридического факультета Афинского университета, после учреждения последнего в 1837 году. Василис занимал ответственные посты в государственных учреждениях независимой Греции, в частности, работал министром по делам образования и церкви и избирался депутатом греческого парламента. Его женой была дочь тогдашнего премьер-министра Вулгариса.

Надо сказать, что потомки Василиса Николопулоса, двоюродные братья моего отца Спирос и Димитриос Николопулосы сыграли довольно важную роль в профессиональной карьере и политической жизни моего отца. В значительной степени благодаря этим родственным связям, а также дружбе и совместной работе с кузенами, особенно со Спиросом, мой отец вошел в греческую политическую элиту и занял одно из ключевых мест в партии и близком окружении великого греческого либерального лидера XX века Элефтериоса Венизелоса.

---

⁵ Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. 1770–1871. Τόμος 3, Μέρος Β'. Σελ. 347–348.

Спирос был литератором и владельцем ежевечерней политической газеты «Этнос» («Нация»). О газете «Этнос» я расскажу чуть ниже. О самом Спиросе добавлю, что он писал повести и пьесы, с успехом исполнявшиеся в нескольких афинских театрах. Димитриос был видным греческим дипломатом. Все должности и места его дипломатической службы мне неизвестны, но я знаю, что одно время Димитриос работал греческим консулом в Аддис-Абебе, а затем был временным поверенным в делах Греции в СССР и возглавлял посольство в Москве. Там он, кстати, и погиб в 1938 году при странных обстоятельствах, якобы совершив самоубийство⁶. Димитриос проявился и как талантливый писатель, оставивший после себя несколько книг⁷.

И Спирос, и Димитриос, тяготевшие к Венизелосу и находившиеся в самой гуще событий того времени, тесно общались и очень хорошо дружили с моим отцом.

Обращает на себя внимание склонность обоих моих родственников к литературному творчеству. Надо сказать, что в нашей семье писатели не такая уж большая редкость. Помимо Спироса и Димитриоса, писательский талант обнаружился также у племянника Спироса Костаса Кириазиаса – автора многочисленных исторических романов. Обилие литераторов в нашей семье и тот факт, что, кроме моих родственников, никто из известных мне каритенцев по писательской стезе не пошел, наводит меня на мысль о нашем влахском происхождении.

Влахи представляли собой остатки латиноязычных чиновников и солдат Западной Римской империи, которые осели в более или менее изолированном положении в горах Византии и поэтому не эллинизировались, когда после VI века н. э. остальное население Византийской империи перешло на греческий язык. Они всегда стремились к образованию и культуре и легко воспринимали европейские языки, возникшие на основе латыни.

Однако так далеко в семейную историю не заглянешь. Что же касается семьи моего отца Антониоса, то в ней, кроме него самого, было еще десять детей. Пятеро старших – Элени, Константинос, Христос, Николаос и Спирос были рождены в первом браке моего деда Иоанниса Николопулоса. Его жена Эфросини Мадзурани рано умерла, и дедушка женился во второй раз, как было сказано выше, на Элени Леонардос, дочери свирепого Туркандониса. От этого союза родились Василис и Стаматина, умершие в младенчестве, а также мой отец Антониос, дочь Фотини (Фотула) и еще два сына – Йоргос и Гераклис. Все выжившие дети окончили гимназию в Андрицене, но их дальнейшая жизнь сложилась по-разному.

Элени вышла замуж за начинающего юриста Теодороса Каридиса и принесла ему в приданое нотариальную контору своего отца в Каритене. Эту контору они с мужем держали потом всю жизнь. У Элени и Теодороса было пятеро детей, и все они, кроме погибшего в 1940 году на войне в Албании Василиса, со временем перебрались в Афины. Христос получил экономическое образование и много лет работал генеральным директором крупнейшей в Греции шоколадной мануфактуры Павлидиса.

Все остальные дети, за исключением моего отца, пошли по пути, давно проторенному сотнями тысяч греков – они эмигрировали. Толчком к этому послужили разразившиеся в

---

⁶ В марте 1938 года Димитриос был найден мертвым в своем кабинете в посольстве в Москве. Газета «Правда» сообщила в этой связи, что посол Д. Николопулос покончил жизнь самоубийством из-за тяжелой болезни. Вскрытие тела запретили, о результатах расследования, которое должно было быть проведено хотя бы формально, семью не уведомили. Эта история оставалась покрытой мраком вплоть до недавнего времени, когда открылись обстоятельства массовых репрессий против советских греков в 1930-х годах и у некоторых историков появились предположения, что самоубийство моего дяди было замаскированным убийством по подозрению в антисоветской деятельности и шпионаже на фоне проводившейся в 1937–1938 годах «Греческой операции» НКВД, коснувшейся и подданных Греции. Появилась и дополнительная версия. От одного из советских клерков посольства, работавшего осведомителем НКВД, известно, что незадолго до своей кончины посол принимал на хранение в посольстве деньги и личные ценности у советских греков, имевших греческие паспорта и стремившихся выехать в Грецию.

⁷ – Demetre Nicolopoulos. Addis-Abeba, ou “Fleur Nouvelle”. Souvenirs et Contes D’Ethiophe. Imprimerie Ant. Ged. Marseille, 1923.– Dimitri Nicolopoulos. Lettres de la Fleur Nouvelle (Addis-Abeba). Editions Badiniere. Paris, 1930.– Dem. Nicolopoulos. На Ingannato Il Santo e Altre Novelle. Prof. P. Maglione – Editore. Succ. Di E. Loescher EC. Roma, 1932.– Δημ. Κ. Νικολοπουλου. Τα συνора της θαλασσας και αλλα διηγηματα. Ιωαννου Δ. Κολλαρου και Σιας. Αθινα, 1934.

начале XX века эпидемии дакоса и филлоксеры, заболеваний, поразивших, соответственно, оливы и виноградники в Италии, Греции и Северной Африке. Эти эпидемии имели трагические последствия не только для сельского хозяйства, но и для всей экономики Греции, учитывая вызванный ими резкий спад экономической активности. В результате тысячи греков, и не только крестьян, были вынуждены отправиться в Новый Свет в поисках лучшей жизни.

Первым, около 1900 года, уехал в США мой дядя Константинос Николопулос, который обосновался в Нью-Йорке, в Бруклине, где занимался коммерцией и делами местной греческой общины. О нем я еще буду писать, потому что не раз встречался с ним в годы моей жизни в Америке. Примерно тогда же уехали за границу еще два сводных брата моего отца – Николаос (Никос) и Спирос. Никос поехал учиться во Францию, где вскоре умер от туберкулеза, а Спирос некоторое время работал в Кот-д'Ивуаре в торговом бизнесе магната Тангалакиса (дальнего родственника и уроженца Каритены) и тоже умер молодым от неизвестной тропической болезни.

Младшая сестра отца Фотула вышла замуж за Костаса Матцикаса и вместе с мужем также эмигрировала. Точно не помню, где в США жили Матцикасы – то ли в Нью-Йорке, как Константинос, то ли в одном из небольших городков Новой Англии. В эмиграции они родили четверых детей (еще один ребенок родился у них позже в Греции). К 1912 году в США оказались уже и Йоргос с Гераклизом. Йоргос уехал из Греции один в возрасте 13 лет, сев на корабль в Патрасе. Он жил в Чикаго и работал полицейским, а позднее занимал пост шерифа в городе Гэри в штате Индиана. От этого периода у него осталась шерифская звезда, долго производившая впечатление на всех юных членов семьи. Что касается Гераклиса, то он уезжал очень молодым и, вероятнее всего, как другие греки-иммигранты, работал официантом в каком-нибудь чикагском ресторане.

Неизвестно, как сложились бы в Америке судьбы всех моих родственников, но через пятнадцать-двадцать лет там разразилась Великая депрессия, и Николопулосам и Матцикасам пришлось вернуться в Грецию, где жизнь на тот момент была все-таки легче, чем на американской земле. Все они, кроме Константиноса, оставшегося в Нью-Йорке, приехали в первой половине 1930-х годов и осели в Афинах. Матцикасы привезли некоторое количество заработанных в эмиграции денег и купили дом в симпатичном афинском районе Патиссия.

Йоргосу после работы в полиции было трудно найти занятие по профессии, и он держал мини-магазин – периптеро, где ему помогали дети и юные племянники. Его семья жила в старинном пригороде Петралоне в старом двухэтажном доме, приобретенном Йоргосом на деньги от приданого его жены Пенелопы. (Пенелопа была красивой дочерью вышеупомянутого Тангалакиса, брак которой с выписанным для этой цели из США в 1935 году Йоргосом был устроен ближайшими родственниками, в том числе моим отцом.) У Йоргоса родились дочь и два сына, один из которых, врач по специальности, впоследствии стал начальником главного военно-морского госпиталя и дослужился до звания адмирала греческих ВМС. Гераклис получил юридическое образование. И он сам, и многие другие родственники в начале 1930-х годов работали в издательском комплексе моего отца Антониоса, к которому я и хочу сейчас перейти в моем рассказе.

Добавлю только, что родным отца пришлось по-настоящему нелегко, потому что в Греции все их намечающиеся успехи и дальнейшие жизненные планы опрокинула Вторая мировая война. В 1945 году, уже после окончания войны, четверо из пятерых детей Фотулы вернулись в США. Сама Фотула к этому времени уже умерла, а Йоргос и Гераклис были в слишком преклонном возрасте, чтобы еще раз начать все сначала. Несколько позже для продолжения образования в Америку поехал и единственный сын Христоса Иоаннис, ставший там инженером и работавший в известных фирмах Вестингауз и Саноко.

Но вернемся к жизненному пути моего отца Антониоса. Завершив учебу в Андрицене, он уехал в столицу, где, как и его отец до него, с успехом окончил юридический факультет

Афинского университета. В отличие от моего деда, отец не пошел по юридической линии и стал профессиональным журналистом. Он работал главным редактором ежевечерней газеты «Этнос» – вышеупомянутого семейного издания, которым владел кузен отца Спирос⁸.

Газета «Этнос», основанная Спиросом Николопулосом в 1913 году, была первой газетой, которая поддерживала политическую карьеру Элефтериоса Венизелоса с того момента, когда будущий «великий грек» приехал с Крита в Афины. В начале 1930-х годов Венизелос приступил к созданию широкой либеральной политической платформы и стремился взять под свое крыло всех социалистов, за исключением коммунистов, в которых он видел опасных конкурентов в борьбе за власть. Для этого ему нужна была газета нового типа, не отягощенная бременем политической грызни предыдущего десятилетия.

Учитывая, что основное влияние на политику в Греции оказывали тогда не вечерние, а утренние газеты, Венизелос учредил новое политическое издание и выбрал моего отца, которого очень любил как журналиста, в качестве главного редактора. Так в 1932 году появилась на свет ежедневная утренняя либеральная газета «Неос Космос» («Новый мир»), а спустя два года – еще несколько других газет и журналов, во главе которых встал мой отец и которые стали своего рода «рупором» для партии Венизелоса.

Учрежденные либеральной партией издания объединились в издательский концерн «Та Граммата» («Беллетристика»), где отец занял пост председателя правления. Эта группа изданий выпускала и распространяла книги и периодику, в частности, экономическую газету «Эргасия» («Труд», выходила в 1930–1960-х годах), где, как и в газете «Неос Космос», часто печатались статьи и комментарии отца, а также заметки и статьи самых видных представителей греческой интеллигенции – т. н. «поколения 30-х годов».

Под эгидой «Та Граммата» выходили еще женский журнал, книжное обозрение и спортивная газета, а также популярные серии греческой и мировой классики, издававшиеся в целях просвещения греческого населения. Кроме того, концерн торговал бумагой и другой продукцией, необходимой для издательской деятельности.

Политическим советником всего этого предприятия Венизелос назначил близкого к себе перспективного либерального политика и будущего премьер-министра Греции Георгиоса Папандреу, который, таким образом, на долгие годы вошел в жизнь нашей семьи.

О судьбе политической газеты я скажу позже. Пока лишь подчеркну, что мой отец Антониос Николопулос был одним из самых блестящих и влиятельных журналистов своего поколения, оставившим по себе добрую профессиональную и человеческую славу. Однако эта слава дорого стоила отцу, с точки зрения интересов семейного бизнеса и личного благосостояния. Уйдя из «Этноса» в «Неос Космос» и «Та Граммата», он потерял право на участие в наследстве Спироса Николопулоса, рано умершего бездетным, и не смог стать владельцем газеты, в итоге доставшейся молодым племянникам кузена.

Я точно не знаю, из каких средств финансировалась весьма масштабная издательская деятельность моего отца. Общая финансовая поддержка политической партии Венизелоса и его важнейших инициатив в значительной степени исходила от крупнейших греческих предпринимателей – судовладельцев, текстильных и зерновых королей, видных коммерсантов. В основном это были представители международной греческой диаспоры, поддержавшие в Первой мировой войне Великобританию и Антанту, в то время как в Греции правила королевская династия с датскими, германскими и русскими корнями.

---

⁸ В газете «Этнос» («Εθνος») мой отец работал со времени ее основания в 1913 году до 1930 года. Став главным редактором, он выполнял также обязанности заместителя своего кузена Спироса, который был болезненным и часто лечился за границей. Газета «Этнос» выходит и по сей день. В 1960 году газета перешла от родственников Спироса Николопулоса в руки крупного греческого предпринимателя Георгиоса Боболаса. В 2017 году ее купил известный бизнесмен и многолетний президент российской Ассоциации греческих общин Иван Саввиди.

Если более широко посмотреть на роль и место этих людей не только как благодетелей либеральных греческих СМИ, но и как важной самостоятельной силы в греческой истории XX века, думаю, можно сказать, что именно эти люди финансировали становление и развитие современной Греции, в первую очередь ее промышленности, банковского сектора и морского флота. Между двумя мировыми войнами основные инвестиции в страну шли от греков из Лондона.

Сам Венизелос был тесно связан с кругом людей диаспоры не только политически, но и лично, через свой брак с Еленой Скилицци, происходившей из богатой семьи лондонских греков. Именно пробританская позиция Венизелоса, толкнувшего в свое время Грецию на участие в Первой мировой войне вопреки нейтралистской позиции короля Константина I, с одной стороны, привела к т. н. «национальной схизме» (буквальному расколу страны на две части в этот период), а с другой – создала условия для развития «особых отношений» между Грецией и Великобританией в 1920–1930-х годах и активного вмешательства британцев в греческие дела во время и после Второй мировой войны.

Замечу мимоходом, что в здании на проспекте королевы Софии в Афинах, где когда-то находилась личная резиденция греческого лидера, в наши дни располагается посольство Великобритании.

В международную диаспору уходит своими корнями и моя семья со стороны матери. Моя мать Роза, урожденная Протекдикос, родилась в 1900 году в Афинах, но происходила из банковских и коммерческих кругов греческой диаспоры в Триесте – главном торговом порту Австро-Венгерской империи, своего рода средиземноморской Одессы. Ее предки по отцовской линии, выходцы с греческих островов, были моряками, капитанами парусных кораблей и благополучными триестинскими банкирами. Одним из таких моряков-капитанов был дед моей мамы Константинос, уроженец острова Кеа. Его жена Нина Коломбо родилась в Генуе и была итальянкой-католичкой из рода Колумбов.

Сын Константиноса и Нины, мамин отец Эммануил Протекдикос, был видным коммерсантом и, кстати сказать, масоном тридцать третьего философского градуса. Его положение как греческого масона хорошо показывает сохранившаяся у меня фотография членов масонской ложи Афин, с дедом Эммануилом в самом центре живописного собрания. А гротос замечу, что свою старшую дочь и сестру моей матери Нину дед также выдал замуж за мастера-масона по фамилии Сеферлис. От дяди Сеферлиса у меня остался маленький крестик, привезенный им из очередной поездки в Иерусалим. (Как вообще все масоны и особенно мастера масонских лож, он с трепетом относился к этому городу и часто посещал места, где находятся с ваянные для «вольных каменщиков» каменоломни царя Соломона, заложившего на их основе древний иерусалимский Храм.)

Мамина мама и моя бабушка Вирджиния Мацалор была родом из местных словенцев. Имен ее родителей я не знаю, но слышал, что они, как и сама Вирджиния, которую многие звали «Фурланой», происходили из сельскохозяйственного региона Фурли между Триестом и Венецией, где жило довольно много славян. Известно, что бабушкины братья работали в паровой компании «Ллойд Триестино», перевозившей пассажиров между Триестом и другими средиземноморскими портами. Насколько я знаю, и другие члены ее семьи работали на кораблях или в порту Триеста.

По-гречески Вирджиния говорила плохо, но по мере сил поддерживала греческий язык в собственной семье в интересах детей. Со своими родственниками бабушка говорила на триестинском диалекте итальянского языка. Об одном из кузенов Вирджинии было известно, что он служил офицером в австро-венгерской армии и во время Первой мировой войны попал в плен к британцам. Последние сохраняли в то время «джентльменское» отношение к военнопленным офицерам, и мой родственник провел годы плена довольно сносно, время от времени даже играя в футбол со своими товарищами по лагерю. Как рассказывали у нас в семье, Англия

произвела на него неизгладимое впечатление. Вообще, все мои родные по бабушкиной линии были чистой воды «западниками», так как их культура была западной.

В Грецию бабушка Вирджиния попала в конце 1890-х годов в связи с тем, что ее муж Эммануил был назначен главой триестинской представительской фирмы в Афинах. К сожалению, через десять-пятнадцать лет благополучной жизни мой дедушка заболел и умер, оставив в столице в трудном положении вдову, почти не говорившую по-гречески, и четверых детей. Все это происходило на фоне Первой мировой войны, расчленившей Австро-Венгерскую империю на несколько новых государств, так что возврат домой был для бабушки крайне затруднителен, если вообще возможен.

В результате Вирджиния и большинство ее детей осели в Греции, и только самый старший сын, мой дядя Константин Протеджико, учившийся и начинавший работать в Триесте, остался жить на родине, став там со временем видным банкиром – директором местного Итальянского банка. Старшая дочь Нина, также задержавшаяся вначале в Триесте, после смерти отца добралась до Афин и стала первой помощницей матери в воспитании своих братьев и сестер. Все эти дети семьи Протекдикос родились в Триесте. Моя мама, шестая по счету и самая младшая, – одна из всех родилась в Афинах.

Моя бабушка была католичкой, а дедушка православным греком. По закону о смешанных браках, действовавшему в Триесте в то время, все мальчики, родившиеся от таких браков, «наследовали» вероисповедание своих отцов, а девочки – матерей. Таким образом, сыновьям Вирджинии предстояло стать православными, а дочери должны были воспитываться в католической традиции. Однако, когда моя бабушка осталась одна в Греции с маленькими детьми, она решила всех детей сделать православными, в том числе и девочек. Детей своих бабушка держала в ежовых рукавицах. Сама она при этом до конца жизни оставалась ревностной католичкой.

Все дети прекрасно учились в греческих школах и впоследствии заняли достойные места в греческом обществе. Например, мамин брат Димитриос Протекдикос, которого в семье звали Мимисом, стал одним из директоров коммерческого банка «Этники трапеза» («Национальный банк»), и по сей день являющегося одним из крупнейших банков Греции. Он был женат, но детей не оставил. Другой брат, Никос, стал директором коммерческого Ионического банка в Афинах. У него был один сын Теодорос (Дори), воевавший во время Второй мировой войны в Северной Африке и ставший впоследствии успешным коммерсантом в области купли-продажи кораблей.

О моем дяде Константине Протеджико и тете Нине Сеферли я уже упоминал чуть выше. Добавлю лишь, что у дяди был один сын, который умер в возрасте восемнадцати лет от пневмонии после высокогорного похода по Альпам. Нина и Сеферлис имели трех дочерей, работавших в Афинах банковскими служащими. Одна из них – Вирджиния, названная в честь своей бабушки, вышла замуж за Мицоса Леонардоса, кузена моего отца и его доверенного лица в «Та Граммата».

Вторая сестра мамы, Мария, стала женой бизнесмена Вангелиса Заппаса, который происходил из семьи греческой диаспоры в Румынии. Наиболее состоятельные члены этой семьи давно известны в Греции как крупные благотворители. В частности, миллионеру и меценату Евангелосу Заппасу, одному из богатейших европейцев конца XIX века, греки обязаны появлением в центре нашей столицы известной достопримечательности – элегантного выставочного павильона «Заппион», гармонично вписавшегося в зеленый парковый массив вокруг здания греческого парламента на площади Конституции⁹.

---

⁹ Помимо всего прочего, Евангелис Заппас, сыграл важнейшую роль в возрождении Олимпийских игр в современную эпоху. В 1859–1889 годах он профинансировал проведение четырех Олимпиад, предшественниц Олимпиад, проводившихся с 1896 года под эгидой Международного Олимпийского комитета. Собственно говоря, первые летние Международные Олимпийские игры 1896 года в Афинах проводились на средства, собранные в ходе общественной кампании в Греции, благотвори-

Кем приходился Евангелису наш родственник Запас я точно сказать не могу, – по моему, он происходил из менее состоятельной ветви знаменитой семьи, – но родство определено было. Вангелис и Мария родили одного сына, который впоследствии заведовал компьютеризацией Национального банка Греции.

У мамы Розы были и другие родственники, сделавшие прекрасные карьеры. В частности, трое из ее кузенов, носившие фамилию Лазаридис и происходившие с острова Кеа (из ветвей, образовавшихся от уже известных читателю предка-пирата и «русской княжны»), также стали известными людьми. Аристидис Лазаридис много лет занимал пост главы государственного Центрального банка Греции (аналога российского Центробанка). Его брат Михалис возглавлял крупный банк в Салониках. Третий брат Иоаннис, был кадровым государственным служащим и работал генеральным директором Министерства внутренних дел Греции. Он, кстати, потом сыграл не последнюю роль в моей жизни.

Наконец, четвертый брат Лазаридис, чье имя я, к сожалению, забыл, много лет возглавлял муниципалитет острова Кеа. Насколько я помню, моя мама и другие Протекдикосы часто ездили в гости и отдыхать на Кеа. Когда я и сам, уже взрослым, впервые приехал на этот живописный остров, мой родственник-мэр настойчиво уговаривал меня купить там участок земли. (Возможно, это имело смысл – за прошедшие годы Кеа превратился в популярное место отдыха афинской интеллигенции.)

Что касается самой моей мамы Розы, то она получила образование в престижном женском институте «Арсакион». Когда маме было двадцать лет, руководство «Арсакиона» послало ее в Египет, чтобы она организовала школу для детей греков-строителей Суэцкого канала в Порт-Саиде¹⁰. Роза, сама еще тогда молодая девушка, блестяще справилась с этой задачей, проработав на посту директора порт-саидской школы около пяти лет. В Порт-Саид с мамой отправилась и бабушка Вирджиния, которая все эти годы лично держала их дом и освобождала маму от бытовых забот. Надо сказать, что маме хорошо платили, потому что на деньги, заработанные в Египте, она смогла позже купить дом в уже упоминавшейся Патиссии, где с XIX века селились семьи представителей афинского среднего класса. Похоже, мама была первой из девушек семьи Протекдикос, которая как-то связывала свое будущее с полученной профессией и работала в ней, по крайней мере, некоторое время.

Вернувшись в Грецию, Роза Протекдикос преподавала в своей alma mater, «Арсакионе», занималась общественной и благотворительной деятельностью, участвовала в проектах социальной и образовательной помощи бедным слоям населения и женщинам. Она также непрерывно организовывала помощь беженцам, в огромном количестве прибывавшим в Грецию в 1920-х годах из Малой Азии¹¹.

Именно в это время мама увлеклась журналистикой и начала печатать свои статьи об образовании в газете «Этнос». Там она познакомилась с моим отцом, и в 1930 году мои родители поженились. Мама была правой рукой отца при создании газеты «Неос Космос». Она

тельные средства из финансового наследия Запаса и пожертвования еще одного виднейшего греческого мецената – Георгиоса Аверофа. Упомянутый в этой главе Запион был построен при поддержке Запаса к открытию четвертых Олимпий в Греции.

¹⁰ Греки известны как одни из лучших строителей в мире и привлекались к крупным строительным проектам за пределами Греции. При строительстве Суэцкого канала, греки, наряду с итальянцами и далматинцами, выполняли основные квалифицированные работы. Помимо Суэцкого канала, в конце XIX века греки строили, например, первый трубопровод Баку-Батуми и первые железные дороги в Грузии, разрабатывали серебряные рудники в Закавказье.

¹¹ На момент катастрофы 1922 года в Малой Азии население Греции составляло примерно 5,5 млн. чел. К концу 1923 года оно выросло уже до 7 млн. чел., где беженцы составили более 20 % от общей численности. Некоторое количество беженцев греческому правительству удалось поселить в Салониках и Северной Греции, однако большинство греков из Малой Азии осели в Афинах и Пирее. После Второй мировой войны в город пришла вторая волна беженцев – внутренних беженцев с гор, где шла гражданская война, а затем переселенцев из разоренных войной деревень. Часть этих людей эмигрировала в США, Австралию и другие страны, тем не менее, если до Первой мировой войны население Афин составляло не более 100 000 человек, то в 1950 году население греческой столицы насчитывало уже 1,3 млн. чел. Сегодня в Афинах проживают около 4 млн. чел., или 36 % нынешнего населения Греции (около 11 млн. чел.).

также работала в руководстве благотворительного фонда, занимавшегося проблемами матери и ребенка, и даже возглавила первый женский журнал «Гинека» («Женщина»), созданный в 1936 году под эгидой «Та Граммата». Однако с появлением детей (я родился 25 марта 1935 года, а моя сестра Элви – 21 мая 1937 года) отец настоял, чтобы мама оставила работу, и стал типичным греческим домашним деспотом. Он старался ограничивать жизнь жены кухней и детьми и всячески отлучал ее от всего, что выходило за рамки патриархальной семейной жизни.

С одной стороны, мама приняла такую перемену как неизбежность, отошла от профессиональных дел и отдала свою жизнь этой миссии – воспитанию детей, хозяйственным обязанностям и беззаветному служению интересам мужа и семьи.

С другой стороны, таланты и способности в землю не зароешь. Мама всю жизнь много читала на пяти иностранных языках и хорошо писала как журналистка.

И хотя когда-то она вошла в афинскую общественную жизнь дилетанткой, стремившейся реализовать свои представления о социальном благе, в течение жизни у мамы развились хорошее деловое чутье и незаурядные способности к менеджменту. Она стойчески держала семью и хозяйство в любых, порой весьма сложных, обстоятельствах, рационально и дальновидно используя имевшиеся в нашем распоряжении материальные и финансовые ресурсы.

Разумеется, родители совершенно по-разному относились к воспитанию детей. Следуя в русле западноевропейской традиции, мама не забывала, что когда-то занималась вопросами защиты прав ребенка. Отец же проявлял себя как классический эллинист и постоянно ссылаясь на идеи Платона и других древних философов, говоривших о пользе сурового воспитания. При этом он считал, что своим «западническим всепрощением» его супруга портит нас. Мы, дети, страдали от этого разлада в воспитании и в меру своих сил пытались его сгладить.

К слову сказать, уже тогда я начал ощущать некую двойственность восприятия, сохранившуюся во мне, как я думаю, и поныне. С одной стороны, пока я рос и формировался как личность, я настойчиво стремился следовать современной западной культуре, которая казалась мне более цивилизованной, чем греческая. С другой стороны, став взрослым, я часто испытывал чувство утраты, вспоминая, как в детстве бывал счастлив, ощущая блаженный дух и волшебную атмосферу греческой церкви в афинском предместье Психико, где проходили мои ранние годы.

Оценивая под этим углом зрения трудности и испытания, выпавшие на долю нашей семьи в 1930–1940-х годах, надо сказать, что именно мама с ее практическим и рациональным подходом оказалась в итоге нашей спасительницей, уберегла нас от голода в тяжелые времена. Благодаря ее усилиям наша семья не только выжила в войне, но и избежала экономического краха в тяжелые послевоенные годы. На протяжении всей жизни с отцом мама неоднократно помогала ему выходить из трудных ситуаций и кризисов, возникавших из-за его импульсивных и зачастую недальновидных действий.

Будучи профессиональным журналистом и издателем, заложившим фундамент крупного предприятия – группы газет, типографии и издательства, – отец с азартом жонглировал всем этим, принося экономические интересы своей семьи в жертву собственным принципам и политическим убеждениям. Можно сказать, что в жизни он следовал призывам великого греческого писателя Казандзакиса, который внушал своему читателю: «Ты должен любить ответственность и говорить: я один могу спасти землю. А если она не спасается, то это моя вина»¹².

Вот и папа считал, что он в ответе за все.

Так, ведя тщетную борьбу против довоенной диктатуры генерала Метаксаса, протестуя и не желая подчиняться требованиям цензуры, мой отец прекратил в 1936 году издание своей газеты «Неос Космос». Устроенный им по этому поводу демарш был предельно выразительным: в один печальный день газета вышла с броским заголовком о своем закрытии, под кото-

---

¹² Καζαντζακης Νίκος. Ασκητική Salvadores Dei. Εκδόσεις Ελενης Καζαντζακη, Αθήνα, 1971. Σελ. 31.

рым зияла дыра из сплошных белых полос, оставленных цензором. В то время как остальные греческие газеты продолжали выходить под цензурой и действовали в пределах возможного, отец делал театральные жесты и повторял свое решительное «нет!». А когда пришли немцы, он и вовсе прикрыл деятельность всех своих издательских предприятий, – не только чтобы избежать цензуры, но и чтобы оккупанты не смогли воспользоваться их материальной базой. Результаты этого саботажа были плачевны: немцы все захватили или уничтожили, а уцелевшие остатки отцовского имущества достались его конкурентам.

Что же касается мамы, то она, в принципе поддерживая моральные основания поведения отца, оставалась в большей степени европейкой и старалась мыслить и действовать рационально. Именно это помогло ей спасти кое-что из собственности семьи во время войны и поддерживать нас, пока я и моя сестра подрастали.

Еще в 1935–1941 годах мама вложила небольшое количество скромных семейных сбережений в почти даровые земельные участки на пустырях уже упомянутого района Психико. Можно только поражаться ее рачительности – мама сумела обратить в выгодную и инвестицию те скудные деньги, которые ей удавалось отложить, экономя на хозяйственных расходах, – и экономической прозорливости. Спустя сорок-пятьдесят лет бывшие пустыри превратились в цветущие сады, где располагаются иностранные посольства и роскошные виллы греческой буржуазии. Сегодня здесь находится самая дорогая земля в Греции.

Забегая вперед, скажу, что в конце 1960-х годов мама организовала на купленных участках строительство трех-четырёх жилых домов, где мы получили долю в виде некоторого количества квартир. Эти квартиры вскоре начали приносить нашей семье весьма приличный доход. К этому моменту мы, дети, уже выросли и начали «вершить великие дела» за океаном, – я стал историком и дипломатом, а моя сестра Элви – психотерапевтом и известной коннозаводчицей в штате Индиана. Понимая, что в Греции мы ничего не сможем добиться, не имея под ногами прочной финансовой базы, мама всеми силами старалась сохранить и приумножить в наших интересах столь удачно обретенное богатство.

Мастерски управляя семейной недвижимостью, мама вновь повернула фортуны к нам лицом и предоставила мне и сестре возможность реализовывать свои профессиональные устремления. А мы, будучи уже взрослыми, под влиянием генофонда нашего отца не сумели сохранить достижения этого нового этапа маминой деятельности. Нас увлекали то мечты о завоевании американских ипподромов, то интеллектуальные фантазии о возможностях манипулирования политикой сверхдержав, и в этих наших экзистенциальных экспериментах мы беспечно растратили практически все мамины завоевания.

Во всяком случае, история нашей семьи – хорошая иллюстрация к уже прозвучавшей на этих страницах мысли о внутреннем конфликте между греческой и европейской культурами. Рискну предположить, что этот конфликт нашел свое выражение не только в спорах и разногласиях между близкими мне людьми, но и в зигзагах и коллизиях послевоенной истории моей страны, и явился не последним из факторов, приведших к серьезным проблемам в жизни современной Греции.

Мой папа был индивидуалистом и одиночной звездой. Он мог, как Геракл, совершать подвиги, но в одиночку. А мама обладала даром социальной организации и могла вдохновлять и успешно организовывать коллективную деятельность, налаживать сотрудничество между отдельными людьми и группами.

Папа олицетворял собой тип героя, а мама – тип хорошего политика. Она старалась не высовываться, а координировать. Как журналистку, маму трудно было себе представить пишущей пламенную статью, хотя, когда надо было, она умела это делать. Потому что как носительница европейской культуры мама была рационалистка, а не оппортунистка, т. е. она всегда решала проблемы, полагаясь на разум, и не бросалась немедленно использовать любую открывающуюся возможность. И при этом у нее была глубоко моральная душа.

Мама обладала сильно развитым чувством ответственности, а также умением работать вместе с отцом и быть ему преданным другом и партнером во всех делах. Прекрасно сознавая все недостатки своего мужа, мама тем не менее глубоко уважала его и считала героем. Вдвоем мои родители всегда действовали как одна команда. После смерти отца в 1950 году мама собрала все оставшиеся в доме ресурсы и продолжила издание отцовской газеты «Неос Космос». Под маминым руководством газета выходила еще целых десять лет¹³.

Жаль, что женщины маминого поколения не занимались политикой, иначе она могла бы подняться до больших высот и сыграть важную роль в тогдашней политической жизни Греции. Кстати, благодаря маме я всегда с пониманием и уважением относился к участию женщин в профессиональных и общественных делах и имел, в отличие от многих моих соотечественников, более адекватные представления о роли женщин в истории и современном обществе.

Я рад тому, что воспринял от мамы ее убеждение в ценности коллективной деятельности и сотрудничества. Свойственная европейской культуре способность к эффективной коммуникации и координации на уровне обычных людей – это то, чего до сих пор так не хватает греческой общественной культуре. Да, похоже, и близкой к ней и глубоко небезразличной мне общественной культуре России.

---

¹³ В эти годы газета существовала главным образом за счет рекламных и прочих платных объявлений банков, компаний и других коммерческих структур. Эти средства, добывавшиеся мамой, долгое время поддерживали нашу жизнь.

3. Самые ранние воспоминания. Мои домашние. Политическая и культурная среда в Психико

Помню ранние проявления чувства ревности, или, выражаясь языком современной психологии, «эдипова комплекса». Мама надела уличный костюм и накрасилась. У меня, видевшего такое первый раз, это вызвало острую реакцию. Я подумал, что мама украшает себя для кого-то другого, начал топтать ногами и бешено орать. Мама ушла, оставив меня с няней Деспиной, которая долго не могла меня успокоить. Я просто взорвался. Такого бешенства, мне кажется, я не чувствовал потом никогда в жизни.

Детская ревность порой находила выход в мстительности. Издательство и типография «Та Граммата», где работал мой отец, располагались в афинском районе Псири, недалеко от площади Омония. Оттуда папа обычно приезжал домой обедать на служебной машине. Появлялся он часа в два. Кухарка накрывала стол и подавала, а мама присутствовала. Помню, как-то раз папе чрезвычайно понравился обед, и после еды он долго сидел один в столовой с довольным видом.

Я залез под сиденье его раттанового стула и через дырку кольнул папу в зад какой-то булавкой. Папа отобрал у меня булавку и начал бегать по дому в поисках мамы, а затем читал ей лекцию о безобразных последствиях ее воспитания. Я смотрел на всю эту сцену с крайним злорадством. Выпустив пар, папа выбросил булавку в туалет и спустил воду, чтобы орудие преступления снова не попало ко мне в руки. Мне было тогда всего два года.

Примерно в то же время родилась моя сестра. Я помню, как мама отправилась в родильный дом, а меня забрала к себе на какое-то время моя крестная, тетя Фросо Карапанос. Фросо была родом из богатой греческой семьи в Александрии. Греки Египта, проживавшие главным образом в Александрии и Каире, в первой половине XX века составляли костяк национальной египетской буржуазии. Они держали в своих руках практически всю текстильную индустрию и торговлю хлопком в стране и, разумеется, относились к «сливкам» египетского общества. Дедушка Фросо был крупным хлопковым магнатом и при этом мультимиллионером. Кроме всего прочего, он стал известен тем, что финансировал археологические раскопки храмового комплекса Зевса в греческом Эпире. Находки от этих раскопок позже заполнили целое крыло здания Национального археологического музея в Афинах.

Семья Фросо вынуждена была оставить Александрию после начала деколонизации в Египте, когда собственность ее семьи была национализирована. В Афинах бывшие египетские греки должны были как-то обеспечивать себя, и Фросо, как и другие, пошла работать. Она без труда нашла себе место в Национальном банке Греции, где была назначена в офис одного из директоров банка – уже упоминавшегося мной Димитриоса Протекдикоса, брата моей матери и моего дяди Мимиса. Мимис пленился красотой и умом Фросо и женился на ней. Когда я родился, тетя Фросо стала моей крестной матерью. Своих детей у нее не было, и тетя активно занималась моим воспитанием.

К сожалению, замужество моей крестной оказалось неудачным. После десяти лет супружеской жизни Фросо завела роман с британским офицером, – как я подозреваю, не без задней мысли вернуться с ним в Египет. Роман закончился несчастливо и разрушил ее брак. Мимис уехал в Лондон и жил там один, пока не встретил молодую женщину-польку, которая на склоне лет скрасила его одиночество своей любовью и заботой. Полька работала официанткой в ресторане и жила вместе со своей пожилой матерью в небольшом домике в лондонском пригороде Кью-Гарденз. В этом домике дядя Мимис и провел последние годы своей жизни. Там он наконец обрел душевное равновесие и семейное тепло.

Но все это было уже много позже. А пока что крестная Фросо забрала меня в свой дом в Кифисии, старейшем аристократическом предместье на севере Афин, у подножия горы Пен-

дели. Там в те годы проживали многие богатые горожане. Кифисия славилась замечательными сосновыми рощами и буколическими полянами, где бродили бесчисленные стада овец. Идиллические пейзажи вызывали почти что курортный интерес к этим местам и привлекали многих зажиточных греков из диаспоры. Конечно, я был тогда еще слишком мал, чтобы понимать прелесть афинских предместий. Единственное, что я хорошо понимал, – это то, что мама куда-то исчезла, поэтому я несколько дней проплакал без остановки до момента, когда крестная вернула меня домой. Там я впервые познакомился со своей новорожденной сестрой Элви, мирно спавшей в маленькой кроватке. Я как-то сразу понял, что я больше не один, что нас, детей, у мамы двое.

Это было очень хорошее, теплое чувство. И хотя я продолжал ревновать маму ко всему свету, к сестре я ревности никогда не испытывал и был счастлив ее рождением, на всю жизнь обретя в лице Элви верного друга и товарища. Бывали, однако, между нами и смешные моменты. Например, мама часто вспоминала наши скитания во время войны, когда мы жили то у одних, то у других родственников в Каритене и Афинах. Спальных мест всегда не хватало, и мы с сестрой спали с мамой, по обеим сторонам от нее. При этом каждый из нас крепко хватался за мамину руку и тянул ее к себе. Вспоминая впоследствии эти сцены, мама, с присущим ей мягким и отчасти «черноватым» юмором, называла нас с сестрой двумя разбойниками с Голгофы.

Но пойдём дальше. Итак, мое детство прошло в афинском предместье Психико, куда мы переехали из квартиры при отцовской газете вскоре после моего рождения в 1935 году. Там родители арендовали большой дом на улице Стратигу Калари, в котором, кроме нас, поселилось еще много каритенских родственников, приглашенных папой. Папе нравилась коммунальная жизнь его родственников в Петралоне, и он хотел завести в нашем доме такие же порядки. Мама протестовала, и мы потом дважды переезжали в дома меньшего размера, где жили уже без родственников. Все эти дома находились неподалеку друг от друга.

Психико – старое, давно известное место. Свое название оно получило в память о благородном поступке святой девы Филофеи, устроившей там в XVI веке общественный колодец с питьевой водой. В переводе с древнегреческого, «психико» означает «от души» и к психиатрии не имеет никакого отношения.

В 20–30-х годах XX века эта афинская окраина начала застраиваться и постепенно превращаться в новое популярное место обитания греческой элиты. Здесь стали селиться иностранные негодянты, сотрудники международных фирм и особенно состоятельные деятели диаспоры, вернувшиеся на Родину. Возникли предвестницы зеленых улиц и площадей, которым в будущем предстояло радовать обитателей здешних мест своими цветниками, красивыми мощеными тротуарами, а также «говорящими» названиями: улица Камелий, улица Нарциссов, площадь Эвкалиптов... Появились роскошные виллы и известные афинские школы – женский институт «Арсакион», мужская гимназия «Варвакион», лицей «Афинский колледж». Все эти учебные заведения были открыты на благотворительные пожертвования богатых греческих филантропов.

Так, например, «Арсакион», где, как я уже писал, обучалась моя мама, основал зажиточный бухарестский врач Арсакис. «Варвакион» был учрежден на средства известного негодянта греческой диаспоры из России Варвакиса, бывшего, кстати сказать, до 1820 года монопольным владельцем производства каспийской икры. Что же касается «Афинского колледжа», то он был обязан своим появлением щедрости баснословно богатого мецената Бенакиса – «короля» египетского хлопка и основателя одного из главных афинских музеев. Ученики этих школ и вообще все маленькие психикиоты, среди которых, кстати сказать, было очень много иностранцев, вели себя как настоящие «аристократы» и «люди мира» – в духе обитателей Царского села или московской Немецкой слободы.

В связи с филантропией и Варвакисом стоит заметить, что представители греческой диаспоры из дореволюционной России вообще сыграли немаловажную роль в создании инфраструктуры образования и культуры в Греции после завоевания ею независимости. Они жертвовали крупные денежные средства на строительство школ и лицеев по всей стране, а также внесли свой вклад в развитие важнейших научных учреждений в греческой столице – Афинского университета Национальной библиотеки и Афинской академии наук.

В центре Психико находился дворец, где жили престолонаследник Павел с супругой, принцессой Фредерикой, и другие члены многочисленной греческой королевской семьи. Надо сказать, что дворец был достаточно скромным. Он сохранился и по сей день, но совершенно заброшен и разваливается на глазах.

А окружающие его современные виллы, как говорится, «цветут пышным цветом». Больно смотреть, как переименовавшие улицу Фредерики в улицу Демократии нувориши демонстрируют стране «реальную демократию», играя на левых настроениях избирателей и набивая свои карманы за их же счет. Неудивительно, что страна уже давно находится в тяжелейшем кризисе, а в последние годы балансирует на краю полного банкротства...

Тем не менее, каким бы благополучным ни выглядел нынешний Психико на фоне остальной современной Греции, на его долю и долю его жителей в XX веке выпало немало тяжелых испытаний, в том числе в период второй мировой войны, немецкой оккупации и гражданской войны в Греции. Прожив в Психико до пятнадцатилетнего возраста, я стал очевидцем и в какой-то степени участником этих событий. Их бешеный накал во многом повлиял на становление моего поколения, определил мой собственный характер.

Однако не будем забегать вперед – до войны Психико жил относительно мирной, хотя и динамичной в общественном смысле жизнью. Мы, дети, росли в окружении ярких людей, в атмосфере, как губка напитанной политическими идеями, культурными влияниями и человеческими связями. Все это переплеталось порой самым удивительным и причудливым образом и было густо замешано на греческой истории и особенно греческой политике. Греки вообще очень «политические» люди и обычно идентифицируют себя с той или иной политической идеологией или партией. Так и мы с Элви с детства слышали от мамы о нашей семье, что «мы – социалисты». При этом надо сказать, что сами политические партии в Греции представляли собой в то время свободные коалиции, возникавшие главным образом вокруг харизматических деятелей, а не вокруг определенных политических принципов и платформ.

Как я уже говорил, мой отец входил в круг ближайших сподвижников выдающегося государственного деятеля Греции Элефтериоса Венизелоса (1864–1936). В греческой политике Венизелос представлял элиту так называемой новой Греции – территорий, освободившихся от турецкого ига до и в ходе Балканских войн XX века. Свою политическую карьеру он начал на Крите в конце турецкого периода и выдвинулся во время событий, связанных с греко-турецкими столкновениями на острове и выходом Крита из-под турецкого правления на рубеже XIX и XX веков (между прочим, в то время на Крите, по решению великих европейских держав, использовались в качестве миротворцев русские войска). Критский политик выражал интересы значительной части греческого среднего класса.

Находясь у власти в Греции с 1910 по 1932 год (с перерывами), Венизелос много сделал для модернизации государственной системы страны, возвращения ей исконных греческих земель и укрепления греческих позиций на Балканском полуострове. Греческий лидер лелеял т. н. «большую идею» о восстановлении былого величия греческого (византийского) государства. На достижение этой цели были направлены его усилия по организации совместной борьбы Балканских стран против Турции еще до Первой мировой войны, а позже – его действия по вовлечению Греции в эту войну на стороне Антанты и дипломатическая работа по обеспечению выгодных для греческой нации условий заключения мира.

Нельзя, однако, забывать и о том, что две Балканские войны, имевшие место в период правления Венизелоса, – в 1912–1913 годах и в 1913 году, – закрепившие присоединение Крита к Греции и приведшие к освобождению Македонии, Эпира, Эгейских островов и других греческих территорий, лишили жизни более 140 000 людей, а Малоазийский поход греческих войск, начатый с санкции союзников в 1919 году также при Венизелосе¹⁴, завершился для Греции полным разгромом, результатом которого стали в том числе трагедия Смирны в 1922 году и т. н. греко-турецкий обмен населением в 1922–1923 годах, закрепивший массовый исход греческого населения из Турции в Грецию (около 1,5 млн. беженцев из Малой Азии, Восточной Фракии и горных территорий Северной Анатолии и Кавказа) и перемещение в Турцию 400 000 мусульман из районов континентальной и островной Греции¹⁵. Эти события, которые для греков неразрывно связаны с именем Венизелоса, резко увеличили территорию и численность населения Греции в 1920-х годах, обеспечив приток довольно хорошо образованной и при этом дешевой рабочей силы для развития экономики. Одновременно они обострили политические и социокультурные конфликты, с которыми приходилось иметь дело греческим политикам.

По сути, главным таким конфликтом было противостояние двух Греций – старой и новой, – двух обществ, двух экономик. Старая Греция опиралась на королевскую династию и круги земельной аристократии, в первую очередь Пелопоннеса, а также на армию, традиционно поддерживавшую правящего короля. Греческие короли (в XX веке их было шесть) состо-

---

¹⁴ В начале Первой мировой войны Греция при короле Константине I держала нейтралитет. Константин был женат на Софии, сестре германского кайзера Вильгельма, и не хотел воевать с родиной супруги. Известно также, что за неучастие Греции в войне и политическую поддержку Германии король получил от Вильгельма крупную сумму – 40 млн. золотых марок. (См., например, Murtagh, Peter. *The Rape of Greece. The King, the Colonels and the Resistance*. Simon and Schuster, London, 1964. P. 45.) В октябре 1915 года в порту Салоники высадились две дивизии французских и британских войск с целью открытия нового фронта для спасения сербских союзников, оборонявшихся от объединенных сил Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. В Салониках войска Антанты находились последующие три года, вплоть до падения Болгарии и освобождения Сербии осенью 1918 года. В июне 1917 года союзники направили войска под французским командованием для оккупации Афин и порта Пирей с целью принуждения Греции к войне на стороне Антанты и назначили для этих территорий своего губернатора, Шарля Жоннара, девять лет прослужившего губернатором Алжира. В ходе операции французские и британские военные корабли обстреливали королевский дворец в центре Афин. Венизелос, потерпевший неудачу в своих попытках добиться согласия короля на участие Греции в войне и еще в 1916–1917 годах учредивший временное повстанческое правительство в Салониках, договорился с французами, встал во главе объединенного государства (прекратив тем самым т. н. «схизму», или фактический раскол страны на две части) и объявил о вступлении Греции в войну против Германии и ее союзников. Очень скоро греческие войска уже воевали против немцев и болгар в Македонии. В 1918 году британский премьер Ллойдж Джордж уговорил Венизелоса, бывшего его личным другом, предпринять поход греческой армии в Малую Азию в составе объединенных сил Антанты. Венизелос соблазнился потенциальной возможностью поучаствовать в разделе остатков развалившейся Османской империи и послал греческие войска в Смирну, где уже находились войска союзников. На Парижской мирной конференции 1919 года Венизелосу удалось добиться для Греции крупных территориальных приращений. По договорам, заключенным в парижских пригородах Севр и Нейи, Греция приобретала Восточную Фракию и Эгейские острова, а также получала пятилетнее право на управление Смирной и прилегающей к ней территории в Малой Азии, где преобладало греческое население. Кстати, Фракию к тому времени уже обещал Венизелосу премьер-министр Франции Клемансо в обмен на участие греческого контингента в антибольшевистской интервенции в России в 1919 году. В ноябре 1920 года Венизелос проиграл выборы. Через шесть месяцев король Константин, старавшийся «переиграть» Венизелоса в Малой Азии, послал греческие войска в наступление на Анкару. Эти войска были остановлены в непосредственной близости от Анкары в ходе кровопролитных боев с силами турецких повстанцев генерала Мустафы Кемалю (Ататюрка). Ататюрк не признал условия мира, продиктованные Антантой, и продолжал боевые действия против греческой армии, получая военную помощь от Советской России. В итоге этих боев греки были вынуждены отойти назад, в Смирну, и в 1922 году потерпели там окончательное поражение от отрядов Ататюрка. Части греческих войск во главе с полковником Пластирасом удалось отступить в материковую Грецию через острова Хиос и Митилини, но большое число греческих военнослужащих погибли или оказались в турецком плену. При захвате Смирны турками произошла резня, в которой погибли около 200 000 человек гражданского христианского населения. Почти столько же было депортировано во внутренние районы Анатолии, и примерно 400 000 стали беженцами. Подавляющее большинство в каждой категории составляли греки. Малоазийский поход греческой армии упоминается в Греции как Малоазийская катастрофа. В результате всех этих событий Греция обрела современные границы, так и не став страной двух материков и пяти морей, о которой мечтал Венизелос. Севрский договор, не ратифицированный турками, так никогда и не вступил в силу, а его условия были в дальнейшем пересмотрены на Лозаннской конференции 1923 года.

¹⁵ Катастрофа в Малой Азии вызвала в Греции политический кризис. Осенью 1922 года вышеупомянутый полковник Пластирас организовал революционный комитет, который вынудил короля Константина отречься от престола и отправил на расстрел шестерых высших чиновников и военных, отвечавших за военную кампанию в Малой Азии и обвиненных в государственной измене. Сам Пластирас занял пост премьер-министра в созданном комитетом правительстве.

яли в той или иной степени родства с германскими и датскими монархами и являлись частью системы протектората европейских держав по отношению к Греции после достижения ею независимости¹⁶. Правление Венизелоса, о котором я пишу, проходило в основном при короле Константине I (1913–1917, 1920–1922) и сопровождалось практически непрерывным противостоянием между премьер-министром, с одной стороны, и консервативными группировками землевладельцев-роялистов во главе с активно вмешивавшимся в политику монархом.

Движение за обновление Греции представляли внутри страны круги либеральной буржуазии, а также формирующийся средний класс и просвещенная интеллигенция. Особую роль в этом движении играли представители нескольких поколений международной греческой диаспоры. Так, после греческой революции 1821–1827 годов, в Грецию бежали из Османской империи изгнанные султаном Махмудом II фанариоты Константинополя (компактно проживавшие греки, занимавшие высокие посты в османской административной иерархии). В период после Первой мировой войны продолжился исход греческих элит из регионов Османской, Российской и Австро-Венгерской империй. Большое количество зажиточных греков, разбогатевших в Египте, Румынии и России, вынуждены были оставить эти страны в связи с происходившими там социально-экономическими и политическими потрясениями и вернуться на историческую Родину.

Все эти люди, составившие костяк среднего класса «новой» Греции, стремились играть активную роль в греческой политике и греческом обществе и поддерживали партию Венизелоса, выступавшего в качестве своеобразного «толкача» модернизации. Собственно, модернизация и составляла суть идеологии партии «великого грека». Именно при Венизелосе Греция добилась первых успехов в преобразовании своего традиционного уклада: в 1910–1920-х годах были проведены конституционная, административная, налоговая и аграрная реформы, учреждены крупные банки – национальный «Греческий банк» и «Сельскохозяйственный банк» для кредитования крестьянских хозяйств, – создано министерство авиации и построен первый афинский аэропорт «Татой», открылись 3000 новых школ. Кстати, эти и другие экономические программы, инициированные нашим лидером и давшие работу в том числе многочисленным грекам диаспоры, оказавшимся в Греции после Первой мировой войны, отчасти смягчили положение в Греции в период мирового экономического кризиса 1929–1933 годов по сравнению с другими странами.

Надо заметить, что многие из греков диаспоры, вернувшихся в Грецию в этот период, приехали без средств к существованию и стали коммунистами. Так, например, в Салониках, бывших при османах экономической столицей Балкан и в более позднее время сосредоточивших значительную часть греческой промышленности, они дополнили ряды первой Социалистической партии Греции, созданной там в 1920 году образованными испаноязычными еврейскими рабочими¹⁷. О роли греков-беженцев из Малой Азии в греческом сопротивлении в годы Второй мировой войны и об их участии в греческой гражданской войне я еще напишу отдельно.

Тогдашнее афинское общество было небольшим, и люди круга Венизелоса, многие из которых жили в Психико, с детства были у меня на глазах. Конечно, главной фигурой там был сам великий политик, но он умер, когда я был очень маленьким, поэтому я его, к сожалению, не помню. Однако в офисе моего отца всегда висел его портрет, позже переехавший в наш дом. Этот портрет я храню как семейную реликвию в моей афинской квартире. Особенно

---

¹⁶ Греческие короли, правившие в XX веке: Георг I (1863–1913), Константин I (1913–1917, 1920–1922), Александр I (1917–1920), Георг II (1922–1924, 1935–1947), Павел I, (1947–1964) и Константин II (1964–1973).

¹⁷ До Второй мировой войны Салоники были испаноязычным городом, поскольку больше половины его населения составляли евреи, изгнанные в конце XV века из Испании и Португалии. Они говорили на так называемом «ладино», южном аналоге идиша на основе латыни с еврейским колоритом. В Османской империи правители относились к еврейским переселенцам доброжелательно и с религиозной терпимостью, поскольку были заинтересованы в развитии коммерции и коммерческого класса. В результате еврейская община Салоник долгое время была одной из самых процветающих еврейских общин в мире.

близкие дружеские отношения поддерживал с моим отцом сподвижник Венизелоса и либеральный политик Кафандарис, являвшийся самой серьезной фигурой в движении за обновление страны, во главе которого стоял Венизелос. Он тоже умер рано.

После вынужденного отъезда из Греции в 1923 году короля Константина Греция двенадцать лет жила при республиканском правлении. В 1933 году национальные выборы выиграла роялистская партия, и Венизелосу пришлось уйти в отставку. Спустя два года в стране была восстановлена монархия. В 1936 году король Георг II посадил на пост премьера генерала Иоанниса Метаксаса, который руководил страной до апреля 1941 года и умер во время хирургической операции при не вполне ясных обстоятельствах перед самой немецкой оккупацией. Многие сравнивают Метаксаса с Пилсудским и называют диктатором и фашистом. Генерал действительно ненавидел коммунизм, либерализм и парламентскую демократию и упразднил все политические партии и свободные профсоюзы, но он не был расистом и не преследовал этнические меньшинства. И именно он отказался сотрудничать с Гитлером и произнес вошедшее в историю категорическое «οχι!» («нет!») в ответ на требование Муссолини пропустить итальянские войска на территорию Греции для оккупации стратегически важных военных районов¹⁸.

Когда я начал взрослеть и интересоваться политикой, в послевоенной Греции оставались только два деятеля и две группировки, боровшиеся друг с другом за политическое наследие либеральной партии Венизелоса. С одной стороны, это были сын и наследник Венизелоса Софоклис и находившаяся под его началом критская родня. С другой – либеральный деятель и член правительства Венизелоса Георгиос Папандреу и его семья, представлявшие регион Пелопоннеса – тогдашний центр греческой политической кухни. Именно пелопоннесца Папандреу Венизелос в 1932 году назначил политическим советником издательского концерна «Та Граммата», которым руководил мой отец. И именно с его семьей мы позже соседствовали в Психико, о чем я расскажу чуть ниже.

Борьба за влияние между семьями Венизелоса и Папандреу продолжилась и в следующем поколении – между сыном Георгиоса Андреасом Папандреу и племянником Венизелоса Константиносом Мицотакисом, сыном родной сестры великого лидера Катинго Венизелос, вышедшей замуж за местного критского политика Кириакоса Мицотакиса. Поскольку сын Венизелоса умер бездетным, его племянник претендовал на руководство партией, основанной и выпестованной дядей. В конце концов, в единоборстве между старыми и новыми либералами победили деятели из старой элиты – семья Папандреу.

Говоря о борьбе греческих политических элит, необходимо иметь в виду, что их положение на протяжении XX века менялось в связи с изменениями относительного веса и политического влияния различных регионов Греции. Если до Второй мировой войны века политическим центром новой Греции был освободившийся еще в 1893 г. Крит, то с 1950-х годов его место в этом качестве заняли территории Северной Греции, в первую очередь Македония, получившие свободу от османского владычества на полтора десятка лет позже. Их главным

---

¹⁸ Многие греки считают, что Метаксаса устранили британцы, опасавшиеся, что он поведет Грецию по нейтралистскому пути подобно Франко в Испании и Салазару в Португалии. Эти лидеры возглавляли фашистские режимы и симпатизировали Гитлеру, однако их страны держали нейтралитет и участия в войне не принимали. (Генерал Франко послал в поддержку вермахту ограниченный контингент испанских добровольцев, но при этом сумел не отдать немцам Гибралтар.) Тем самым они избежали и немецкой, и британской оккупации и фактически спасли свои страны от социально-политического и экономического краха, постигшего других европейцев. То же самое, в принципе, мог сделать и Метаксас, но ему помешала война с итальянцами, инициированная Муссолини в 1940 году. Объявление итальянцами войны против Греции проходило при весьма драматических обстоятельствах. Итальянский посол в Афинах Граци, человек интеллигентный и к тому же симпатизировавший Метаксасу, прибыл в резиденцию премьер-министра в три часа ночи в состоянии крайнего смущения. Зачитывая ультиматум Муссолини, он сильно волновался. Метаксас к тому моменту уже знал, что войска дуче маршируют в направлении греческой границы, поэтому согласиться на итальянские условия у него не было никакой возможности.

политическим представителем стал Константинос Караманлис, также создавший свою династию.

Таким образом, мы видим, что в греческой политике прошлого столетия главную роль играли три семейные династии – Венизелосы, Папандреу и Караманлисы, а также королевская семья. Перипетии и катаклизмы первой половины века неизбежно подрывали власть короля, а новая элита во главе с Папандреу усиливала позиции, так что греческая монархия постепенно слабела.

Однако, по иронии судьбы, последний удар по ней был нанесен не либеральными оппонентами короля Константина II (1964–1974), а военной хунтой «черных полковников», которые, придя к власти в 1967 году, наплевали на короля и фактически выгнали его из Греции, уничтожили всю политическую жизнь в стране и заставили покинуть Родину огромное число представителей политической и культурной элиты. В 1972 году «полковники» провозгласили Грецию республикой. В 1974-м они были отстранены от власти, но монархия так и не вернулась. Сейчас греки по-прежнему живут при республиканском правлении.

Кстати, греческие военные активно вмешивались в политику на всем протяжении XX века. Еще до 1967 года они организовали несколько попыток государственных переворотов, первый из которых был в 1909 году. В 1922–1930-х годах в Греции имели место т. н. «военная революция» во главе с полковником Пластирасом 19, а затем две военные диктатуры – генералов Пангалоса и Кондилиса. Во время одной из попыток захвата власти группой офицеров-венизелистов против правительства Цалдариса я и родился. Мое появление на свет в 1935 году в афинской клинике Маяку сопровождалось артиллерийской канонадой, которую моя мама приняла за салют в честь Дня независимости.

Очевидно, что военные хунты в Греции – не что иное, как наследие военно-бюрократической системы в Османской империи, где, как во всех неразвитых обществах, более или менее эффективное функционирование достигалось за счет опоры на простейшие формы человеческой организации – применение грубой силы. Этим также объясняется определенный параллелизм в хронологии и технологии военных переворотов в Греции и Турции, ведь четыреста лет греки и турки жили бок о бок в одной стране.

Но вернемся к моему детству в Психико. Осенью 1940 года мы переехали на улицу Хризантем, по-гречески – «Хрисантемон», – в дом номер 17, которому суждено было стать нашим семейным домом на долгие годы. Впоследствии при смене нумерации он стал домом 23, и так его и помнят по сей день все мои родственники и друзья. Инициатором переезда был мой отец, который говорил, что скоро будет война и что нам надо перебираться поближе к полиции и рынку.

В новом доме мы арендовали верхний этаж и мансарду. Позже, уже во время войны, мои родители выкупили у наших хозяев эту часть дома, а также небольшой домик в саду, где жила семья садовника. Смысл этой покупки был в том, чтобы избавиться от большей части наших денег, постоянно обесценивавшихся ужасающей инфляцией периода оккупации.

До переезда на новое место мы провели все лето на море, в Каламаки. Родители сняли небольшой павильон, и мы жили там с мамой и няней Деспиной, а отец приезжал к нам на выходные. Это была моя первая встреча с морем. Мы с Элви не вылезали из него три месяца.

В Каламаки мы познакомились с семьей греков из Америки по фамилии Папасидери. Они жили на вершине горы с видом на море, в деревянном доме фермерского типа. Вокруг дома Папасидери располагалась гигантская плантация фисташковых деревьев с водяной мельницей, приспособленной для полива фисташек, заполнения бассейна и других хозяйственных нужд. И сама плантация, и технические устройства на ней нас очень поразили. В семье было четверо детей – две девочки и два мальчика. Все они родились в США. Имен девочек я не помню, а мальчиков звали Мелетис и Михалис. Им было лет семь – девять, то есть они были

старше нас с Элви года на четыре, но они тем не менее с удовольствием играли с нами. Мы провели в компании детей Папасидери много счастливых часов.

В 1945 году, когда закончилась война, мы с мамой и Элви поехали навестить наших друзей в Каламаки. Мы рады были обнаружить, что ни они сами, ни их дом за годы войны не пострадали. Однако вокруг было много разрушений, поскольку рядом находился военный аэродром и его во время войны бомбили. Там я впервые увидел дома, разрушенные авиационными бомбами. Это было очень страшно.

Но это было через пять долгих лет. А пока что, осенью 1940 года, мы вернулись из Каламаки в Психико и стали устраивать жизнь на новом месте.

В доме номер 17 по улице Хрисантемон бок о бок с нами жили весьма интересные люди. Сейчас или чуть позже я расскажу немного обо всех.

Я хорошо помню мою няню Деспину, происходившую с острова Наксос.

В то время все более или менее благополучные афинские дома имели прислугу из провинции – с островов или из деревень материковой Греции. Эти люди, особенно женщины, обычно оставались в семьях своих хозяев на всю жизнь и становились практически членами этих семей. Наша Деспина появилась у нас в семье, когда я родился, и прожила с нами несколько лет, помогая маме растить меня и Элви, а потом уехала к себе домой на Наксос. Я ее прекрасно запомнил, потому что она была очень хорошая.

Позже Деспина прислала себе замену – свою внучку с тем же именем, которое мы переименовали на свой лад, превратив в Деспину́. Деспину́ было тогда лет пятнадцать, и она два или три года работала у нас как помощница по всем домашним делам. До Деспину́ у нас ненадолго появилась столь же юная девица из Каритены, по имени Политими. Для меня, четырех-пятилетнего мальчика, Политими стала идеалом женской красоты. Я помню, как следовал за ней по комнатам дома, когда она по очереди закрывала в них окна и зажигала камин. Пока разгорался камин в кабинете отца, я усаживался с Политими в отцовское кожаное кресло, обнимал ее руками за шею и был счастлив, ощущая себя совсем взрослым. Конечно, моя мама это быстро прекратила.

Вообще, можно без преувеличения сказать, что наш новый дом оказался микрокосмом тогдашней Греции и в огромной степени театром. Семья, у которой мои родители арендовали и потом купили полдома, была из Константинополя.

Это были муж и жена Атанасиос и Пенелопа Эфстратиадис, а также их дочь Маро, впоследствии вышедшая замуж и носившая фамилию Папандропулу.

В Константинополе Атанасиос был крупным дельцом, производившим операции на международном нефтяном рынке. Он встретил шестнадцатилетнюю франко-levantинку Пенелопу, когда та работала певицей в одном из местных кафешантанов и состояла фавориткой у некоего влиятельного паши.

Атанасиос влюбился без памяти, умыкнул красотку вместе с вещами и погрузил ее на эгейский парусник «каик», шедший в сторону Греции. Вместе с Пенелопой он прихватил и большой контейнер для оливкового масла, который предварительно доверху загрузил золотыми монетами. В Афинах именно на эти деньги Атанасиос купил одно из главных зданий на известной площади Омония, где он держал свою контору, а также дом 17 по улице Хрисантемон, где родилась Маро и где позже стала жить и наша семья.

Маро рано убежала из дома, выйдя замуж за красивого парня из Патраса, который учился на инженера-строителя. С началом войны этот парень, Харилаос Папандропулос, был призван в армию и отправился воевать на Ближний Восток.

Маро вернулась к родителям в Афины и вскоре родила мальчика. Этого мальчика, Танасакиса, или как его все звали, Накиса, я увидел первый раз младенцем в коляске, в нашем садовом домике, куда мы ходили по воздушной тревоге прятаться от итальянских самолетов, с конца октября 1940 года бомбивших военный аэродром Татой и порт Пирей. Кстати, когда

Накис вырос, он стал известным журналистом и даже руководителем двух европейских союзов журналистов – работников печатных и электронных СМИ.

Я также помню, что, когда мы впервые пришли в наше импровизированное убежище, мы обнаружили там незнакомую полосатую кошку, только что родившую пятерых или шестерых котят. В какой-то момент кошка, утомившись от созданного нами шума и гама, взяла за холку одного из котят и понесла его в наш дом. Таким же образом она методично перенесла к нам в детскую комнату всех своих новорожденных. Разумеется, вся компания осталась у нас жить.

Кошка-мать получила от моей мамы кличку «Трисевгени» («Трижды аристократка») и стала ее любимицей. Я помню детей Трисевгени: белоснежного Аспрулиса, с годами превратившегося в вальяжного кота, лениво надзиравшего за порядком в доме, и особенно серого в белых пятнах Пицициса, который выбрал моего отца своим хозяином, спал у него в ногах на кровати, и каждый день встречал с работы на автобусной остановке. (К началу войны папа уже распрощался со служебной машиной и пользовался городским транспортом.)

Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: впереди, словно знаменосец, медленно шествует кот, как бы сигнализируя, что ведет отца домой и что пора накрывать на стол. За ним, с газетой под мышкой, мой отец. Отец, как правило, возвращался из издательства примерно в одно и то же время, но я до сих удивляюсь тому, как точно Пицицис соображал, когда наступало время покинуть дом и двигаться к автобусной остановке. Когда я и Элви были детьми, мы, конечно, считали, что животные думают и чувствуют, как люди.

Говоря об обитателях нашего дома, нужно упомянуть еще о трех живших с нами людях, к двум из которых я питал и до сих пор питаю глубокое уважение.

Я уже писал о походах в садовый домик. Там жили садовник Костис Мартакис, который, кроме нашего общего сада, работал еще в каменоломне неподалеку, на склоне горы Турковунья, и его жена Гарифо. Костис приехал в Афины с острова Хиос, а Гарифо была беженкой из Малой Азии. У нас на Хрисантемон она работала кухаркой на две семьи – нашу и семью Эфстратиадис.

Гарифо очень вкусно готовила и в зрелые годы, уже после смерти Костиса, поехала работать кухаркой в семью богатого судовладельца-хиота, жившего в Нью-Йорке. Она была в курсе всех дел нашей семьи, но никогда этим не злоупотребляла и вообще была очень честной и порядочной женщиной. У меня сохранились о ней самые теплые воспоминания.

Столь же добрые воспоминания сохранились у меня и о человеке, арендовавшем подвал нашего дома со стороны сада. Там жил старик-беженец из Трапезунда, которого звали Корнелиус. Видимо, семья Корнелиуса была довольно богатой, потому что его племянники смогли открыть в Греции фабрику по производству носков. Сам старик говорил по-гречески, используя много понтийских выражений, и мы не всегда хорошо его понимали, но он также говорил и по-французски. Корнелиус был замечательным, стойким и морально крепким человеком. Я еще расскажу о нем чуть ниже.

Но довольно о моих домашних. Люди, окружавшие нас в Психико, были не менее интересными. Так, в одном квартале с нами на нашей улице жила первая семья будущего лидера Греции Георгиоса Папандреу: его бывшая супруга София и сын Андреас. София дружила с моей матерью, и я мог наблюдать ее жизнь довольно близко. Андреас был старше меня на шестнадцать лет и, как и я много лет спустя, учился в «Афинском колледже». Сам Георгиос Папандреу оставил семью и жил в районе Экали со своей второй женой – актрисой Кивели Андриану и рожденным в этом браке сыном Йоргакисом.

Я хорошо помню, что каждый день в нашем доме начинался с телефонного разговора между моим отцом и старшим Папандреу по текущим политическим вопросам. Обычно эти разговоры происходили во время завтрака, за которым мы с Элви присутствовали, поэтому я помню не только сам факт, но и бурный характер этих обменов мнениями. Меня всегда поражало то, как страстно мой отец и Папандреу обсуждали злободневные моменты. Обыкновенно

это кончалось тем, что отец в сердцах обругивал своего советника последними словами и швырял трубку. То же самое повторялось на следующий день. Так продолжалось годами.

За это время умер великий Венизелос, сменились две военные диктатуры, сопровождавшиеся полным крушением либеральной партии, и в конце концов, Вторая мировая война, которая опрокинула все, как цунами, и остановила эти звонки. Они возобновились после войны, когда мы все вернулись в свои дома – наша семья из Каритены и наших временных пристанищ, а Георгиос Папандреу из Египта, где он возглавил в 1944 году греческое правительство в изгнании (до отъезда в Каир в течение всей оккупации Папандреу оставался в Афинах). Звонки продолжались вплоть до смерти моего отца в 1950 году.

Поскольку мы близко общались семьями, мы знали, что бывшие супруги София и Георгиос Папандреу познакомились через госпожу Афины Фотини Ксенос, близкую подругу нашей семьи. София была дочерью гречанки и польского генерала Минейко, бежавшего в Грецию после одного из польских восстаний в Российской империи во второй половине XIX века. Знакомство греческого политика и Софии Минейко случилось в литературно-музыкальном салоне, который держала госпожа Афина Ксенос в 1920-х годах в Берлине в период Веймарской Республики. София и Георгиос родили Андреаса Папандреу, будущего многолетнего лидера Греции и, между прочим, на одну четверть поляка.

Я еще буду писать о представителях семьи Папандреу, которая играла важную роль в современной греческой истории, и в том числе об Андреасе, с которым я так или иначе сталкивался в разные периоды моей жизни. Пока лишь упомяну об эпизоде, который случился незадолго до описываемого мной времени и о котором я слышал в пересказе моей соседки Маро Папандропулу.

Маро как-то проходила по улице в Психико и увидела группу юношей, оживленно обсуждавших предстоявшие общенациональные выборы. (Вероятнее всего, это были выборы 1936 года.) Среди этих юношей был Андреас Папандреу, который активно агитировал собравшихся против своего отца. Маро, шокированная поведением нашего соседа, отозвала Андреаса в сторону и принялась ругать за сыновнюю нелояльность. Молодой Папандреу сощурил глаза и презрительно процедил: «Молчи, дура! Ты ничего не понимаешь в политике».

Года три спустя, Андреас вынужден был уехать из Греции в Америку после скандала, развернувшегося вокруг его участия в организации троцкистского кружка сначала в «Афинском колледже», а затем на юридическом факультете Афинского университета.

Он был ненадолго арестован и подвергся избиениям в «асфалии» (политической полиции), после чего, по разным данным, был отправлен в США то ли своей матерью, сумевшей организовать ему трехмесячную американскую визу, то ли отцом, уладившим дело с «асфалией» через договоренность с министром внутренних дел Маньядакисом. В Грецию Папандреу-сын вернулся только в 1964 году, чтобы делать греческую политику – так, как он ее понимал.

Госпожа Афина Ксенос заслуживает отдельного внимания. Афина была из семьи богатых греческих промышленников – производителей табачных изделий, на протяжении нескольких поколений живших в Германии. Она была очень хорошо образованной женщиной, с крупным музыкальным талантом, и одно время даже концертировала. Мужем Афины был грек-фабрикант, производитель табачных изделий в Берлине. Двери их берлинского дома были широко открыты для политиков, представителей литературной и художественной интеллигенции и греческих студентов, ходивших туда для расширения образования и знакомства с интересными людьми. Перед войной муж госпожи Ксенос, предвидя будущие потрясения, убедил ее в необходимости переехать в Афины и купил участок для строительства виллы в Психико, а также доходный дом в городе. К сожалению, однако, сам господин Ксенос не дожил до этого переезда, скоропостижно скончавшись в Берлине.

Таким образом его вдова попала к нам в Психико вместе со своим пятилетним сыном, неизменно одетым как маленький лорд Фаунтлерой. Со временем Фрау Ксенос подружилась со своими новыми соседями, в том числе с моей матерью и с семьей Папандреу, уже давно дружившими между собой.

А я подружился с ее сыном Ламбисом, который стал моим ближайшим школьным другом вплоть до самого моего отъезда в Америку. Позже мы с Ламбисом возобновили нашу дружбу и часто виделись во время моих наездов в Грецию.

При переезде из Германии Афина Ксенос привезла с собой в Психико все содержимое своего берлинского салона: мебель, картины, скульптуры, а также два прекрасных рояля. Мы все прошли через этот дом, где психикиоты прикасались к европейской культуре с большой буквы. Многие ходили в салон госпожи Ксенос семьями, в том числе госпожа София Папандреу, водившая туда сначала Андреаса, а потом и нескольких своих внуков. Ее маленькая внучка, тоже София и сестра будущего премьера Георгиоса Папандреу, была любимой ученицей замечательной пианистки. Кстати, надо сказать, что занятия с госпожой Ксенос дали творческий старт нескольким крупным греческим музыкантам международного уровня – например, Георгиосу Даскулису, а также брату и сестре Манолису и Матине Коккалисам.

После войны в доме Ксеносов часто бывали музыкальные концерты, и я до сих пор вспоминаю безупречный вкус и порядок этих любительских вечеров. Мой друг Ламбис Ксенос тоже прекрасно играл на фортепиано и, конечно, очень любил свою маму и гордился ею. К сожалению, от уникальной виллы-музея госпожи Ксенос ничего не осталось. Оба ее обитателя умерли, в том числе и мой друг Ламбис, а на месте их дома возведена стандартная «поликатикия» – городской дом из нескольких квартир. В память о вилле Ксеносов я храню кусок напольной плитки из нашей музыкальной гостиной, подобранный мной на этом «пепелище».

Глава вторая

Мое детство в зеркале войн 1940-х годов

1. Исторический фон событий моего детства.

Начало войны и немецкой оккупации

После получения Грецией независимости, ее история отчасти напоминает историю Кавказа в последние двести лет: постоянное балансирование между войной и миром, беспокойное сосуществование двух, формально уважающих друга, цивилизаций – православного христианства и ислама – с периодическими всплесками противостояния, временами доходящего до резни. То же самое мы видим и в наши дни на всем протяжении т. н. Среднего Востока, от Средиземноморья до Индийского океана и дальше на восток, вплоть до Филиппин. Культура в этих обществах «замешана» на войне, человек всегда во всеоружии, всегда готов к походу – сплошное психологическое «казачество».

Сколько я себя помню, я всегда проявлял интерес к старому оружию. Ребенком я рыскал по подвалам и чердакам в поисках ржавых ятаганов и пистолетов, собирал рассказы о подвигах прадедов «против турок» в греческих горах. Элегантные дачные высоты, на которых был возведен наш район Психико, носят грозное название «Турковунья», что означает «Турецкие горы». Тогда я не знал, что вскоре здесь развернутся реальные кровопролитные сражения, и уже не с турками. Увы, в 1930-х годах оружие перестало быть для моих современников предметом преимущественно фольклорного или музейного интереса. Развитие техники и технологий привело к тому, что уничтожение людей встало на новую, промышленную основу. Европа начала готовиться к очередной войне.

Готовилась к ней и Греция под руководством генерала Метаксаса. Греческий диктатор был умным человеком и большой военной фигурой. Именно он руководил всей штабной работой в победоносных для греков войнах 1912–1913 годов, в результате которых Греция получила от Турции все населенные греками северные территории и возродилась как европейская страна со значительным региональным влиянием. Я думаю, что если бы генерал и дальше оставался у руля греческой военной машины, то, возможно, поражения в войне 1919–1922 годов и Малоазийской катастрофы можно было бы избежать.

Метаксас получил военное образование в школе генерального штаба в Германии и был доверенным лицом Константина I, греческого короля из династии Глюксбурггов, сочувствовавшего Германии и даже служившего в прусской армии. Генерал также симпатизировал немцам, но предрекал им повторное поражение в грядущей войне, так как, несмотря на все успехи в наращивании германского флота, а также активность прогерманского лобби в самой Греции, был уверен в превосходстве англосаксов на море и их способности контролировать Мировой океан.

Под руководством Метаксаса в Греции к началу Второй мировой войны были приняты некоторые важные меры в области национальной обороны.

Общеизвестно, что наша страна обладала сильным военно-морским флотом, оставшимся от Первой мировой войны. С авиацией и танками дела обстояли значительно хуже. Своей авиационной промышленности у Греции не было, и греческие летчики летали на довольно старых польских, французских, немецких и британских самолетах. После 1936 года государство закупило партию современных французских истребителей и британских бомбардировщиков, однако общая численность греческих ВВС была по-прежнему невысокой – около 150 боевых и учебных

машин. Было закуплено и небольшое количество иностранных танков, только их на вооружении греческой армии было еще меньше.

Еще с Балканских войн на военных складах в Греции оставалось много австрийского стрелкового оружия модели «Маннлихер». В середине 1920-х годов предшественником Метаксаса генералом Пангалосом были сделаны крупные закупки винтовок «Маннлихер-Каркано», производившихся в Италии. При Метаксасе были закуплены дополнительные партии стрелкового оружия у итальянцев, а также размещены крупные государственные заказы на оборонных заводах греческого промышленника Бодосакиса, производившего боеприпасы.

Кроме того, в 1936–1940 годах были проведены масштабные фортификационные работы для защиты страны от потенциальной агрессии со стороны Болгарии. В ходе этих работ была создана трехсоткилометровая система оборонительных сооружений во Фракии, известная как «линия Метаксаса», – аналог линий Мажино во Франции и Маннергейма в Финляндии.

Однако самое главное, что сделал Метаксас, – он укрепил структуру и дисциплину в армии, отстранил военных-республиканцев, которые на протяжении 1920–1930-х годов непрерывно воевали между собой и с роялистами по политическим вопросам, подрывая тем самым общую боеспособность греческих вооруженных сил. Одновременно диктатор изолировал как политическую силу греческих коммунистов, в которых он видел большую опасность для страны и против которых при генерале были проведены жесткие репрессивные меры.

К началу войны с итальянцами в октябре 1940 года у греков была хотя и не очень большая – 120 000 человек, – но весьма боеспособная армия.

Отражая нападение итальянцев, греки сражались не на жизнь, а на смерть.

Под натиском греческих войск восемь дивизий Муссолини, вступивших в северо-западную часть Греции – Эпир, были отброшены обратно в Албанию. Оттуда весной 1941 г. итальянцы начали повторное вторжение в Грецию и вновь потерпели сокрушительное поражение, несмотря на большое превосходство в живой силе (к марту уже двадцать шесть дивизий и около полумиллиона солдат и офицеров против примерно двухсот тысяч греков после проведения частичной мобилизации). Перспективы войск дуче были весьма плачевны, и они могли бы быстро закончить свой поход в пучине Адриатического моря, если бы не помощь Гитлера, вынужденного спасти союзника от полного военного разгрома.

Греческая авантюра Муссолини, ставившая целью превращение Средиземного моря в «*mare nostrum*», внутреннее море Италии, не была согласована с Гитлером. Муссолини не уведомил Гитлера о своих военных планах в отношении Греции, оскорбившись тем, что узнал о вводе немецких войск в Румынию из газет. Гитлер не особенно жаловал итальянцев и злорадствовал, когда их победили греки. Однако он готовил войну с СССР и не желал сохранения в Средиземноморье британского стратегического плацдарма на территории Греции, беспокоясь в первую очередь о безопасности нефтяных промыслов в Плоешти, снабжавших топливом германскую военную промышленность. Особенно его раздражал британский военный контингент на Крите, находившийся там с 1939 года по просьбе греческого правительства.

Таким образом, в декабре 1940 года Гитлер утвердил план военной операции по захвату Греции и Югославии, получивший кодовое название «Марита» и ставший, наряду с битвой за Крит, частью Балканской кампании нацистской Германии. В апреле 1941 года немецкое военное командование развернуло операцию против Греции на севере, в Македонии и Фракии, через территории Югославии и Болгарии.

Бои с немцами в Северной Греции были крайне ожесточенными. Греческие солдаты и офицеры воевали до последнего патрона. Тем из них, кто выжил в сражениях в Македонии, немцы отдали военные почести и отпустили их домой. Проявляя редкую для него снисходительность к противнику, Гитлер надеялся склонить греков на свою сторону. Он был разочарован своим фашистским партнером Муссолини и стремился создать дополнительную юго-восточную опору для германского рейха в Греции.

Видимо, этим объясняется и еще один реверанс германского фюрера в сторону греков: выступая в мае 1941 года в бундестаге, Гитлер признал, что из всех противостоящих вермахту стран «только греки сражались с небывалой храбростью, не боясь смерти»¹⁹. В необычном поведении германского фюрера и эпизодах скрытого политического зондирования сыграла свою роль и немецкая разновидность «филэллинизма». Впервые проявившись в период греческой революции 1821–1827 годов, немецкий «филэллинизм» вылился при нацистах в декларации о взаимозависимости индустриальной экономики Германии с аграрной экономикой Греции и других Балканских стран, а также в элемент расовой теории Третьего рейха, считавшей греков ближайшими «арийскими» родственниками немцев²⁰.

Кстати, еще в 1930-х годах шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис заигрывал с греками, пытаясь вывести Грецию из орбиты британского влияния.

Он несколько раз приезжал в Грецию и активно пытался вербовать греческих офицеров, пользуясь своей фамилией, совпадавшей с фамилией известного героя войны за независимость Греции адмирала и политика Константиноса Канариса.

В результате вербуемые решили, что Канарис – грек, и начали, в свою очередь, выуживать из немецкого разведчика конфиденциальную информацию о Германии. Вот такой исторический анекдот.

Во время боев в Северной Греции и Албании немецкие самолеты сбрасывали над расположениями греческих войск листовки, которые должны были убедить греческих солдат в том, что немцы пришли к ним «не как враги, а как товарищи», имея в виду «древнюю дружбу» германского и греческого народов, и призывали присоединиться к германской «борьбе за освобождение Европы от английских эксплуататоров»²¹.

Греки игнорировали все эти явные и завуалированные сигналы и продолжали свое отчаянное сопротивление. Надо сказать, что укрепленная перед войной линия Метаксаса с честью выполнила предназначенную ей роль во Фракии, и немцы, которые шли через Болгарию, не смогли продвинуться дальше этой линии на греческой границе²². В то же время немецкие силы, шедшие через Югославию, ударив между двумя греческими фронтами (итальянским в Македонии и германским во Фракии), сумели полностью уничтожить сербскую армию, беспрепятственно войти в Грецию и меньше чем за неделю захватить Салоники и продвинуться в направлении Афин.

С югославской стороны у греков не было линии Метаксаса, потому что Югославия считалась дружественной страной. Никому в Греции не могло прийти в голову, что югославы пустят немцев прокатиться по своей стране, как по широкому бульвару. В югославском правительстве и югославской армии, которая, кстати, в десять раз превышала по численности греческую (в 1941 году она составляла 1 миллион двести тысяч человек), шли внутренние распри: Юго

---

¹⁹ Цит. по: Antonio J. Munoz. *The German Secret Field Police in Greece, 1941–1944*. McFarland & Company Inc., Publishers, Jefferson, North Carolina, 2018. P. 40.

²⁰ Так, например, во время берлинской Олимпиады 1936 года вся развернутая в столице Германии уличная символика представляла «превосходящую» германскую цивилизацию как якобы законную наследницу «арийской» культуры классической античности. Интересно, что в период немецкой оккупации Греции на смену риторике «ложного филэллинизма» пришли ссылки на теорию историка XIX века Фальмерайера, утверждавшего, что греки в расовом плане подверглись славянской эрозии и, следовательно, не имели места в «высших» расовых группах.

²¹ Цит. по: Επολοια και καταρρευση. Από την Αλβανία στην κατοχή. Σολων Ν. Γρηγοριάδης. Τα Νέα. Εκδόσεις Φυτράκη, 2011, Αθήνα. Σελ. 89.

²² О крепости линии Метаксаса говорит один любопытный факт. С раннего детства я дружу с Алексисом, сыном генерала Бакопулоса, командовавшего строительством линии и затем боевыми действиями греческих войск в Восточной Македонии. Дом в Нео-Психико, где жил Алексис, был построен перед войной из цементных плит, взятых из остатков строительного материала для «линии Метаксаса». Однажды в 1943 году, Алексис спал дома, когда в саду упала британская авиационная бомба. Я лично видел оставшуюся от нее воронку размером с хороший плавательный бассейн. Спавший мальчик даже не пошевелился, а когда проснулся, то обнаружил, что засыпан осколками вылетевших из окон стекол. К счастью, мой друг не пострадал, и эти стекла составили единственный ущерб, понесенный домом генерала при бомбежке.

славия была объединением трех основных этносов и культур – сербской, хорватской и мусульманской, и им было трудно договориться друг с другом о единой линии в отношении противника. Военное командование опоздало с мобилизацией и развертыванием юго славских сил, одновременно в стране активизировались националисты и пораженцы. В этих условиях югославское правительство быстро капитулировало.

Греки делали все, что могли, но силы были неравны. Из двадцати одной дивизии греческой национальной армии пятнадцать были задействованы на итальянском фронте, и только шесть могли быть использованы против девятнадцати отборных дивизий вермахта, в том числе пяти танковых и трех горных. Таким образом, сдержать наступление немецких сил на этом направлении было уже невозможно, и положение Греции в апреле 1941 года стало практически безнадежным. В этой ситуации британцы вывели свои войска, пожертвовав Грецией, чтобы выиграть время и противостоять Роммелю в Северной Африке.

Британские части выводились через остров Крит, где с 20 по 31 мая 1941 года произошла кровопролитная битва между британцами и воевавшими под их началом остатками греческих регулярных войск, с одной стороны, и немецкими командос – с другой. В ходе немецкой воздушно-десантной операции «Меркурий» немцы захватили Крит и получили стратегический контроль над Восточным Средиземноморьем. Однако их потери были неожиданно высоки, и после критской операции, называемой «кладбищем немецких парашютистов», немцы больше отдельных воздушно-десантных операций во Второй мировой войне не проводили нигде, в том числе и в Советском Союзе. Кстати, Крит был также первым местом, где немцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением гражданского населения.

Потерпевшие поражение британские войска были с Крита эвакуированы.

Король Георг II эвакуировался вместе с ними в Каир и дальше в Лондон, дав англичанам гарантию, что Греция не выйдет из союза против Гитлера. Многие греческие солдаты ушли в горы и примкнули к сформировавшимся местным партизанским отрядам. Те греческие воинские подразделения, которые смогли добраться до побережья, уплыли на небольших парусных судах на юг и образовали греческий контингент в составе вооруженных сил союзников в Египте и Палестине.

Позже греки из этих частей продолжили ратные подвиги, совершенные на первом этапе войны в Албании, Македонии и Фракии, участвуя в важнейших сражениях союзников против немцев и итальянцев в Северной Африке – битвах при Тобруке и Эль-Аламейне. В 1942 году на Ближнем Востоке был сформирован так называемый Священный полк, состоявший почти исключительно из греческих офицеров и курсантов военных училищ и воевавший в вышеупомянутых местах в Северной Африке, а также участвовавший в неудачной для союзников Додеканесской операции по освобождению Южно-Эгейских островов осенью 1943 года. В 1943–1944 годах греческие воины сражались под британским командованием в большой и трудной кампании союзных войск против немецких армий на Апеннинском полуострове – морском десанте в Сицилии и наступательных операциях по всей Италии, в результате которых, в частности, 3-я Горная греческая бригада отвоевала город Римини.

С апреля 1941 года вся континентальная Греция была оккупирована немецкими войсками. Афины пали 27 апреля. Надо сказать, что оккупация Греции проходила для немцев очень тяжело. Греки – ветераны борьбы против итальянских фашистов в 1940–1941 годах организовали в греческих горах настоящую повстанческую армию. Важнейшую роль в организации этой армии сыграли греческие левые – и в первую очередь коммунисты. Еще в 1940 году, после нападения итальянцев, генеральный секретарь Греческой коммунистической партии (ККЕ)²³ Никос Захариадис призвал соотечественников сплотиться вокруг правительства и всеми силами бороться с итальянским фашизмом за свободу и независимость Греции. Эту

---

²³ ККЕ – Κομμουνιστικό Κόμμα Ελλάδας.

решительную позицию Захариадис занял, несмотря на данное Сталиным через Коминтерн указание европейским коммунистам не вмешиваться в борьбу между империалистическими противниками²⁴.

После нападения Германии на Грецию и через несколько месяцев после этого на Советский Союз коммунисты заявили о необходимости объединения всех национальных сил в борьбе за освобождение страны от германо-итальянского ига и оказания всемерной поддержки СССР. Они призвали греков вступать в народно-освободительный фронт и учредили такую организацию – ЕАМ²⁵ – в сентябре 1941 года. К весне 1942 года эта организация уже имела вооруженное крыло – ЕΛΑΣ²⁶ – и вела активную партизанскую войну на значительной территории Греции. Немцы ответили на это искусственно созданным голодом в крупных городах и сожжением сотен греческих деревень. Ниже я еще буду писать о греческом сопротивлении, но хочу сразу отметить, что по уровню организации, боевой эффективности и политическому влиянию это движение можно сравнить только с движением сопротивления под руководством Тито в Югославии и партизанской эпопеей в лесах оккупированной советской Белоруссии.

Историки в Греции и других странах до сих пор спорят о роли и месте стратегической операции «Марита» и битвы за Крит во Второй мировой войне.

Большинство греков считают, что подготовка и проведение боевых действий против греков и британцев на территории материковой Греции и особенно на Крите задержали передислокацию ряда немецких частей на Восточный фронт и тем самым на полтора-два месяца задержали немецкое наступление под Москвой осенью 1941 года, лишив вермахт возможности выполнить свои стратегические задачи до наступления холодов. Некоторые оппоненты этой точки зрения за рубежом возражают, что к моменту критских событий передислокация немецких частей для наступления на Москву была уже завершена и виновниками задержки осуществления плана «Барбаросса» были не греки, а поздняя весна и сильнейшая распутица в Польше. Существует и российская точка зрения, что немецкое наступление на Москву было задержано на два месяца упорным сопротивлением советских войск под Смоленском в июле-сентябре 1941 года.

Разумеется, после нападения гитлеровской Германии на СССР героическое сопротивление советских войск стало важнейшим фактором, сломавшим все планы германских стратегов, в том числе и план «Барбаросса». Однако, как мне кажется, здесь важно иметь в виду, что операция «Марита» напрямую увязывалась немецким военным командованием с планом «Барбаросса» таким образом, что силы вермахта, которые планировалось задействовать в Греции, после завершения операции должны были принимать участие в так называемом «блицкриге» на Восточном фронте в составе группы армий «Юг».

Мы знаем, что начало операции «Барбаросса» действительно было перенесено Гитлером с 15 мая на 22 июня 1941 года, но немецкие документы указывают на то, что причиной этого, скорее всего, была не битва на Крите, а необходимость выделения дополнительных сил для Балканской кампании ввиду тяжелого положения итальянских союзников в Албании²⁷. Интересно, что в январе 1943 года И. В. Сталин, выступая по московскому радио в связи с решающими успехами Советской армии в Сталинградской битве, среди прочего, сказал: «Мне очень жаль, что в связи со старостью мне еще недолго осталось жить, чтобы поблагодарить греков,

---

²⁴ Nikos Zakhariadis, Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Greece: First Open Letter to the People of Greece on the Greek-Italian War. In: Greece 1940–1949: Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History. Ed. By Richard Clogg. Palgrave, Macmillan. Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. Pp. 68–71.

²⁵ ЕАМ – Εθνικό Απελευθερωτικό Μέτωπο.

²⁶ ЕΛΑΣ – Ελληνικός Λαϊκός Απελευθερωτικός Στρατός.

²⁷ Галдер, Франц. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 2, январь – февраль 1941; В дневниковых записях Галдера от 2 и 11 февраля 1941 года говорится о зависимости операции «Барбаросса» от сроков окончания операции «Марита». Сайт «Военная литература» (militera.lib.ru).

сопротивление которых сыграло решающую роль во Второй мировой войне». Видимо, Сталин знал, о чем он говорит²⁸.

---

²⁸ Иосиф Сталин. Московское радио, 31 января 1943 года.

2. Каритена. Сельская школа и продолжение учебы в Психико

Как и все греки, наша семья в годы войны тоже хлебнула лиха. Я уже упоминал, что либеральная и антифашистская газета моего отца «Неос Космос» была закрыта, а собственность семьи – типография и остальное оборудование – захвачены немцами. Маме с двумя маленькими детьми пришлось спасаться в горах Аркадии на Пелопоннесе. Первый и очень трудный год оккупации мы провели в Каритене, откуда ведет свой род наша семья Николопулосов, в доме у сестры отца тети Элены.

Я точно знаю, что, если бы мы остались у себя дома в Психико, мы бы не выжили. Город был блокирован немцами, и еду не подвозили. Германские оккупационные власти сразу же начали тотальную реквизицию продовольствия. Кроме того, британцы заблокировали все средиземноморские порты, в результате чего Греция, до войны ввозившая по 500 000 тонн пшеницы в год (или 40 % всего потребляемого зерна), оказалась полностью отрезанной от импорта продуктов питания. В один момент греки оказались заложниками «черного рынка», и вскоре на улицах Афин и других городов люди начали умирать от голода. В нашем районе Психико съели всех птиц, очень быстро с улиц пропали также кошки с собаками. Особенно тяжелой в столице была холодная зима 1941/1942 года, когда от голода ежедневно умирали по триста человек. Всего в семимиллионной Греции за время оккупации умерли по этой причине, по разным оценкам, от трехсот до пятисот тысяч человек²⁹. Эта трагедия получила у нас в стране название «Большого голода».

Помогать людям пытались греческая православная церковь и международные организации. При некоторых церковных приходах организовывались благотворительные кухни для детей и взрослых. Международный Красный Крест, который нехотя терпело в городе немецкое командование, время от времени продавал голодающим продукты питания с большими скидками, но эта помощь была ограниченной и совершенно неадекватной тогдашним потребностям. В самом начале оккупации в городе работал Американский комитет помощи на Ближнем Востоке («Ниар ист релиф»), созданный в целях оказания помощи сиротам, пострадавшим от геноцида армян и греков в Турции. Комитет раздавал людям еду бесплатно, но его очень быстро выгнали немцы. Пока организация действовала, там работала мама моего близкого друга Насоса Христидиса.

В общем, от голода многие горожане пытались спасаться в деревне. Вот и мы поехали в Каритену, к родственникам.

Каритена образовалась в центре Аркадии вокруг средневекового франкского замка («кастро»), выстроенного в XI–XII веках над ущельем реки Алфей. Эта полноводная река спускается с крутых Аркадских гор, огибает великолепный античный храм Аполлона, – близнец афинского Парфенона, – и направляет свои чистейшие воды в сторону Олимпии, родины Олимпийских игр. Греческие мифы рассказывают нам о прекрасных музах, живших в древнем Алфее. Одним словом, идиллические места. Туда мы и отправились с мамой и сестрой в апреле 1941 г. при приближении немцев к Афинам. Отец категорически отказался покидать город, не желая оставлять без присмотра дом и типографию.

Я помню, что в Каритену мы ехали на такси в колонне беженцев, перемещавшихся пешим ходом и на автомобилях. Параллельно с колонной двигались колоритные остатки британских войск, состоявших главным образом из австралийцев и новозеландцев, в последний момент

---

²⁹ Great Famine (Greece) – Wikipedia; Procopis Papastratis. British Policy Towards.

направленных союзниками в помощь погибающей Греции и теперь направлявшихся в порт Каламата для переброски на остров Крит.

Эти войска были дислоцированы у нас в Психико под прикрытием вековых деревьев с конца 1940 года. Весной 1941 года они были посланы воевать вместе с греками на север в Македонию, где в ущелье Темби, недалеко от горы Олимп, располагался в тот момент важный участок линии греческой обороны против немецкого блицкрига. Однако войска союзников вынуждены были скоро вернуться ввиду опережающего продвижения немецких дивизий в Югославии и связанного с этим решения британского командования о выводе своего экспедиционного корпуса из Греции.

Из-за этих войск наша колонна подверглась интенсивной бомбежке немецкими штурмовиками. Две волны воздушной атаки прошли над нами, когда мы пересекали автодорожный мост через Коринфский канал. Немцы готовили захват моста и планировали блокировать канал кораблями с моря, чтобы затруднить эвакуацию британских войск. Однако мы успели перебраться на другую сторону канала и пережили бомбежку³⁰.

От бомб и снарядов беженцам пришлось укрываться в нишах, выкопанных в качестве укрытий в стенах канала, – высота этих стен около восьмидесяти метров. Помню, как небритые греческие солдаты, стоя на небольших земляных платформах, передавали нас, детей, сверху вниз, с одного уровня укрытий на другой, а вокруг падали бомбы, поднимая вверх столбы воды. В итоге, пройдя через это первое и весьма жуткое военное испытание, мы к вечеру доехали до города Триполиса, а с наступлением ночи добрались и до Каритены.

Приближалась Пасха, шла Страстная седмица. Насколько я помню, в Каритену мы прибыли 17 апреля, в ночь с Великого четверга на Великую пятницу. Пока наше такси медленно поднималось по извилистым улочкам селения, за нами следовала целая толпа любопытствующих местных детей. По дороге также двигались греческие солдаты, пешком возвращавшиеся домой от северной границы.

Пасха для греков – самый великий праздник года, поэтому солдаты пели грустные предпасхальные песни. В Каритене не было ни электричества, ни водопровода. Сотни лет жители возили воду на осликах по горным тропинкам. Это означало, что мы не просто оставили Афины и переехали в деревню, а переместились в другой век. В ту ночь, при свете керосиновых ламп, мы сидели за столом с нашими родственниками в доме тети Элени. Картина была совершенно средневековая. Там были только женщины и дети, ибо все мужчины, в том числе трое сыновей моей тети, были на войне.

Потом начали приходить местные мужчины, возвращавшиеся после боев в горах Албании. Их вид также напоминал о Средневековье: рваные полевые формы, заросшие щетиной и измученные, исхудалые лица. При первом их появлении близкие бросались к ним навстречу, но мужчины делали знак рукой – не приближаться, так как их одежда кишела вшами. Помню как в каждом дворе горели костры. Над кострами были подвешены огромные чаны с горячей водой, где кипела полная насекомых одежда воинов. Детей отправляли прочь, мужчины раздевались, бросали одежду в котлы и мылись. Так было в каждом дворе...

Мне в это время было шесть лет, а моей сестре – четыре, и мы осваивали наше «родовое гнездо». Мама бегала за нами и старалась объяснять все, что вокруг нас происходило. Ведь мама в первую очередь была профессиональным педагогом и только потом уже журналисткой.

---

³⁰ Основная битва за Коринфский мост и канал развернулась спустя несколько дней – 26 апреля 1941 года. Немцы обозначили ее как «Операция Ганнибал» и рассчитывали в результате этой операции остановить запланированную эвакуацию контингентов греческих и британских войск на Крит или в Египет. Битва закончилась разгромом сил союзников и пленением большинства солдат и офицеров, защищавших мост. Но по случайности мост был не захвачен, а разрушен, и части союзных частей удалось избежать преследования и отойти к запланированным местам эвакуации. В дальнейшем, после расчистки немцами, Коринфский канал играл важную роль в снабжении Германии и Италии нефтью из Румынии, а также в переброске немецких морских подкреплений в Северную Африку.

Она стремилась помочь нам воспринять две тысячи лет местной истории. Иногда история, мифология и местные порядки причудливо переплетались между собой в нашем сознании. Так, например, у моей сестры в Каритене неожиданно возник интерес к образу Пегаса. В горной Каритене люди столетиями использовали ослов и мулов для передвижения и перевозки грузов. Так вот, Элви решила, что в каждом подвале, где жили местные ослики, непременно должен был обитать Пегас. Наверно, именно тогда в ее душе поселилась мечта о будущем коннозаводческом бизнесе.

Выше я уже упоминал, что, живя в Америке, моя сестра занималась коневодством. На своем ранчо в штате Индиана она выращивала самых быстроходных лошадей в мире – арабских скакунов, которых мечтала внедрить на местные ипподромы. После смерти Элви – она умерла от рака в 1997 г., – дети моей сестры получили в наследство целый табун таких скакунов. Однако, будучи не в состоянии уплатить огромный налог на это наследство, мои племянники были вынуждены от него отказаться и передать все имущество американскому государству. Красавцы арабских кровей так и не попали на бега в США. Такая вот печальная история.

Но вернемся к военным событиям в Каритене. Вскоре там появился итальянский патруль. Надо сказать, что немцы, захватив Грецию, разделили ее на три зоны оккупации и сами непосредственно заняли только Афины, Салоники, Крит и несколько больших островов в Эгейском море. В греческих деревнях они не появлялись и контролировали их через итальянцев, которые, находясь под началом у немцев, должны были периодически инспектировать завоеванные последними территории. Даже в Афинах немцы, не располагавшие лишними войсками, держали в своих руках только пункты, имевшие военное значение. Всеми административными вопросами, как я помню, занимались итальянцы. Греческие территории во Фракии и Восточной Македонии, аннексированные болгарами, контролировались болгарской армией³¹.

Разбитые греками в албанских горах итальянцы выполняли свою задачу с очевидной неловкостью и сильно не усердствовали. В Каритене итальянский патруль встретили погребальными песнями, стоя на крышах своих домов, вдовы и матери греческих солдат, погибших в Албании. В их числе была и наша тетя Элени, не дождавшаяся своего сына Василиса. Зрелище было душераздирающее. По итальянцам было видно, что они чувствуют себя весьма неудобно, но при этом не упустят случая чем-то поживиться.

Когда они вошли в наш дом, появившийся первым итальянский сержант быстро обнаружил упаковку с несколькими банками сгущенного молока, отправленную нам, детям, из Афин отцом. Свою находку он с торжествующим видом продемонстрировал командиру, молодому лейтенанту. Наша мама, выросшая в триестинской семье, свободно говорила по-итальянски и тут же обрушила на голову лейтенанта такой поток брани, что он, покраснев, приказал сержанту вернуть коробку, что тот и сделал с большим неудовольствием. Лейтенант извинился перед моей матерью и удалился. После этого инцидента престиж Розы Протекдикос, одержавшей победу над представителями войск Муссолини, необычайно возрос в глазах всех каритенцев.

В конце концов, итальянцы ушли и больше мы их не видели. Таким образом, во время Второй мировой войны моя вторая малая родина Каритена так и осталась не оккупированной неприятельскими войсками. Вообще, если говорить о Пелопоннесе в целом, то надо признать, что итальянские войска не оставили после себя больших разрушений. Те греческие деревни и городки, которые сгорели, в большинстве своем были сожжены немцами. А что касается Каритены, то ее сожгли сами местные жители уже позже, в ходе гражданской войны.

---

³¹ На оккупированных территориях в Северной Греции болгары поддерживали по отношению к местному населению уровень жестокости, сопоставимый с немецкой оккупационной политикой на территориях советской Белоруссии. Из-за зверств оккупантов, ко всему прочему расстреливавших людей в Македонии за употребление греческого языка, эти территории за первые восемь месяцев оккупации (апрель-декабрь 1941 года) покинуло около 100 000 чел. (т. н. «исход» местного греческого населения в немецкую и итальянскую зоны оккупации).

В Каритене мы прожили год. Именно там я начал ходить в школу.

Кстати, эта школа была построена на выхлопотанные моим отцом государственные средства, и отношение ко мне было самым благожелательным. Надо сказать, что вне школы существовали свои нравы, достаточно дикие, на мой взгляд. Так, например, любимым занятием школьников было метание камней друг в друга по правилам настоящей войны. Эти правила, например, гласили, что, если твой камень, описав определенную траекторию, заденет «противника», тебе засчитывается победа.

Узнав об этом, я однажды так удачно метнул свой камень, что попал прямо в голову деревенскому парню по имени Фриксос, укрывавшемуся за большим камнем неподалеку. Полагая, что я убил этого Фриксоса, носившего, кстати, имя мифологического героя, я направился в горы, решив последовать примеру моего предка Туркандониса и стать «абреком». Если учесть, что отец мальчика был начальником местной полиции, я не на шутку испугался. В результате «абреком» мне пришлось пробыть всего один день, так как меня искали всей деревней и кричали, что Фриксос жив и что я могу выходить из укрытия. Ну, я и вышел.

Надо сказать, что мы вовремя уехали из Каритены. Если бы мы остались еще на год, не знаю, чем бы это для нас закончилось. В конце 1942 года на Пелопоннесе замелькали первые вспышки грядущей гражданской войны. На контролируемых партизанами территориях начались конфликты между ЕЛАС и теми местными крестьянами, которые не хотели вступать в ЕАМ. К политическим и иным разногласиям примешивались и старые деревенские и межклановые счеты, так что дома в деревнях горели часто. Позже в тех же местах появились вооруженные отряды правых, известные как «батальоны безопасности» и состоявшие на службе у правительства коллаборационистов. Эти отряды приходили из Патраса и Каламаты и сжигали уже дома тех, кто пошел в ЕАМ. Такие столкновения происходили в горных районах Греции на протяжении всей оккупации.

Когда я в 1955 году первый раз после войны приехал в Каритену, я увидел, что половина домов сожжены. Я задал тете Элени вопрос: «Это сделали немцы?» Тетя ответила мне: «Нет, дорогой. Это сделали греки». К счастью, оба выживших на войне в Албании сына тети Элени успели вовремя сбежать в Афины. В Каритену они больше никогда не вернулись. Позже, в 1943 году, зачистку на Северо-Восточном Пелопоннесе делали уже немцы – вернее, австрийские альпийские стрелки. После свержения Муссолини и выхода Италии из войны германское командование ожидало там наступления со стороны британцев. Последние смогли обмануть германское командование относительно своих намерений и в итоге наступали в Сицилии. А за британскую военную хитрость заплатили несколько десятков греческих деревень. Но все это было еще впереди.

Вернувшись в Афины весной 1942 года, я начал ходить в школу. При этом моя мама приложила максимум усилий, чтобы мы с Элви забыли бесшабашные порядки Каритены и всерьез занялись учебой. Первой школой, которую я посещал, была начальная школа в Психико. Занимались мы, однако, не в самой школе, где при немцах был устроен госпиталь для немецких раненых, а в здании церкви Св. Димитрия Солунского. Атмосфера этой церкви, ее мозаики и фрески так сильно повлияли на мой духовный мир и общий настрой, что я помнил о них всю жизнь. Именно они помогли мне открыть для себя Византию, о которой многие мои современники, увлекшиеся Западом, старались забыть, демонстрируя безразличие или даже некоторое пренебрежение к православной культуре.

Ничего удивительного в этом не было. В моей социальной среде в образовании и воспитании безраздельно властвовали европейские языки и европейская культура. Я, к примеру, по аналогии с героем «Евгения Онегина», раньше начал читать по-французски, нежели по-гречески.

После ухода немцев в октябре 1944 года, когда мы начали учиться уже в здании школы, обнаружилось, что стены там обильно разрисованы примитивными баварскими ландшафтами

– творениями рук немецких раненых. Контраст между этими картинками и византийскими фресками был настолько разителен, что мы, школьники, ощущали явный диссонанс между духом византийской культуры и современной нам западной атмосферой. Я думаю, этот диссонанс ощущали еще наши предки со времен Возрождения. По счастью, наша строгая директриса Элени Параскева распорядилась забелить весь этот настенный «новодел», и мы сразу почувствовали облегчение. Подобные процедуры впоследствии были проведены практически во всех школах и лицеях района.

При всем том в детстве моими любимыми писателями были все-таки писатели Европы: Сервантес, Кнут Гамсун, Киплинг и особенно Артур Гобино, которого я читал, разумеется, на французском языке. Последний просто завораживал меня своими историями о Среднем Востоке. (О его расистских взглядах я узнал много позже.) Разумеется, как все греческие подростки, я прочел увлекательные и патриотичные исторические романы Пенелопы Делта. Делта, известная греческая писательница и, кстати, дочь уже упоминавшегося мной греческого миллионера и мецената Бенакиса, родилась в Египте и с 1916 года жила и работала в Греции. Обращаясь в своих произведениях к великой истории греков и богатейшим традициям греческого народа, она фактически формировала мировоззрение молодого поколения в период становления греческого государства, начиная от балканских войн до Второй мировой войны³².

В Греции были и другие писатели, создававшие книги для детей и подростков, но их читали гораздо меньше, чем иностранных авторов, так как все эти писатели пользовались архаичной «кафаревусой» (одним из двух современных вариантов новогреческого языка – упрощенной версией «койнэ», афинского диалекта древнегреческого языка эллинистического периода)³³.

Делта справедливо считала «кафаревусу» – язык государства, политической жизни и высокой литературы – сложной и неудобной для детского восприятия и писала на «димотики», разговорном народном греческом языке, используемом в повседневном общении. Яркий историко-литературный талант, человечность и простой, но образный язык, понятный и удобный для читательской аудитории, сделали Пенелопу Делта классиком национальной греческой литературы и одним из самых любимых детских авторов. Я читал ее запоем.

Читал я, конечно, и других классиков новогреческой литературы – Григориоса Ксенопулоса, прозаика и одного из создателей Общества греческих литераторов, и Александра Пападиамандиса. Последнего называют «отцом» новогреческого романа и «греческим Достоевским». Тогда же я прочел и первые в моей читательской жизни биографические книги. Мне,

---

³² Наиболее известные произведения Пенелопы Делта – «Мангас» («Μαγκας»), «Безумный Антонис» («Τρελλαντωνης»), «Сказка без названия» («Παραμυθι χωρις ονομα»), «За Родину» («Για την Πατριδα»), «Секреты болота» («Στα μυστικα του βαλτου»). В 1927–1939 годах Делта написала трилогию «Юные гречанки» («Ρωμιολουλες»), в которой в форме романа представила свою собственную биографию. Произведения писательницы переведены на многие языки мира, к сожалению, кроме русского. Жизнь Пенелопы Делта оборвалась трагически: она сама и ее муж Стефанос Делтас покончили самоубийством, приняв яд в день входа немецких войск в Афины. «Богиня» греческого национализма и ирредентизма не стала дожидаться, пока немецкие офицеры выгонят ее и ее семью из семейного особняка в Кифисии. В настоящее время в доме семьи Делта располагается исторический архив музея Бенаки.

³³ Кафаревуса, по сути древнегреческий язык с включением элементов простонародного языка XIX века, была принята после получения Грецией независимости в 1830 году как способ для греков вернуться к своим древним истокам. До недавнего времени она господствовала во всех коммуникациях между гражданами и государственными чиновниками, а также внутри различных ветвей власти. Требования к владению кафаревусой были крайне жесткими: если человек не мог писать и выражаться на кафаревусе, его перспективы получить работу в государственном секторе были равны нулю. Исключений не делали. Я помню, что, когда я служил в армии, мы, солдаты, должны были использовать кафаревусу в служебном общении. Это было не так легко – разница между кафаревусой и димотики напоминает разницу между разговорным русским и церковнославянским языками. После падения хунты «черных полковников» кафаревусу отменили и всю официальную коммуникацию перевели на димотики. Кстати, еще в 1823 году вышла написанная на димотики Д. Соломосом поэма «Гимн свободе», первые 24 четверостишия которой в 1865 году были объявлены государственным гимном Греции. Кроме Соломоса, на димотики писали также К. Паламас и другие поэты. В XX веке выдающиеся греческие поэты Й. Сеферис, О. Элитис, К. Кавафис, А. Сикелианос и Я. Ридос дали мощный импульс развитию литературного новогреческого языка, обогатив димотики яркими заимствованиями из кафаревусы.

например, особенно понравился роман Димитриоса Викеласа «Лукис Ларас», где на примере героя была показана судьба обычного человека, попавшего в необычные условия³⁴.

Интересно, что форму романа Викелас выбрал для описания событий своей собственной жизни. Автор происходил из хорошей хиотской семьи, все члены которой погибли в 1923 году от рук малоазиатских турок. Дополнительный драматизм этой истории придавал тот факт, что резня случилась в нарушение установлений самих османов – остров Хиос считался собственностью матери султана (и, соответственно, частью султанского гарема) и как таковой был неприкосновенным.

Что касается русской литературы, то в Греции в это время она ко мне в руки не попала, за исключением «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева, в котором я тогда мало что понял. С Достоевским, Толстым, Чеховым и другими русскими писателями я познакомился уже позже, в Америке, где читал их в английском переводе.

Библиотеки в Психико в то время не было. Она появилась только много позже, в 1970-х годах, когда местный муниципалитет приспособил под библиотеку заброшенный дом писателя Космаса Политиса. После войны в среде школьников царил культура «нечитающих». Да и какое могло быть чтение, когда на улицах валялись горы брошенной амуниции и можно было хвастаться перед друзьями своими находками? О литературе мы не говорили, книгами не обменивались, читали втайне друг от друга то, что имелось дома на иностранных языках.

В начальной школе Психико я проучился до десяти лет и, окончив ее в 1945 году, перешел на следующую ступень – в лицей. Лицейское образование я получал в уже упоминавшемся мной «Афинском колледже», созданном с помощью семей Бенакис и Делта. «Афинский колледж» был и остается для греков их собственным «Итоном». Мальчиков записывали туда с рождения. Из «Афинского колледжа» вышли несколько греческих премьер-министров и многие министры, а также большинство греческой профессуры, осевшей в европейских и американских университетах.

В «Афинском колледже» я учился в течение пяти лет, вплоть до 1950 года. Там все же поддерживался определенный баланс между греческой и западной культурами, поскольку мы сочетали освоение греческих классиков с подготовкой к жизни в современном мире с помощью углубленного изучения английского языка. Колледж придерживался американских подходов к образованию. Тогда считалось, что американская система образования более прогрессивная, нежели греческая, не в последнюю очередь благодаря интенсивным занятиям командными видами спорта, формирующими характер и гражданский дух. Должен, кстати, признаться, что к этим занятиям я относился без большого энтузиазма, предпочитая им более древнюю греческую традицию спортивного единоборства. Помню, что особенных успехов я добился в греко-римской борьбе и считался чемпионом школы в своем возрасте и весе.

Кроме того, в организации школьной жизни в «Афинском колледже» использовались некоторые американские практики, призванные формировать у учащихся навыки социального общения и демократического участия. Поэтому в каждом классе был избранный ученик-«президент», который вел тематические обсуждения и координировал разные внеклассные мероприятия. Я был таким «президентом» в своем классе в течение трех лет.

За время учебы в школе и лицее у меня, конечно, появились друзья. Надо сказать, что в Психико я и моя сестра были окружены детьми из очень пестрых в социальном смысле семей. С одной стороны, в нашем районе было много детей беженцев из Малой Азии. Их родители жили и работали в магазинчиках и мастерских, находившихся в помещениях закрытого старого рынка неподалеку от нашего дома.

Так, я помню, что дружил с сыновьями владельца химчистки братьями Михаилиди, а также с сыном смотрителя каменоломни Йоргосом Пицинасом.

---

³⁴ Δημητρίος Βικελάς, Λουκίης Λαράς, Μυθιστορία. Εκδόσεις Ηλιότροπιо, 1998. 175 σελ.

С другой стороны, в округе было и немало отпрысков богатых семей, которые купили или построили дома в Психико. К этой среде принадлежал, например, мой друг Танасис Герцос, с которым я дружу и по сей день. Кстати, в школе у моего друга был русский наставник, Михаил Манко, заинтересовавший Танасиса Россией. Мой друг потом много лет работал в России и стал меценатом греко-российских культурных связей.

Значительную часть нашего послевоенного детского и подросткового контингента составляли дети греков диаспоры, а также дети от смешанных международных браков. Самым близким моим другом в то время был Питер Монти, сын атташе канадского посольства в Афинах и англоязычной левантийки голландского происхождения. После войны Питер уехал в Канаду, учился там в иезуитском колледже, стал священником-иезуитом и уже много лет работает со слабослышащими людьми в качестве капеллана католической церкви в Оттаве. Кроме Питера, я близко дружил с Яном Хасиотисом и Алекосом Сикиотисом. Ян был сыном греческого морского офицера и матери-норвежки. Семья Сикиотис была из Южной Африки. С Алекосом мы после войны прочесывали остатки британских военных складов в поисках интересных находок. Однажды я нашел немецкий пулемет и мы с друзьями его осматривали. Во время этого осмотра Ян Хасиотис нажал на гашетку и чуть не потерял большой палец на правой руке, потому что пулемет выстрелил по-настоящему. Что стало впоследствии с Яном и Алекосом, я не знаю.

Самой яркой девочкой в нашей компании была Ксения Калагеропулу, дочь русской художницы-эмигрантки. Мама Ксении старалась организовать из нас детский театр. Не уверен, что из этого что-то получилось, зато ее дочь стала одной из самых известных в Греции актрис театра и кино.

Все мы, местные и приезжие, общались, играли в футбол или «воевали», используя в наших «боях» найденное оружие, иногда кидались камнями, как в Каритене. Мы дружили, не ощущая социальных различий. Именно тогда я впервые открыл для себя эти черты – демократизм и отсутствие чувства принадлежности к социальному классу, – свойственные грекам. Станным образом, мы воспроизвели в Психико атмосферу греческой деревни, где все равны. Нашей общей малой родиной был район Турковунья. Позже, когда я случайно встречался с членами нашего маленького сообщества, меня всегда поражали возникавшие между нами почти что родственные чувства.

Уже позже в Психико приехали американские подростки – дети военных и работников различных организаций, связанных с осуществлением объявленной в 1947 году доктрины Трумэна³⁵. Они как будто перенесли в Грецию атмосферу американских предместий. Юные американцы ездили на велосипедах и играли в американские игры. Тогда я узнал, что такое комикс, супермен и Микки-Маус. Американские родители часто отмечали дни рождения своих чад детскими праздниками и приглашали на них юных соседей-греков. Когда мне исполнилось двенадцать лет, такой праздник устроила для меня и моя мама. Но самое главное – мы много говорили по-английски, что в итоге оказалось для меня очень полезным.

Помню смешное: уже тогда все мои американские друзья носили джинсы.

В Греции никаких джинсов и в помине не было, и мальчики-подростки до 18 лет носили шорты с длинными гольфами. Конечно, зимой, когда было холодно, все ходили с красными

---

³⁵ Доктрина Трумэна была объявлена 12 марта 1947 года в связи с обращением правительства Греции к США за срочной финансовой и экономической помощью ввиду тотальной хозяйственной разрухи и отсутствия средств для закупки необходимых для выживания нации товаров – продуктов питания, одежды, топлива и семян сельскохозяйственных растений. В рамках этой доктрины выделялась экстренная помощь Греции в размере 400 миллионов долларов как элемент политики поддержки «свободных народов, сопротивляющихся попыткам угнетения вооруженными меньшинствами и внешним давлением». (Из обращения президента США Гарри Трумэна к американскому конгрессу 12 марта 1947 года. Цит. по: Greece 1940–1949. Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. P. 198.)

коленками. С 18 лет позволялось иметь взрослый костюм, как у отца, обычно из тяжелого сукна и, как правило, один-единственный.

В общем, в 1947 году я возмечтал о джинсах. Мама нашла более-менее подходящий синий хлопчатобумажный материал, и мы обратились к госпоже Виктории – портнихе, обшивавшей нашу семью, беженке из Константинополя.

Разумеется, то, что в итоге получилось у госпожи Виктории, довольно слабо напоминало джинсы – портниха еще восприняла необходимость делать накладные карманы и молнию, но категорически отказалась использовать оранжевые нитки. Однако, несмотря ни на что, я был уверен, что являюсь единственным обладателем джинсов в Греции, и был совершенно счастлив! Через два года та же Виктория сшила мне настоящий мужской костюм, который позже пропутешествовал со мной в Америку и обратно в чемодане, где и по сей день хранится мой первый архив.

Стоит добавить, что наша портниха знала о моем увлечении оружием и как-то принесла мне из пригорода Пирея Кокинья, где она жила, кусок обшивки транспорта боеприпасов, взорванного в Пирейской гавани во время войны. Много позже я отнес его в Музей военной истории, где он стал одним из ценных экспонатов.

Лето 1947 года мы с мамой и Айви провели на Родосе, где в то время работал один из маминых кузенов, Георгиос Протекдикос. Додеканесские острова были захвачены у турок итальянцами в 1911 году, поэтому после Второй мировой войны они вошли в состав Греции. Наш родственник занимался восстановлением первых современных отелей Родоса, построенных итальянцами в период между двумя мировыми войнами. Позже он же получил заказ на электрификацию королевского дворца в Афинах. Так что на острове мы жили в хорошем номере и провели там все три летних месяца.

Кстати, в то лето нашим гостем и в Афинах, и на Родосе был представитель триестинской части семьи, 15-летний Пауло, правнук Марии Протекдикос, сестры моего деда. Один из его дядей воевал во время войны в итальянской армии и был захвачен союзниками в Северной Африке. Он два года провел в качестве военнопленного в Америке, о которой сохранил самые теплые воспоминания. При этом сам Пауло американцев ненавидел и, решив, что я слишком увлекаюсь ими, однажды жестоко избил меня. Это, кстати, послужило мне уроком и в дальнейшем я посвятил немало времени физическим упражнениям и заметно улучшил свою спортивную форму.

В 1950 году в возрасте пятидесяти четырех лет умер от лейкоза крови мой отец. Это заболевание часто встречается среди типографских работников и связано с отравлением организма свинцом и другими тяжелыми металлами. Папа много времени проводил в типографии и, к сожалению, не избежал этой участи. Он болел три года и долго лежал в больницах. Мама делала для отца все, что могла.

В этот период ему очень помогала солидная медицинская страховка Союза редакторов ежедневных афинских газет. Но, к сожалению, чуда не произошло.

Таким образом, мне пришлось определяться в жизни раньше, чем многим моим однокашникам. И хотя лицей я окончить не успел, учился я там неплохо и смог получить стипендию для продолжения образования в американском колледже. После войны наша семья осталась с весьма скудными средствами к существованию, поэтому платное обучение в Греции нам было не по карману. Однако другого в то время в стране не было, и идея продолжить образование в Америке казалась разумной. Мой свободный английский язык – продукт велосипедных прогулок с американскими друзьями – тоже помог делу, поэтому к 1950 году, когда я отбыл на учебу в США, я был полностью готов к школьной и студенческой жизни и вообще к жизни в этой стране – так, как если бы я там вырос.

3. Психико в период оккупации и гражданской войны

Хочу особо остановиться на памятном для меня времени немецкой оккупации Психико и начале гражданской войны в Греции.

Я уже упоминал, что в 1942 году мы вернулись из Каритены в свой дом на улице Хрисантемон. Там мы воссоединились с отцом. К этому времени немецкое командование открыло дороги в город, а британцы немного ослабили морскую блокаду, и ситуация для людей несколько улучшилась. В магазинах и на лотках уличных торговцев появились кое-какие продукты. «Черный рынок» заработал более активно, хотя там, разумеется, были дикие цены.

Кроме того, благодаря вмешательству Международного комитета Красного Креста и шведского правительства, с лета 1942 года немцы разрешили шведскому и турецкому Красному Кресту завозить в Афины муку, и голодные люди стали получать хлеб, а дети – манную крупу и молоко. Средства на эту операцию предоставили греческое правительство в изгнании во главе с Эммануилом Цудеросом и американская Ассоциация помощи пострадавшим от войны в Греции. Интересно, что помощь Красного Креста поступала не только в Афины, но и в остальную Грецию, где она распределялась среди населения через местные комитеты ЕАМ.

Склонные к юмору в любых обстоятельствах, греки начали распевать стишки, положенные на мотив известной мексиканской песенки «Съелито линдо» («Прекрасное небо»), известной в России как «Челита» (перевод, разумеется, вольный):

*Мясо и рыбу в трюме качает,
Сделайте нам одолженье —
Чего Ваша милость желает?
О чем желудок мечтает?*

*Ай-ай-ай-ай,
Швеции – слава!
Накрыла нам стол, —
Виват, хлебосол!
Споем мукомолу «Браво!».*

Наша семья по сравнению с этими бедолагами находилась в гораздо лучшем положении, и мы в этот период от голода не страдали, хотя питались более чем скромно. Ели мы в основном хлеб и овощи, которые покупали на рынке у крестьян, привозивших в Афины на продажу продукцию своих огородов.

Во время войны мы стали есть не слишком популярную у греков свеклу. Очень хорошо шли свекольная ботва и капустные кочерыжки. Ни мяса, ни рыбы на нашем столе во время войны я не помню. (Между прочим, в период оккупации несанкционированная ловля рыбы была запрещена.) Одно время у нас была коза, но потом ее украли.

Однако не все жители Психико могли похвастаться таким относительным благополучием. Например, членам упоминавшейся выше семьи Ксенос пришлось очень несладко. Экономические потрясения военного периода привели к тому, что их вилла осталась недостроенной, а от другой приобретенной накануне войны недвижимости долго не было никакой прибыли, поэтому во время войны Афина и ее сын чуть не умерли с голоду. В конце концов, семья выжила только благодаря тому, что госпожа Ксенос преподавала музыку детям со всей округи, причем за гроши.

Кстати, я помню, что к концу оккупации активизировалась местная благотворительность. В начале 1944 года мой папа стал помогать голодающим. Он организовал в Психико комитет

социальной солидарности, который собирал деньги и закупал продукты для примерно 1000 детей из бедных семей, в основном беженцев из Малой Азии, живших вокруг Психико и горы Турковунья. Я не знаю, где члены комитета доставали продукты, но помню, что они распределялись через местные школы. Кроме того, по праздникам организовывалась бесплатная столовая в открытом театре «Колизеум», находившемся в то время в сосновой роще неподалеку от церкви Св. Димитрия.

Тем не менее, несмотря на некоторое облегчение ситуации с едой, экономическое положение в целом было просто катастрофическим. Греческая экономика, изрядно подорванная шестью месяцами войны в Албании, была окончательно добита во время немецкой оккупации. Немцы попросту грабили природные ресурсы страны, реквизировали все топливо, продовольствие и медикаменты и отправляли вермахту в Северную Африку.

Вся хозяйственная инфраструктура была разрушена, большинство автомобильных и железных дорог, а также порты разбомблены немцами.

Был конфискован весь транспорт. Греческая промышленность на восемьдесят процентов лежала в руинах, резко упало сельскохозяйственное производство. Коллаборационистское правительство Георгиоса Цолакоглу – генерала, подписавшего греческую капитуляцию, выплачивало немцам стоимость оккупации своей же собственной страны, и в Греции стремительно развивалась гиперинфляция³⁶.

Я уже не говорю о том, что в годы оккупации немцы в массовом порядке убивали гражданских людей, подозреваемых в неповиновении или участии в греческом сопротивлении. Десятки тысяч мирных греков погибли в этот период от немецких репрессий или репрессий со стороны уже упоминавшихся «батальонов безопасности», созданных в 1943 году правительством Иоанниса Раллиса (он занимал пост главы правительства после Цолакоглу и преемника последнего Логотетопулоса). Эти батальоны свирепствовали в городах, действуя так, как действовали в то же время полиция на оккупированной территории Советского Союза. На любого человека в галстук они смотрели с подозрением как на либерального интеллигента, связанного с сопротивлением.

Кстати, в дальнейшем, после ухода немцев, «акции возмездия» против т. н. «коллаборационистов», т. е. людей, подозревавшихся в сотрудничестве с оккупантами, начали партизаны-коммунисты, а их, в свою очередь, громили «батальоны безопасности». И те и другие убивали людей тысячами.

Большинство евреев, проживавших до Второй мировой войны в Греции, погибли в лагерях смерти³⁷. Так, в марте 1943 года была депортирована и практически полностью уничтожена процветавшая до войны пятидесятитысячная историческая еврейская община в Салониках. В октябре 1943 года вышел нацистский указ о регистрации евреев в Афинах³⁸. Надо сказать, что некоторые греческие евреи успели покинуть страну еще до начала войны. Так, например, я помню нашу соседку по Психико госпожу Магнифико, которая в 1940 году уехала в нейтральную Португалию. Перед отъездом она оставила на мамино попечение свой холодиль-

---

³⁶ «Показатели инфляции были таковы, что низводили торговлю до уровня бартера». (In: John S. Kollipoulos and Tanos M. Veremis. *Modern Greece. A History Since 1821*. Wiley-Blackwell, 2010. P. 113). В августе 1943 года килограмм хлеба в Греции стоил 6–7 тысяч драм, а пара ботинок – 200–250 тысяч. В то же время рабочим платили по 2–3 тысячи драм в день, а государственным чиновникам – по 100–150 тысяч драм в месяц. (Greece 1940–1949. *Occupation, Resistance, Civil War*. A Documentary History. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, London, 2002. P. 113.)

³⁷ До Второй мировой войны в Греции проживали около 77 тысяч евреев. Около 65 тысяч человек, или 85 % от общей довоенной численности, погибли в лагерях смерти. К моменту освобождения Греции от немецкой оккупации в 1944 году в Греции осталось в живых 10 тысяч евреев. (Источник – Электронная еврейская энциклопедия, создана на базе Краткой еврейской энциклопедии, изданной в Иерусалиме в 1976–2005 годах Обществом по исследованию еврейских общин в сотрудничестве с Еврейским университетом в Иерусалиме.)

³⁸ German decree ordering the registration of the Jews of Athens, 4 October 1943. In: *Occupation, Resistance, Civil War*. A Documentary History. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. P. 102.

ник. Электрические холодильники тогда считались невообразимым техническим новшеством, поскольку большинство людей хранили продукты в специальных деревянных ящиках. Мама сохранила холодильник госпожи Магнифико в целости и сохранности и вернула его хозяйке, когда та вновь появилась в Афинах в 1946 году.

Как правило, спастись удавалось тем евреям, которые убежали в горы или на другие территории, где немцы не появлялись, а итальянцы вели себя нейтрально. Еврейских беглецов там прятали у себя многие местные жители (часто при содействии ЕАМ). К чести греков, надо сказать, что их лучшие представители, включая архиепископа Афин и всей Греции Дамаскиноса, а также руководителей Академии наук, Афинского университета, Торгово-Промышленной палаты, крупнейших профессиональных и культурных ассоциаций и обществ, деятели культуры и искусства и др., протестовали против депортации евреев из Салоников³⁹, а греческие коммунисты выпустили осенью 1943 года прокламацию о единстве греческого народа и обещали всеми возможными средствами вести борьбу с преследованием евреев⁴⁰.

Известно, что даже сотрудники греческой полиции, на которую была возложена ответственность за исполнение указа о регистрации, выписали евреям довольно много паспортов с греческими фамилиями. Во главе полиции всю войну стоял кадровый полицейский Ангелос Эверт, по мере сил прикрывавший на своем посту и евреев, и эласовцев-диверсантов, и партизанские и британские агентурные сети. Немцы не подозревали его в саботаже из-за его баварских корней (предки Эверта приехали в Грецию еще в середине XIX века при короле Оттоне). Однако безжалостный каток геноцида был организован немцами крайне «эффективно», и большинству греческих евреев помочь не удалось.

Все та же Афина Ксенос во время оккупации чуть не погибла. Проходя по улице, немецкий офицер слышал, как Афина говорит с кем-то по-немецки, и решил, что она берлинская еврейка. Бедную женщину забрали в комендатуру и уже наметили к отправке в лагерь в Польшу вместе с другими обреченными людьми. На счастье госпожи Ксенос, сцену ее задержания на улице видел другой офицер, знавший, кто она такая. Он уведомил сына Афины Ламбиса и вместе с ним ходил по инстанциям, пока арестантку не отпустили. Но ей повезло больше остальных.

Из всего этого хорошо видно, что в период между 1941 и 1945 годами риск и опасность для жизни в Афинах были разлиты в воздухе, в том числе в Психико. Несмотря на все это, жители Афин и другие греки не побоялись в 1943 году выйти на несколько крупных демонстраций, организованных группами сопротивления. Каждая из них собрала от 100 до 500 тысяч человек и сопровождалась столкновениями с силами порядка, в которых было убито несколько сотен демонстрантов.

Наиболее впечатляющей была всеобщая забастовка и 300-тысячная демонстрация в Афинах в марте 1943 года против намеченной гражданской мобилизации и отправки в Германию греческих рабочих. В ходе этой демонстрации афиняне смогли занять Министерство труда и сжечь списки людей, подлежащих отправке. В июле того же года состоялась 500-тысячная демонстрация против расширения болгарской зоны оккупации, сорвавшая высвобождение дополнительных немецких дивизий для отправки на Восточный фронт.

---

³⁹ Protest by professional and businessmen to Konstantinos Logothetopoulos, the collaborationist prime minister, over the deportation of the Jews of Thessaloniki, 23 March 1943. (A similar letter was sent to Gunter Altenburg, plenipotentiary of the German Reich in Athens.) In: *Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History*. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. P. 104–107.

⁴⁰ Proclamation by the Communist Organization of Athens on behalf of the Jews, Autumn 1943. In: *Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History*. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. P. 107.

Все эти акции не имели прецедентов в других европейских столицах и даже дали некоторым наблюдателям основание считать Афины «столицей европейского сопротивления»⁴¹. Из соображений объективности добавлю, что демонстрантам приходилось иметь дело главным образом с итальянскими, а не с немецкими солдатами, тем не менее каждая из этих акций повлекла за собой человеческие жертвы.

А недавно я услышал от своего друга Сифиса Захариадиса, сына генсека ККЕ Никоса Захариадиса, что его мама рассказывала ему о крупной стихийной демонстрации в связи с контрнаступлением Советской армии под Москвой. В течение всей оккупации многие люди в Афинах узнавали о положении дел на фронтах из радиосообщений Совинформбюро. Затем они рассказывали об услышанном своим знакомым или расклеивали по городу листовки об этих событиях. Так что, услышав 6 декабря 1941 года о том, что немцы отброшены на 40 километров от Москвы, тысячи афинян двинулись в центр города, где состоялась бурная 500-тысячная манифестация.

Сифис рассказал и еще одну историю о знакомой его матери, которая как-то раз громко играла на пианино, пока ее соседи этажом выше слушали московское радио. В это время в дом, услышав музыку, вошел немецкий офицер. Он сидел довольно долго, пока женщина, внутренне обмирая, продолжала играть свое музыкальное произведение. Дослушав, офицер похвалил ее игру и сказал:

«А если Вы и Ваши соседи и дальше собираетесь слушать московское радио, я рекомендовал бы делать это тише». Вот такие бывали во время войны эпизоды.

Непосредственных контактов с немцами у членов нашей семьи не было, если не считать того, что с ними имел дело отец по поводу издательства и типографии. Я уже раньше писал, что немцы все забрали, но стоит немного рассказать об обстоятельствах этого дела. В 1941–1942 годах немцы собрались издавать на Крите газету «Голос вермахта» для распространения в частях, воевавших на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Для этого они начали реквизировать в Афинах типографское оборудование. В основном афинские издатели пользовались старым, уже изношенным оборудованием. Папино же оборудование, закупленное в 1938–1939 годах и практически новое, оказалось самой лучшей добычей для германской военно-пропагандистской машины.

Папе фантастически повезло, что с немецкой стороны этим вопросом занимался приличный человек. Этого офицера звали Георг Дитрих, и он отвечал за издание немецких военных газет на территории всего Средиземноморья. До войны Дитрих был журналистом и владельцем газеты в Штутгарте, так что он смог оценить качество журналистской и издательской работы моего отца. Немец изыскал возможность хотя бы в какой-то степени компенсировать реквизицию, и отец получил сумму, которая помогла выживать не только нам, но и другим семьям, связанным с издательской группой «Та Граммата».

Несмотря на то что в повседневной жизни мы и другие жители Психико с немцами особенно не пересекались, не заметить немцев в нашем районе было невозможно. На некоторых дорогах виллах жили представители немецкого военного командования. Например, неподалеку от нас на улице Стратигу Калари в шикарном доме с великолепным садом жил какой-то генерал, по всей видимости занимавший высокий пост в штабе командования немецкими силами в Северной Африке. Во всяком случае, у дверей его дома всегда стояли часовые в

---

⁴¹ В частности, «столицей европейского сопротивления» назвал греческую столицу заместитель директора Французского института в Афинах Роже Милльекс, член ЭАМ, проживавший в городе в период оккупации, прятанный в здании института участников сопротивления и наблюдавший демонстрации 1943 года. Позже Милльекс сыграл важную роль в организации эмиграции из Греции во Францию 140 молодых «левых» интеллектуалов, преследовавшихся «правыми» правительствами. В частности, историк Н. Своронас, философы М. Акселос и К. Касториадис, композитор Я. Ксенакис, кинорежиссер М. Захариас и многие другие представители греческой интеллигенции смогли покинуть Грецию на французском корабле «Матароа», предоставленном французским правительством по ходатайству Французского института.

форме африканского корпуса армии генерала Роммеля. В Психико также можно было видеть немецких артиллеристов: по району были расщелоточены артиллерийские орудия, за которыми слелдили соответствующие службы.

Но лучше всего я помню немецких раненых, гулявших по улицам и уютным скверам Психико. Они проходили лечение в госпиталях, располагавшихся в зданиях института «Арсакцион» и «Афинского колледжа». Многие из них были очень загорелыми и носили на голове солнцезащитные шлемы. Я думаю, что свои ранения, в основном очень тяжелые, они получили в сражениях при Тобруке и Эль-Аламейне. Мне эти парни запомнились тем, что ходили группами и в полном молчании. Потом я понял, что это были последствия психологического шока.

При всех тяготах и опасностях военной действительности, жизнь в Психико, и в частности в нашем доме, продолжалась. Я уже ранее отмечал некоторую театральность всего того, что в нем происходило. Эта театральность сохранилась и во время войны. Так, уже известная читателю хозяйка дома и бывшая покорительница мужских сердец Константинополя Пенелопа оказалась женщиной, склонной к интригам и не слишком надежной супругой своего мужа Атанасиоса Эфстратиадиса. Она не верила, что ее зять вернется с войны, и всеми мыслимыми и немислимыми способами привлекала для дочери Маро потенциальных женихов.

При этом, как стало известно позже, Пенелопа заходила довольно далеко и даже использовала какие-то приворотные зелья, которые подливала объекту ее интереса в кофе. Одно время в качестве такого объекта она рассматривала даже моего отца, но потерпела позорное фиаско. Интриги неуемной Пенелопы затевались на глазах у нашей кухарки Гарифо и крайне ее возмущали, поэтому она считала правильным предупредить о них мою мать. Кажется, впоследствии Пенелопа была очень сконфужена, когда зять Харилаос вернулся с фронта, забрал Маро и ребенка и немедленно отбыл в Патрас.

Одновременно госпожа Эфстратиадис занялась собственной личной жизнью и завела любовника по фамилии Дзиффер, который ежедневно навещал ее после ухода мужа в контору. Иногда Атанасиос возвращался домой раньше времени, и потревоженный любовник вынужден был прыгать через окно в сад, что прекрасно могли видеть все, включая детей, кто находился на первом этаже в нашей части дома. После этого господин Дзиффер, являвшийся, помимо всего прочего, близким другом Атанасиоса, обходил дом с другой стороны и звонил в парадную дверь, возвещая о своем прибытии к обеду. Сейчас трудно представить себе, что весь этот цирк происходил во время войны, в 1942–1944 годах, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь».

Сильно поражал всех во время войны обитатель подвала старик Корнелиус. Каждое утро Корнелиус вставал в восемь часов, выходил в сад под нашим балконом и обливался холодной водой из-под садового крана. Затем он возвращался в дом, одевался, пил кофе и уходил пешком за двадцать километров в афинский пригород Неа-Иониа, где жили беженцы из Малой Азии и где располагалась носочная фабрика его племянников. Там Корнелиус забирал тук с новой партией изготовленных носков и шел дальше, на рынок, где распродал носки, забирая себе долю и оставляя остальное своим родственникам. И так изо дня в день, при полном отсутствии транспорта. Он был очень гордый и хотел обеспечивать себя сам.

Мы не знали, были ли у нашего соседа из подвала когда-либо свои дети – в Трапезунде нередко бывали резни. Но Корнелиус выжил и даже сумел заработать кое-какие деньги, обменивая людям сохранившиеся у них старинные и обычные золотые монеты на золотые британские фунты, имевшие хождение по всей Греции и остальной Европе в период оккупации. Фунтами старик никогда не торговал – его маленькую прибыль составляла разница в содержании золота между британскими и прочими монетами.

Поскольку англичане вбрасывали в страну немалые деньги, поддерживая греческое сопротивление, эти фунты, именовавшиеся в Греции лирами, в большом количестве всплывали на черном рынке и служили достаточно стабильной валютой. Немецкие марки и итальян-

ские лиретты были привязаны к греческим драхам, выпускавшимся коллаборационистским правительством, и на них мало что можно было купить. Суммы, указанные на греческих банкнотах, исчислялись миллиардами драхм. Поэтому люди, которые во время оккупации работали в государственных учреждениях, вынуждены были распродавать свое имущество и ужасно голодали.

В нашем доме на Хризантемон, 17 мы прожили до начала 1943 года, когда нас вдруг выселили. Немецкое командование ожидало десантной операции англичан в Греции и начало укреплять фортификации на горе Турковунья. По нашей улице в районе нового рынка и дальше в направлении на юг, к центру города, должна была пройти система траншей, составлявшая часть этих фортификаций. Немцы забрали у владельцев все дома на нашей улице и еще несколько домов поблизости и развернули там казармы для солдат и офицеров.

Нам ничего не оставалось, как пойти жить к родственникам.

Поселились мы в доме покойного Спироса Николопулоса на улице Стратигу Калари в доме номер 21. Там жили вдова брата Спироса Иоанниса тетя Маранфи, с матерью и сыном Костасом, и однокашница Маранфи Элени Параскева, о которой я уже упоминал как о директоре моей школы. Вместе с моей мамой Розой они составляли колоритную группу выпускниц института «Арсакион».

В доме была своеобразная, почти музейная, атмосфера – в прихожей стоял бюст Спироса, бережно сохранялись его библиотека и архив. У тети Маранфи наша семья прожила около года. В начале 1944 года мы переехали на улицу Парнисос, где муниципалитет предоставил нам в аренду пустовавший дом. Там мы прожили до освобождения Афин. Странно, но каждый раз, переезжая в новый дом, мы как бы начинали жить в новом мире, с новыми родными, друзьями и т. д.

Я хорошо помню, как 12 октября 1944 года зазвонил колокол нашей церкви Св. Димитрия. Одновременно зазвонили все городские колокола: немцы покинули Афины. Продвижение Красной армии по Дунаю угрожало им окружением, поскольку закрывало выход с Балканского полуострова. Так что немцы уходили из города весьма поспешно. Солдаты и офицеры вермахта собрали вещи, сели в свои грузовики и уехали. В нашем доме от них осталась только чужая мебель, конфискованная для нужд немецкой казармы, и рисованный портрет Гитлера с назидательной записью о величии фюрера, выполненной от руки в готическом стиле на обороте.

В итоге немцы ушли, как и пришли, через Северную Грецию и Югославию, оставляя за собой разрушенные автомобильные и железные дороги. Возможно, что и Афины могли бы сильно пострадать при немецкой эвакуации, но, как потом стало известно, отступление немцев из города осложнили бои с силами подвижных отрядов 1-го корпуса ЕЛАС, стремившегося воспрепятствовать разрушению немцами важнейших городских объектов, дорог и электростанций. Благодаря этому особых разрушений в Афинах не было, электричество работало, на улицах шла более или менее нормальная жизнь.

Одновременно британские и греческие войска с итальянского фронта в символическом количестве десантировались в пелопонесском порту Патрас во главе с министром обороны правительства Греции в изгнании Панайотисом Каннелопулосом. Их встречали эласовские почетные караулы. Партизаны, кстати, были довольно плохо одеты – униформ у них не было, так же как и приличной обуви. Некоторые носили на головах немецкие каски, на которых было написано «ЕЛАС».

Созданное немцами марионеточное коллаборационистское правительство развалилось, а его члены разбежались по домам. Улицы Афин пестрели флагами и были переполнены людьми. То тут, то там образовывались стихийные группы, где пели и танцевали, а также качали военных – британцев и греков, вернувшихся из Италии и Египта. Как я понимаю, так же чествовали членов ЕЛАС в рабочих районах города.

В общем, в те дни в сердцах моих соотечественников царили восторг и надежда на счастливое будущее – дорога для прихода к руководству страной легитимных греческих властей была открыта. Однако политическая ситуация была очень непростой. Помимо короля Георга и правительства в изгнании в Каире, находившегося там с 1941 года, финансировавшегося британцами и признававшегося легитимным союзниками, в Греции с марта 1944 года действовало так называемое «правительство в горах», созданное левыми партиями и провозгласившее курс на «народную демократию». Это правительство, также известное как Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА)⁴², возглавлял социалист и близкий друг моего отца Александр Сволос, однако его фактическим лидером был коммунист Георгиос Сиантос.

По сути, Комитет представлял собой временное правительство, созданное в противовес прогерманским афинским коллаборационистам и роялистскому «эмигрантскому» правительству в Каире, не признававшемуся левыми силами. Это правительство опиралось, с одной стороны, на уже упоминавшийся ранее Национально-освободительный фронт (ЕАМ), который к 1944 году превратился в массовую политическую организацию, объединявшую представителей четырех греческих левых партий и симпатизировавших им патриотических сил, и с другой – на Греческую народно-освободительную армию (ЕΛΑΣ), созданную в декабре 1941 года как военное формирование ЕАМ и возглавлявшуюся кадровым полковником Стефаносом Сарафисом и коммунистом Арисом Велухиотисом⁴³. С 1943 года объединение имело собственную дипломатическую миссию, через которую шли связи с коммунистами за рубежом, а также с западными союзниками.

ЕАМ-ЕΛΑΣ были безусловными лидерами в движении греческого сопротивления и претендовали на центральную роль в политическом устройстве послевоенной Греции. На пике своего влияния ЕАМ насчитывал около полутора миллиона членов, в том числе по 70 000 человек в ЕΛΑΣ и ее действующем резерве и 400000 человек в ЕΠΟΝ, Объединенной Всегреческой организации молодежи⁴⁴. Преобладающее влияние левых сил в стране подтверждают и послевоенные исторические исследования, свидетельствующие о том, что к моменту освобождения Греции от немецкой оккупации выражающее интересы ЕАМ «правительство в горах» фактически осуществляло власть почти на всей территории Греции⁴⁵. Местные комитеты ЕАМ также действовали по всей стране, занимаясь как военно-политическими, так и экономическими и социальными вопросами.

Несмотря на то что ПЕЕА пользовался поддержкой значительной части населения страны, англичане его не признавали и намерены были всячески препятствовать захвату власти в Греции коммунистами. Тем не менее это была сила, с которой надо было считаться.

Интересно, что ЕАМ и ПЕЕА получили поддержку у большинства военных моряков, служивших в соединениях греческих ВМС, базировавшихся в Каире, Александрии и Порт-Саиде. В апреле 1944 года там вспыхнули волнения, связанные с деятельностью антифашистской военной организации, пытавшейся оказать давление на правительство в изгнании во главе с Эммануилом Цудеросом с тем, чтобы заставить его признать ПЕЕА как основного партнера и действительного представителя Греции и сформировать правительство национального единства.

Восстание было практически всеобщим, к нему присоединился даже командующий флотом адмирал Константинос Александрис. Однако британцы потребовали от греческого командования немедленно подавить беспорядки, пригрозив в противном случае потопить греческий флот в Александрии. Этим вопросом занимался лично Черчилль. В итоге операцию по блоки-

---

⁴² ПЕЕА – Πολιτική Επιτροπή Εθνικής Απελευθέρωσης.

⁴³ Арис Велухиотис – псевдоним Атанасиоса Клараса.

⁴⁴ ЕΠΟΝ – Ένωση Πανελλαδική Οργάνωση Νέων.

⁴⁵ Report on the Greeks. Findings of a Twentieth Century Fund Team Which Surveyed Conditions in Greece in 1947. By F. Smothers, W. McNeill, and E. McNeill. New York, The Twentieth Century Fund, 1948. P. 26.

рованию мятежников проводили силами британцев заменивший Цудероса в ходе этого кризиса новый премьер-министр Софоклис Венизелос и новый командующий флотом Петрос Вулгарис. К концу операции из 30000 греческих военнослужащих на Ближнем Востоке 20000–22000 солдат и офицеров оказались в британских концентрационных лагерях в Египте, Эритрее, Судане и Ливии.

Другими претендентами на политическое влияние были патриотические группировки правого, антикоммунистического толка, в том числе Национально-республиканская греческая лига (ΕΔΕΣ) Наполеона Зерваса⁴⁶ и в меньшей степени Национальная социальная оборона (ΕΚΚΑ) Димитриса Псарроса⁴⁷, с того же 1943 года находившиеся в состоянии ожесточенной борьбы с ΕΛΑΣ.

В их рядах находилось немалое число военнослужащих старой греческой армии. Вообще, еще в 1941 году в этой армии произошло размежевание – одна часть ушла к коммунистам и примкнула к ΕΛΑΣ, тогда как другая пополнила собой вышеупомянутые группировки, существовавшие при поддержке англичан. Немцы старались не воевать с антикоммунистами и де-факто к 1943 году сделали из них коллаборационистов, вошедших в «батальоны безопасности».

Уже с начала 1944 года – когда после поражения в Сталинграде и Северной Африке немцы начали отступать под натиском Красной армии в Центральной и Южной Европе и перспектива освобождения Греции стала реальной – начались многосторонние переговоры между основными греческими партиями и политическими группировками. В мае того же года состав нового правительства, которому предстояло действовать от имени короля, был согласован. В результате достигнутого компромисса «правительство в горах» было интегрировано с «правительством в изгнании» в демократическом правительстве национального единства. Новое правительство включало представителей всех политических сил Греции, кроме коллаборационистов. ΕΑΜ, рассчитывавший обеспечить себе долю министерских постов, соответствовавшую политическому весу организации, в итоге получил только четверть этих постов.

Согласование происходило в Ливане под руководством только что заступившего на свой пост очередного премьер-министра в изгнании Георгиоса Папандреу. А 26 сентября в итальянской Казерте ΕΑΜ-ΕΛΑΣ пошли на дальнейшие уступки, подписав с Папандреу, британским командованием и лидером ΕΔΕΣ Зервасом соглашение, передавшее все вооруженные формирования в стране в подчинение верховного главнокомандования Греции, фактически возглавлявшегося британским генералом Скоби. Соглашение, в частности, запрещало любые военные действия в Афинах, кроме санкционированных британским командованием, и безоговорочно объявляло «батальоны безопасности» вражескими формированиями⁴⁸. 14 октября в Афины вступили британские парашютисты, а также подразделения греческого Священного полка и Греческой 3-й горной бригады. Вместе с войсками, вернувшимися на Родину с итальянского фронта, пришел мой кузен Дори Протекдикос. Когда в Греции появились немцы, он, как и многие другие, добрался морским путем до Среднего Востока, где вступил в Священный полк и успешно воевал с немцами в Северной Африке. За проявленную в этих сражениях храбрость Дори в возрасте восемнадцати лет был произведен в лейтенанты прямо на поле боя, в Эль-Аламейне. Разумеется, нас, детей, интересовал в первую очередь он, а не старик Папандреу.

Часть Священного полка расположилась в Психико, в здании моего будущего лицея на территории «Афинского колледжа». Дори немедленно появился в нашем доме вместе с товарищем, нагрузив мою бедную мать большим тюком с обмундированием, приготовленным на

---

⁴⁶ ΕΔΕΣ – Εθνικός Δημοκρατικός Ελληνικός Συνδεσμός.

⁴⁷ ΕΚΚΑ – Εθνική Και Κοινωνική Απελευθέρωση.

⁴⁸ The Caserta Agreement, placing the resistance forces in Greece under British authority, 26 September 1944. In: Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. P. 174–175.

стирку. Мне тогда было девять лет, но я потребовал, чтобы меня одели в одну из принесенных кузеном униформ, и в таком виде вышел на улицу в качестве «освободителя». Наши соседи и друзья были свидетелями этой комичной сцены.

Вслед за греческими формированиями и передовыми британскими подразделениями 18 октября 1944 года в Афины прибыли правительство Георгиоса Папандреу и представители союзного военного командования во главе с генералом Скоби. Мы, разумеется, радовались назначению Папандреу, поскольку, как я уже упоминал, до войны он работал политическим советником газеты «Неос Космос» и был близок к моему отцу. Однако самому Папандреу пришлось нелегко, так как за эйфорией первых дней освобождения последовали три месяца своеобразного междуцарствия, когда развернулась закулисная борьба за власть между греческими политиками. В эту борьбу включилась и новая номенклатура ККЕ.

Хотя коммунисты и участвовали в правительстве Папандреу, в руководстве ККЕ шел спор о том, что делать дальше: продолжать сотрудничество с Папандреу или немедленно захватить власть и установить полный контроль над страной. Коммунисты не верили, что британцы будут долго терпеть их в правительстве. На тот момент у них было явное преимущество в военной силе: ЕЛАС контролировала большую часть материковой и островной территории Греции. Помимо всего прочего, ЕЛАС представляла собой армию вполне регулярного типа, так как в нее входили профессиональные кадры довоенной национальной греческой армии. По разным причинам эти военнослужащие не покинули страну с приходом немцев и воевали против последних в составе партизанских частей, причем в значительной степени оружием, использовавшимся национальной армией в войне с итальянцами в Албании.

Замечу, что не последнюю роль в превращении к 1944 году коммунистов в ведущую военную и политическую силу страны сыграли и действия британского правительства. Как я уже писал, первые партизанские группы возникли в греческих горах еще зимой 1941 года, и самые эффективные из них были под коммунистическим руководством. В последующие два года англичане, опасавшиеся, что Греция и Югославия станут союзниками Гитлера, и понимавшие, что коммунисты – единственная сила, которая ни при каких условиях не сможет договориться с немцами, наводнили обе эти страны агентами «Интеллидженс сервис» и практически каждую ночь сбрасывали в местах расположения ЕЛАС оружие, боеприпасы и контейнеры с золотыми фунтами стерлингов.

Позже, по мере усиления ЕЛАС, британские стратеги перешли от поддержки Греческой народно-освободительной армии к активному противодействию ей как в военном, так и в политическом отношении через усиление поддержки ЕДЕΣ и ЕККА.

Одновременно с англичанами в Греции в это время действовала и группа офицеров-грекоамериканцев из Управления стратегических служб США, симпатизировавших партизанам и наблюдавших за действиями британских союзников. Будучи убежденными сторонниками демократического правления и с подозрением относясь к колониалистским манипуляциям Великобритании, Рузвельт и его правительство скептически относились к «монархическому плану» Черчилля для послевоенной Греции и стремились ему воспрепятствовать.

Папандреу понимал крайнюю сложность всей этой ситуации и попытался начать кампанию по созданию новой национальной гвардии, которая могла бы объединить все существующие военные формирования партизанского типа, а также средневосточные войска. Предполагалось, что частью этой кампании, проходившей в середине октября – конце ноября 1944 г., станут демобилизация и разоружение ЕЛАС и ЕДЕΣ.

Однако британское военное командование в первую очередь заботилось о разоружении ЕЛАС. Еще до декабрьских событий, обостривших противостояние политических сил в Греции, британцы настаивали на выполнении Казертского соглашения и стремились держать отряды ЕЛАС на периферии, не допуская их в Афины. Например, я помню, как у нас в Психико, неподалеку от «Афинского колледжа», появилась группа партизан с лошадьми и повоз-

ками и осталась в здании колледжа на ночлег. Не знаю, зачем эти люди приехали в наш район, – возможно, просто крестьянские парни захотели посмотреть на столичную жизнь. Однако их «экскурсия» закончилась плачевно: в середине ночи отдых партизан был прерван появлением отряда британских военных, ослепивших мирно спавших мужчин светом автомобильных фар и предъявивших им приказ генерала Скоби о сдаче оружия. В результате эласовцы, униженные, но не готовые идти против союзного командования, были разоружены и отправлены на все четыре стороны.

Подобные эпизоды не могли остаться без последствий. Трения между сторонами усиливались. Коммунистическое руководство не желало соглашаться на ослабление своего влияния, особенно учитывая, что британцы и правительство Папандреу делали ставку на вооруженные формирования правых. Поэтому министры – выходцы из партизан подали в отставку, покинув правительство. Начался политический кризис, так как все вооруженные силы, возглавляемые компартией, отказались разоружиться и войти в состав новой национальной гвардии.

За этим последовала серия демонстраций в поддержку ЕАМ на улицах Афин, и в самом начале декабря 1944 г. вспыхнул вооруженный конфликт между партизанскими силами ЕЛАС, с одной стороны, и силами правительства Папандреу и британскими частями – с другой. В результате военных столкновений 3 декабря новое правительство Греции и небольшой британский военный контингент оказались изолированными в здании греческого парламента на площади Конституции в центральной части города. Практически во всех районах города, в том числе у нас в Психико, появились партизанские отряды, приступившие к установлению «народной власти».

В этот момент многим казалось, что коммунисты берут верх и дорога к власти для них открыта. В это уверовали и сами коммунисты. Однако, к несчастью для них, греческим коммунистам был неизвестен тот факт, что на переговорах Черчилля со Сталиным в Москве в начале октября 1944 года, когда обсуждалась послевоенная судьба Балканских стран, появилась знаменитая «процентная формула», по которой Черчилль признал за Сталиным решающее влияние в освобожденных Красной армией Болгарии и Румынии, но не в Греции. (По Югославии была принята т. н. компромиссная процентная формула 50 на 50, а по Греции и Румынии – формула 90 на 10 и 10 на 90, что применительно к греческой ситуации практически означало, что независимо от степени народной поддержки коммунисты не могли составлять более десяти процентов от общего числа членов любого нового послевоенного греческого правительства⁴⁹).

Будучи в неведении относительно этих договоренностей, греческие коммунисты пошли на авантюрный шаг и сообщили Сталину, что уже контролируют страну. При этом они попросили помочь им оружием и боеприпасами. Коммунисты были уверены, что Сталин их поддержит, не понимая, с кем имеют дело. А Сталин, опасавшийся заключения сепаратного мира между союзниками и Германией, не хотел раздражать Черчилля и Рузвельта, и их, естественно, не поддержал. Известно, что ответ из Советского Союза пришел руководству компартии через лидера болгарских коммунистов Георгия Димитрова, жившего в то время в Москве. В письме Димитрова содержались ссылки на опасность международных осложнений и нехватку оружия. Глава советской военной миссии в Греции полковник и разведчик Григорий Попов также рекомендовал греческим коммунистам проявлять сдержанность и воздерживаться от резких шагов.

Тем временем оценил обстановку и Черчилль, ожидавший, что коммунисты попытаются взять власть силой оружия. 25 декабря 1944 г. он сам прилетел в Грецию и сел за стол переговоров со всеми партиями, включая коммунистическую, которая к тому времени уже месяц вела военные действия. Черчилль активно искал политический выход из положения и одновременно направил в Грецию четыре британские дивизии, доведя численность британских войск в стране с 8 до 50 тысяч человек. С этого момента фактически борьбу с коммунистами на улицах

---

⁴⁹ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. М., Воениздат, 1991. В 3 тт. Т. 3, с. 448–449.

Афин вели британские танки. Интересно, что британские силы, направленные в этот период в Грецию, были вдвое мощнее экспедиционного корпуса, воевавшего против вермахта в 1941 году. Операция проводилась под названием «Манна» и официально была предназначена для раздачи гуманитарной помощи греческому населению. По иронии судьбы, частью операции «Манна» были бомбардировки британской авиацией рабочих кварталов в Пирее.

В результате прямого военного вмешательства англичан битва за Афины разрешилась поражением левых сил. Последние были вынуждены покинуть город и уйти вглубь страны, где партизанская армия еще владела ситуацией. Оставив Афины, коммунисты захватили с собой в качестве заложников большое число афинян. Шесть тысяч человек они убили еще в городе. При этом пострадали в первую очередь не столько простые горожане, сколько представители афинской буржуазии и творческой интеллигенции, что говорит о классовом характере всего этого конфликта.

Неудивительно, что после подобных эксцессов непродолжительного коммунистического правления настроения греческого населения изрядно переменялись и коммунистические порядки потеряли былую популярность.

Не получив поддержку с Севера, коммунисты осознали, что проиграли этот раунд гражданской войны, и пошли на уступки, заключив политическое соглашение с правительством Папандреу и британским командованием. Однако разоружаться в одностороннем порядке они все равно не были готовы и игнорировали соответствующий приказ генерала Скоби.

В это время англичане закончили формирование Национальной гвардии, в состав которой, по согласованию с правительством и в нарушение Казертского соглашения, было включено большое количество элементов из «батальонов безопасности». Национальная гвардия получила поддержку от Черчилля в виде британских войск, авиации, артиллерии и других вооружений, а также греческих войск, переброшенных из Италии.

Надо сказать, что «батальоны безопасности» вели себя не менее жестоко, чем коммунисты в Афинах. В этом смысле жутким примером служит трагический конец упоминавшегося комиссара ЕЛАС Ариса Велухиотиса. Летом 1945 года в результате окружения и разгрома его отряда правительственными войсками лидер ЕЛАС покончил самоубийством, подорвав себя гранатой. Участвовавшие в акции головорезы-роялисты из нерегулярных правых формирований отрезали головы Арису и его адъютанту Дзавеласу и выставили их на обозрение в городе Трикала.

В общем, коммунистам пришлось признать свое поражение. Новое соглашение, подписанное ЕАМ в феврале 1945 года в местечке Варкиза под Афинами, обязало левых разоружиться⁵⁰, и ЕЛАС была распущена.

В последующие пять лет с созданной преимущественно американцами новой Национальной армией Греции воевала преемница ЕЛАС Демократическая армия Греции, вооруженное крыло ККЕ. Но это было уже не то, потому что по большому счету левые потеряли свои вооруженные силы. А из Советского Союза по этому поводу не донеслось ни звука.

Когда я начал осмысливать историю греческой гражданской войны, я долго не мог понять, почему, по сути дела контролируя страну, коммунисты пошли на заключение соглашения в Казерте и тем самым подписали себе смертный приговор. Лишь много позже я услышал от человека, близко знавшего генсека ККЕ Захариадиса и бывшего для меня достоверным источником, что по этому вопросу руководство компартии ходило консультироваться в посольства СССР в Каире и Бейруте. Некоторое время от Сталина не было ответа, а потом один из послов сказал, чтобы подписывали. А о «процентном соглашении» греческие коммунисты, как и весь мир, узнали только в 1953 году из мемуаров Черчилля.

---

⁵⁰ Milovan Djilas. *Conversations With Stalin*. Harcourt, Brace and World, Inc., New York, 1962. P. 181

Тем временем Афины пытались вернуться к мирной жизни. Во время декабрьских событий город понес огромные потери и находился в ужасном состоянии. Было взорвано множество зданий, ведь Афины были настоящим полем боя в течение тридцати трех дней.

В этой обстановке вернулся из Дахау Никос Захариадис, просидевший в немецком концлагере всю войну. В начале 1945 года он появился в городе одетым в британскую военную форму и немедленно взял на себя руководство компартией. Сразу же обнаружилось, что он против договоренностей, заключенных в Варкизе. Всю вину за военные неудачи Захариадис возложил на своих коллег по ЦК. При этом он резко развернул партию в направлении реванша, решив предпринять новую попытку взять власть.

По инициативе секретаря и под его железным руководством в начале 1946 г. начался новый этап гражданской войны, на этот раз в Северной Греции. Теперь целью коммунистов был захват достаточной территории для провозглашения отдельного государственного образования – Греческой демократической республики, которая должна была самостоятельно продержаться до момента своего признания со стороны стран народной демократии во главе с СССР.

Пользуясь послевоенной неразберихой в стране, Демократическая армия, созданная Захариадисом, смогла осуществить первый этап этого плана и создать на территориях у границы с Албанией и Югославией некое объединение, в котором было сформировано собственное прокоммунистическое правительство. Однако Сталин продолжал придерживаться принятой ранее позиции и не признал новую «страну». Соответственно, никакой помощи от СССР греческие коммунисты не получили. Сталин не верил в успех армии Захариадиса и предупредил Югославию, что «восстание в Греции должно быть свернуто»⁵¹.

Почему Сталин обращался именно к югославам? Потому что последние, в лице Тито, надеялись использовать действия греческих коммунистов для создания так называемой независимой «Эгейской Македонии», ее последующего присоединения к Югославской Македонии и объединения обеих Македоний в единую Федерацию под руководством югославского лидера. Столицей этой единой новой Македонии, по плану Тито, должен был стать греческий город Салоники.

В свете подобных замыслов, ссора Тито со Сталиным была неизбежна, и тут коммунисты допустили неожиданный политический просчет. Притом что вся военная помощь коммунистам шла исключительно из Югославии⁵², Захариадис в конфликте Тито со Сталиным открыто поддержал последнего.

В ответ Тито принял решение закрыть границу Югославии с Грецией и отложить осуществление всех планов о создании Эгейской Македонии. Захариадис оказался в капкане. С одной стороны, коммунистам элементарно не хватало сил для продолжения войны. С другой стороны, в это же время национальная армия стала более боеспособной, получив дополнительную военную помощь от американцев.

В результате в 1948–1949 гг. операциями крупного масштаба национальная армия сокрушила армию левых сил. Выжившие в этих боях коммунисты были разоружены и разосланы своим руководством по всем соцстранам, начиная с Советского Союза, где примерно двенадцать тысяч человек получили «великодушное» разрешение Сталина поселиться в городе Таш-

---

⁵¹ The Varkiza Agreement between the Greek Government and EAM, concluding the “Second Round” of the Civil War, 12 February 1945. In: Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History. Edited and Translated by Richard Clogg. Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, and New York, 2002. P. 188–190.

⁵² Интересно, что в Югославии еще с 1945 г. существовала территория, представлявшая собой своего рода военную базу, госпитальный центр, поселение и инфраструктурный ресурс коммунистов. Она называлась Булкес и снабжалась Югославской народной армией. В первые послевоенные годы там постоянно происходили внутренние разборки коммунистов, действовали военные суды и производились расстрелы. После ссоры Тито со Сталиным и закрытия греческой границы югославами греки-коммунисты Захариадиса, остававшиеся в Булкесе, были разоружены и впоследствии рассеялись по странам «народной демократии».

кенте⁵³. На этом закончилась греческая гражданская война. Вскоре Греция вошла в НАТО вместе с Турцией, обеспечив себе полную поддержку со стороны США, а греческая компартия и левое движение в целом стали маргиналами в греческой политической жизни на несколько десятилетий...

Но посмотрим, как все эти исторические события соотносились с реальной жизнью моей семьи и ее окружения в Психико, где в середине октября 1944 г. я участвовал в торжествах по поводу освобождения Греции от немцев. Как мы помним, немцы за время своего пребывания укрепили район системой фортификаций: дзотами, окопами и т. д. Все это они оставили нам «в наследство». Вскоре появились представители партизанской армии, которая закрепилась на этих местах, и в течение ноября в Психико установилась партизанская власть, пользовавшаяся военной и гражданской инфраструктурой, оставленной немцами. Это были люди, участвовавшие в организации антифашистского сопротивления под руководством ККЕ. Через них ККЕ учредила у нас «народную демократию».

В новых органах власти главной фигурой была некая Афанасия – владелица киоска на автобусной остановке Фарос. Как и большинство других кадров новой власти, она являлась беженкой из Малой Азии. Обычно эти люди проявляли организационные и деловые качества, необходимые для формирования коммунистического аппарата. Вообще, надо иметь в виду, что беженцы из Малой Азии составляли подавляющее большинство греческих коммунистов. Они, как правило, были бедными, не имели хороших жизненных перспектив и легко попадали в орбиту коммунистической пропаганды.

Итак, Афанасия бросила свой киоск и переехала к нам на улицу Хризантемон, в виллу, хозяева которой вовремя ретировались в более безопасное место. Мы, дети, подружились с ее маленьким сыном и вместе играли. Нашей любимой игрушкой был огромный револьвер, раздобытый мальчиком из боеприпасов матери.

На нашей улице появилась также семья одного комиссара, прошедшего войну в горных партизанских соединениях. Семья состояла из самого комиссара, которого звали Христос Стурайтис, его супруги Ламбринии и трех маленьких ребятишек – Тасоса, Такиса и Йоргоса. Эти дети были членами существовавшей в горах организации юных коммунистов. Их головы были забиты лозунгами и призывами, совершенно нам тогда неизвестными. Они тоже пели партизанские песни, которые я процитирую дословно (в русском переводе, разумеется):

*Это мы, Эллада, твои дети,
Которые поднялись в горы,
Чтобы воевать
За тебя и твою свободу...*

*Мы написали
На наших знаменах:
«Народная демократия*

---

⁵³ В Узбекистане греков-коммунистов, прибывших в СССР через Албанию осенью 1949 года, разместили в 23 пунктах компактного размещения в Ташкенте и других местах республики, в том числе в нескольких загородных городках, в домах-бараках, первоначально предназначенных для курдов из военных отрядов Мустафы Барзани из Ирана. Эти дома на тот момент стояли пустыми, потому что курды, которых Сталин принял в СССР после вывода советских войск с территории Ирана в мае 1946 года, первые несколько лет в Советском Союзе провели в Армении и Азербайджане. Есть также и версия, что дома для греков-политэмигрантов были подготовлены на базе бывших лагерей для заключенных и японских военнопленных. В общем, условия жизни в этих домах были крайне плачевными, однако при советской системе греки не имели возможности куда-то переехать. Только в 70–80-х годах немногие из них сумели перебраться в Москву, а затем – после исторического визита Караманлиса в СССР – начался постепенный процесс репатриации греков в Грецию. Я лично приезжал в Ташкент в 1982–1983 годах и видел, как греки загружали фуры, чтобы вернуться в Грецию, после соответствующего разрешения Караманлиса. Вообще, надо иметь в виду, что до репатриации греческое присутствие в Ташкенте было весьма заметным. Даже сейчас в этих местах живет некоторое количество греков, чьи семьи породнились с местными жителями и пустили там корни.

Без короля»...

*Мы не хотим,
Чтобы он вернулся в Грецию,
Он должен об этом сам подумать —
И он, и вся его свита.*

*Мы не будем работать,
Чтобы они ели!
Мы не боимся немецких пуль
Или фашистских кинжалов.*

*В наших сердцах мы несем
Народную демократию без короля...*

От этих ребят мы получили первые сведения о гражданской войне, почувствовали ее вкус. В течение ноября признаки приближения новой битвы стали более заметными. На всех стенах появились революционные лозунги, написанные красной краской, а в расположенных ниже уровня Психико районах Афин начались беспорядки и вооруженные столкновения. Довольно скоро шум сражения начал распространяться, достигнув и наших высот. Мы стали получать и реальные «боевые подарки», вроде шальных пуль и осколков снарядов. Когда в военные действия вмешалась британская авиация, выстрелы стали более целенаправленными – стреляли по всему, что двигалось. У детей нет чувства страха, поэтому мы собирали эти «сувениры» еще горячими и создавали довольно впечатляющие коллекции. Считалось, что, у кого осколки горячее, тот и выиграл соревнование.

Вскоре британские войска предприняли наступление против партизан, расположившихся в окопах и укрепленных пунктах вокруг нашего дома. До начала операции священник нашего прихода Св. Димитрия, отец Иаковос, обошел весь район, предупреждая, что ожидается артиллерийский обстрел. Мы ему не поверили, однако мама сказала, что мы укроемся в подвале. Отец в это время прятался у родственников, потому что партизаны разыскивали его и некоторых других жителей Психико, чтобы арестовать их как классовых врагов. По всему нашему району рыскали патрули ОПЛА (т. н. Организации защиты народной борьбы)⁵⁴, военной структуры типа советской ЧК.

Я хорошо помню, как такой патруль явился к нам. Он состоял из четырех человек, которые потребовали предоставить им отца, а узнав, что его нет на месте, начали обсуждать, что «надо брать женщину». На наше счастье, в какой-то момент они взглянули на меня и мою сестру и махнули рукой. Тогда самый молодой из патрульных положил руку на дверцу комода, где, как я знал, лежали все наши ценные вещи, и попытался открыть ее. И тут я в первый раз в своей жизни выступил в защиту интересов семьи: «Оставь, это закрыто на ключ». Юноша покраснел, и патруль засобирался восвояси. По прошествии лет я понимаю, что, если бы наши ценности были тогда реквизированы «чекистами», нам пришлось бы очень туго в последующие несколько лет.

Пикантная подробность во всей этой истории заключалась в том, что прятал отца от боевиков ОПЛА его родной брат Гераклис, который, как я уже писал, был юристом и членом упоминавшегося выше народного фронта ЕАМ. Впоследствии Гераклис стал одним из ведущих защитников в процессах против коммунистов и левых, проходивших в военных трибуналах на протяжении многих лет после окончания гражданской войны.

---

⁵⁴ ОПЛА – Οργανωση Προστασίας Λαϊκών Αγώνιστων.

Как бы то ни было, визит ОПЛА мы пережили без потерь, но, учитывая приближавшийся артобстрел, о котором предупреждал отец Иаковос, поспешили переместиться в подвал. Незадолго до этого все наши соседи покинули свои дома, и улица Хрисантемон стояла совершенно пустой. Только мама сказала: «Будь что будет – мы никуда отсюда не пойдём». Обстрел оказался очень сильным и разрушил, помимо окопов, все здания, в которых партизаны могли найти укрытие, в том числе заброшенное административное здание каменоломни – излюбленное место наших детских игр на близлежащем склоне горы Турковунья.

Британская полевая артиллерия стреляла несколько дней. У нас не было воды, и во время передышек мы с сестрой ходили к колодцу, чтобы сделать запасы. Мы уже знали, что если послышатся звуки падающих снарядов, то надо лечь в канаву. Однажды на обратном пути от колодца мы с сестрой услышали характерный звук, не дойдя нескольких шагов до нашего дома. Я замер, стоя у куста олеандра. Элви легла на землю. Осколок снаряда вонзился в землю прямо у моих ног. Мы, конечно, испугались, но воду все-таки принесли и впредь были осторожнее.

В начале января я, как обычно, сидел на возвышении, наблюдая за происходящим внизу, и внезапно увидел, как со стороны британских артиллерийских позиций появились солдаты новой национальной гвардии, осторожно продвигавшиеся в сторону нашего рынка. Когда они приблизились, начальник группы поднял автомат и выпустил длинную очередь по рынку, ожидая ответного огня. Однако ответного огня не последовало – партизаны успели покинуть эти места в течение предыдущей ночи.

Убедившись, что сопротивления нет, гвардейцы заняли наш квартал и, поскольку наш дом стоял на виду, расположили в нем штаб-квартиру. Нам, хозяевам, дали одну комнату на всех, собрав там же всю нашу мебель.

В остальных комнатах соорудили казарму. Разумеется, мы, дети, с большим вниманием за всем этим наблюдали.

Вскоре к нам в дом привели нескольких партизан, захваченных в горах отрядами новой Национальной гвардии. Так мы впервые увидели драматические сцены жестокого обращения с пленными, бессмысленные допросы и побои. Проведя свои допросы, военная разведка арестовала весь гражданский состав «народного правительства» во главе с Афанасией и также привела к нам домой. Там были булочник из Одессы дядя Авраам, чьи сыновья воевали в ЕЛАС, хозяева продуктового и овощного магазинов, слесарь, да и вообще большинство местных мелких торговцев. Все эти бедные люди, которых мы хорошо знали, в течение ноября превратились в социальных антагонистов и были очень напуганы. Но, к счастью, их не расстреляли.

Неожиданно для нас с сестрой, мама обратилась к начальнику. Очень спокойно и убедительно она сказала, что все эти люди – мирные граждане и попали сюда по какому-то недоразумению. Офицер, недавно мобилизованный из запаса журналист, знавший моего отца, по-видимому, тоже не хотел впадать в крайности и всех отпустил... Слава Богу! Если бы не мамино вмешательство, англичане отправили бы всех арестованных военным кораблем в лагерь военнопленных в Северной Африке, и неизвестно, когда бы они оттуда вышли.

К слову сказать, некоторым из реально запятнавших себя членов «народного правительства» удалось под шумок скрыться от возмездия соседей-горожан. Так, например, бесследно исчез парикмахер Велизариос, возглавлявший при недолгой коммунистической власти местную ячейку ОПЛА. Парикмахера впоследствии заочно обвиняли в том, что он под покровом ночи проник в госпиталь, где лежали несколько пожилых психикиотов из числа его бывших клиентов, и перерезал им горло той же бритвой, которой он прежде сбрасывал им щетину.

Помню, как в ночь, когда отступали партизаны, двое молодых людей из их рядов, в экзотичных черных партизанских шапках и при оружии, подошли ко мне: «Ты знаешь, где мы можем спрятаться?» – «Может, возле церкви?» – предположил я. Кажется, они так и поступили и спрятались в церковном подвале. Дело кончилось тем, что, когда пришла Национальная

гвардия, один успел удрать, а второй погиб от пули. Под ближайшими соснами его и закопали местные жители.

Позже я как-то шел в школу – она была тогда в церкви – и увидел, что из-под земли торчит сапог. Я понял, что там похоронен человек, и остановился. Под сосной я нашел вещи, которые погибший хранил в своих карманах. Там было несколько патронов немецкого происхождения, черная с красным нашивкой со словами «Свобода или смерть!» (по-видимому, эти партизаны принадлежали к знаменитому отряду под командованием еще живого на тот момент комиссара Велухиотиса) и алюминиевое кольцо с инициалами по-латински.

Недавно, по прошествии шестидесяти лет, кто-то посадил маленькую сосну на месте могилы этого солдата и повязал ее красной лентой. Значит, эта могила и связанная с ней память сохранились. Я этому рад. А на стене церкви до сих пор различим след той фатальной пули.

Рассказ о гражданской войне в Психико был бы неполным, если бы я не упомянул о том, что самое главное сражение в нашем районе проходило около дома для престарелых, известного как «Гирокомион»⁵⁵. В этом сражении бился с партизанами и отобрал у них это историческое здание особый отряд иракских ассирийцев, служивших в британской армии. О подробностях этого сражения я узнал много лет спустя, встретив в интернете воспоминания ассирийских солдат, воевавших на этом месте. После изгнания их из Ирака Саддамом Хусейном эти бывшие воины теперь живут в Австралии⁵⁶.

Наконец, совсем уж напоследок я приберегу очень личное воспоминание о втором этапе гражданской войны в Греции (1946–1949 гг.), которое до сих пор отдается болью в моем сердце.

Как и многие другие афинские школьники старших классов, мобилизованные в эти годы для помощи раненым в военных госпиталях, в 1947 г. я был призван в качестве бойскаута для работы в военном госпитале «Арсакион». Работать мне и другим скаутам приходилось в основном летом, когда мы были свободны от школьных занятий. Однако главная причина нашей сугубо сезонной работы заключалась в том, что именно в летние месяцы проходили интенсивные операции новой Национальной армии против сил Демократической армии Захариадиса, занимавшей тогда позиции в горах Северной Греции.

К 1947 году уже была создана регулярная греческая армия, в которую вошли греческие войска, воевавшие в Северной Африке, Священный полк, Горная бригада имени Римини и остатки повстанцев-антикоммунистов, воевавших против ЕЛАС еще с 1943 года. Когда британцы передали ответственность за поддержание мира в Греции своим американским союзникам, действия греческой армии стали более активными, а столкновения с хорошо укрепленной армией Захариадиса – более тяжелыми и кровопролитными. (Самые знаменитые бои произошли в 1949 г. на горах Вици и Граммос в Северной Греции.) Все эти столкновения дали много тысяч жертв с обеих сторон как убитыми, так и ранеными.

---

⁵⁵ «Гирокомион» – известное афинское здание, построенное в 20-х годах прошлого века неподалеку от Старого Психико на средства крупного бизнесмена Эфстафиса Лампсаса. Лампсас родился в 1849 г. в России и приехал в Грецию для работы поваром при дворе Короля Георга I. Впоследствии он работал в том же качестве в Париже при персидском шахе, посещавшем Европу. Во французской столице предприимчивый грек сумел обзавестись связями и сделать приличное состояние. Вернувшись в Грецию, он стал совладельцем знаменитой гостиницы «Великобритания» в центре Афин и владельцем первой национальной сети гостиниц «Греческие отели Лампсаса». Незадолго до своей смерти Лампсас создал фонд «Забота о достойной старости», на средства которого и появился первый приют для одиноких пожилых людей «Гирокомион». В последующие годы число таких приютов увеличилось, но первый, исторический «Гирокомион» действует и по сей день.

⁵⁶ Эти ассирийцы были христианами и носили христианские имена. Британцы использовали их как воздушных десантников. Во время уличных боев в Афинах среди ассирийцев было много потерь. После войны те из них, кому повезло выжить, вернулись в Ирак, но впоследствии были изгнаны из страны Саддамом Хусейном, ненавидевшим их как христиан и наследников древних вавилонян. Большинство из них сейчас живут в Австралии. Следуя английской клубной традиции, ассирийцы, воевавшие в британских войсках, объединились в отдельный клуб и имеют свой электронный сайт, где делятся воспоминаниями о своем боевом прошлом в Европе – и в частности, в Греции.

Что касается коммунистов, то они отправляли своих раненых в военные госпитали, находившиеся на территории Югославии. Солдат Национальной армии привозили в Афины, где их распределяли по разным госпиталям. Часть из них, в основном самые тяжело раненные солдаты, попадали в госпиталь под номером 423, которым и был «Арсакион».

Главным образом это были пехотинцы, пострадавшие при взрывах мин в ходе штыковых атак против линий обороны Захариадиса. В госпитале им в массовом порядке ампутировали ноги. Когда эти люди приходили в себя после наркоза и обнаруживали, что лишились одной или двух ног, многие из них не хотели дальше жить и пытались срывать на себе повязки, чтобы вызвать кровотечение и поскорее умереть.

Поскольку операции шли днем и ночью и медперсонала не хватало, нам, двенадцати-четырнадцатилетним мальчишкам-скаутам, приходилось физически удерживать несчастных от этой формы самоубийства и убеждать их, что стоит жить. Пока нам было по двенадцать лет, мы держали раненых вдвоем-втроем. Когда в 1949 г. мне исполнилось четырнадцать, я уже мог справляться в одиночку. Кроме того, мы присутствовали и помогали при перевязках, а также выполняли различные просьбы раненых и просто разговаривали с ними.

Среди солдат было много неграмотных, поэтому нам часто приходилось писать за них письма их родным и близким. Конечно, большинство из этих солдат были крестьянами с гор, понимавшими, что в мирной жизни их перспективы весьма безрадостны. Лучшее, на что они могли рассчитывать, – это получить от государства лицензию и всю жизнь продавать газеты в уличном периптеро.

Прошло много лет, а у меня до сих пор стоит перед глазами здание «Арсакиона», – женской школы, где в свое время училась моя мама, – битком набитое больничными койками, и прилегающая к нему территория, полностью заставленная санитарными палатками. Я думаю, что тогда в «Арсакионе» находилось несколько тысяч людей. От одного из них у меня осталась на память фотография – молодой и цветущий человек с автоматом в компании двух товарищей по оружию. Я храню эту фотографию всю свою жизнь.

Глава третья

Из Греции в США. Учеба и взросление в Америке (1950–1955 гг.)

1. Выбор жизненного пути после смерти отца. Отъезд в США. Школа Кейта. Адаптация к американской жизни

Как я уже писал в первой главе, весной 1950 года, после смерти отца, я начал подумывать об отъезде в Америку, и уже в августе того же года мне представилась возможность осуществить свои планы. Помогла мне в этом неправительственная организация «Американская полевая служба»⁵⁷.

У этой организации очень интересная история, о которой стоит сказать несколько слов. «Америкэн филд сервис», или AFS, возникла в 1915 году – за два года до вступления США в Первую мировую войну – как добровольческая служба полевой санитарной помощи, действовавшая на всех фронтах в составе Антанты. Служба была негосударственной: инициатором ее появления был бывший директор американского монетного двора Э. Пайатт Эндрю, прибывший во Францию в качестве добровольца и сумевший на базе Американского санитарного госпиталя в Париже организовать перевозку раненых в военные госпитали непосредственно с поля боя.

Инициатива привлекла внимание в США и стала популярной, особенно в среде молодых американских аристократов и отпрысков богатых семей, действовавших под влиянием романтического духа эпохи. Одним из таких героев-шоферов машин первой помощи, прославившихся в рядах AFS, был полевой санитар Эрнест Хемингуэй, позднее описавший выпавшие на его долю военные испытания в автобиографическом романе «Прощай, оружие!».

Деятельность службы была возобновлена после начала Второй мировой войны в 1939 году под руководством генерального директора, американца греческого происхождения Стивена Галатти. (Предки Галатти, жившие на острове Хиос, попали в Бостон после резни хиотов в 1823 году, в период Греческой революции.) Добровольцы AFS находились в Европе с марта 1940 года, а в 1941 году AFS официально вступила в союз с британскими и свободными французскими вооруженными силами, и в дальнейшем ее добровольцы-шоферы служили вместе с французскими, британскими, польскими, австралийскими, новозеландскими, индийскими и южноафриканскими войсками на фронтах Ближнего Востока, Северной Африки, Италии, Германии, Индии, Бирмы и Франции. За все время Второй мировой войны 2196 шоферов-санитаров AFS вывезли с передовой около 700000 раненых.

После войны «Америкэн филд сервис» искала способы наведения «мостов мира» между измученными войной странами и народами, и Галатти пришла в голову идея приглашения школьников из Европы на учебу в университеты и средние школы США с помощью специальных международных молодежных стипендий. В 1946 году совместно с несколькими другими коллегами-добровольцами мировых войн он инициировал образовательную программу для европейских школьников, а уже через год на обучение в США приехала группа школьников из шести стран, в том числе из Великобритании, Франции, Голландии и Чехословакии. Одновременно организация выделила средства для того, чтобы помочь американской молодежи лучше узнать мир за пределами их страны.

---

⁵⁷ American Field Service (AFC)

Через два года после окончания гражданской войны в Греции в европейскую стипендиальную программу была включена и наша страна. В дальнейшем «Америкэн филд сервис» помогла многим молодым грекам, интересовавшимся образовательными возможностями в США, а пока что, в первый год работы организации в Греции, стипендий было совсем немного. Стивен Галатти обратился к президенту «Афинского колледжа», известному эллинисту Гомеру Дэвису, и тот отобрал в колледже всего трех мальчиков – Реноса Константинидиса, Костаса Меленгоглу и меня. Я попал в эту тройку потому, что был единственным в школе круглым отличником предыдущего учебного года. Одновременно, через руководство женского колледжа Пирса, Галатти нашел еще двух девочек – Риту Экономиди и Катю Пападопулу.

Все принятые в программу школьники говорили по-английски и были достаточно подготовлены, чтобы учиться в американских учебных заведениях.

С Реносом Константинидисом мы потом вместе учились в колледже Помона. Костас Меленгоглу вернулся в Грецию и стал государственным чиновником. Риту Экономиди взяли на работу в AFS, и она потом долго работала представителем этой организации в Греции. О дальнейшей судьбе Кати я не знаю. Из нас четверых все, кроме меня, отпрыска относительно благополучной семьи из привилегированного Психико, происходили из семей выходцев из Малой Азии. Позже я еще напишу о том, какое это имело значение для становления моего мировоззрения.

Вот так я попал в США. Именно Американская полевая служба выдала мне годовую стипендию (грант) для обучения в первоклассной калифорнийской школе для мальчиков, помогла с визой и оплатила дорогу из Греции и обратно.

Надо добавить, что вся наша семья, так или иначе, оказалась втянутой в орбиту деятельности AFS. Организация постепенно начинала создавать отделения в разных странах. К настоящему времени их, если не ошибаюсь, уже более пятидесяти, а сама AFS трансформировалась из военно-полевой службы в глобальную сеть, продвигающую международные образовательные и культурные молодежные обмены, добровольчество и межкультурное обучение. Выпускниками ее разнообразных программ являются более 450 000 человек во всем мире.

В 1951 году было создано и отделение AFS в Греции. Деятельное участие в развитии обменных программ и работе этого отделения сыграла моя мама. Она вошла в эту работу как волонтер и мать одного из стипендиатов и через непродолжительное время уже пользовалась в AFS серьезным авторитетом.

Как я помню из маминых рассказов, она всячески старалась способствовать поддержанию в программе американских профессиональных и этических стандартов и противостоять греческому легкомыслию и кумовству в отборе кандидатов. Во время моего пребывания в Америке мама неоднократно принимала в нашем доме молодых американцев. Через три года после меня на учебу в США по гранту AFS отправилась и моя сестра Элви – она прошла обучение в средней школе города Манитоук в штате Висконсин, на Среднем Западе⁵⁸.

Итак, в августе 1950 года я взшел на борт американского сухогруза компании «Америкэн экспорт лайнз», доставлявшей гражданские и военные грузы в Восточное Средиземноморье и осуществлявшей также пассажирские перевозки. Сухогруз «СС-Ла Гуардиа», названный в честь знаменитого мэра Нью-Йорка, шел обратным рейсом из Хайфы через Пирей, Неаполь, Лиссабон и канадский Галифакс. На корабле было полно молодежи, ехавшей учиться в США, и каждый вечер на палубе устраивались вечеринки, где знакомились друг с другом, общались и веселились десятки юношей и девушек, среди которых мне особенно запомнились молодые израильяне. Эти ребята, главным образом восточноевропейского происхождения, на тот момент уже успели отслужить в израильской армии и даже принять участие в первой арабо-израильской войне 1948 года.

---

⁵⁸ Государственная средняя школа в предместье Милуоки.

До сих пор помню самого авторитетного человека в этой компании – бравого молодого ветерана Пинхаса Мендельсона. Все без исключения мои новые друзья носили на корабле военную форму – видимо, другой одежды у них не было, так что мне порой казалось, что я нахожусь в плавучем военном кибуце. Это, однако, не мешало нам с большим удовольствием проводить вместе время, шутить, флиртовать, петь и танцевать хору на палубе. За всеми этими занятиями десятидневный путь до Нью-Йорка пролетел незаметно.

Вообще, еврейская тема интересовала меня и моих афинских сверстников еще и раньше, до моего отъезда в Америку. В нашей школе учились немало ребят из еврейских семей, спасенных греками или бежавших от преследования в горы либо за границу, поэтому мы эмоционально воспринимали события, связанные с борьбой евреев против англичан в Палестине и образованием в 1948 г. государства Израиль.

Как юны мы ни были, мы ощущали жестокость и цинизм британской политики ограничения и даже запрещения еврейской иммиграции, проводившейся с конца 30-х гг. Эта политика блокировала спасение жертв Холокоста до и во время войны, а после войны мешала восстановлению исторической справедливости и препятствовала выполнению Великобританией положений мандата Лиги Наций 1920 г. в части обязательств перед евреями. Мы следили за всем этим и одно время даже играли в «Хагану» – это была подпольная диверсионная организация, созданная для защиты еврейских поселений на палестинских землях.

В дальнейшем вооруженная борьба палестинских евреев приняла более сложную конфигурацию и переросла в войну между Израилем и рядом арабских государств Ближнего Востока. Во всех этих событиях нам виделась некая аналогия с событиями греческой гражданской войны 1947–1949 гг. С политической точки зрения, война в Палестине в эти годы была войной против британского империализма, а греческая гражданская война – войной против мирового коммунизма. Не уверен, знали ли мы тогда о роли Сталина, который хотя и выступил против англичан и поддержал создание государства Израиль, в дальнейшем принял сторону арабов. Таким образом, он бросил на произвол судьбы не только греческих коммунистов, но и евреев, тоже надеявшихся на помощь Советского Союза.

Так или иначе, нам тогда казалось естественным, что молодежь, прошедшая обе этих войны, стремилась получить и совершенствовать свое образование в США. Ведь американское образование предоставлялось всем этим людям бесплатно: они учились на выделявшиеся в массовом порядке гранты и не платили ни копейки.

Но вот наше путешествие подошло к концу. В Нью-Йорке меня ждали старший брат моего отца Константинос (ставший в Америке просто Константином) и его многочисленные дети, а также другие родственники, проживавшие в США уже более полувека. Я уже писал об эпидемии дакоса, из-за которой многие греческие крестьяне в свое время покинули Грецию. Мой дядя был не крестьянином, а хозяином среднего по размеру земельного владения, одновременно занимавшим административный пост в Каритене, однако ему тоже пришлось эмигрировать, потому что земля больше не приносила дохода.

В Америке дяде и членам его семьи пришлось довольно трудно. Они не были подготовлены к тому, чтобы работать своими руками или организовать собственный бизнес, и занялись торговым посредничеством, одновременно участвуя в политической жизни греческой эмигрантской общины.

Надо сказать, что такие люди, как мой дядя, входили в элиту новогреческого государства, оформившегося после освобождения греков от ига Османской империи в 30-х годах XIX века. Я уже писал о том, что родина моих предков Каритена находилась в самом центре событий, связанных с борьбой за освобождение. Местная элита играла в этих событиях значительную роль, и из нее, помимо Колокотрониса, вышло немало политических лидеров независимой Греции.

Уезжая в конце XIX века из страны, мои близкие и дальние родственники рассчитывали туда позднее вернуться, поэтому и в Америке они вели активную политическую деятельность, связанную не только с делами диаспоры в Новом Свете, но и с развитием ситуации в самой Греции. Я уже писал, что братья моего отца и вообще большинство нашей родни, эмигрировавшей в США и прожившей там не менее двадцати – двадцати пяти лет, вернулись оттуда после Первой мировой войны и особенно в период Великой депрессии.

Дядя Константин в Грецию не поехал и постепенно занял в Нью-Йорке respectable положение, ограниченное тем не менее рамками греческой общины. Его дочери впоследствии отошли от греческой среды и вышли замуж за своих способных еврейских однокашников, которые могли делать карьеру и деньги в Америке более свободно.

Вот эта-то родня и встретила меня в Нью-Йорке. И дядя, и все остальные члены его семьи были мне очень рады и всячески проявляли гостеприимство. Однако я приехал учиться, имел гарантированную хорошую стипендию и, несмотря на радушный прием, не собирался надолго задерживаться у родственников. Поэтому, пожив с ними несколько дней, я сел в автобус и отправился в штат Калифорния, в широкоизвестный город Санта-Барбара. Именно там находилась школа Кейта, в которой отныне я должен был учиться⁵⁹.

Прибыв в Санта-Барбару, я немедленно приступил к занятиям. Сразу стало ясно, что и в учебном процессе, и в повседневной жизни все здесь очень сильно отличается от того, к чему я привык дома. Что же касается географии и климата, то у меня было ощущение, что я не уезжал из Греции: то же солнце, то же тепло и то же море, точнее говоря – океан.

Мои первые впечатления на новом месте были связаны с организацией дела в школе. Например, меня крайне удивило, что нас, учащихся, заставляли убирать окрестную территорию. В Греции дети не работали, и хотя мы, молодые греки, прошли через войну, в сравнении с моими американскими соучениками я чувствовал себя настолько избалованным, что мне было стыдно. Помню чувство обиды на маму, которая, безгранично любя нас с сестрой, слишком многое делала за нас и не привила нам тех черт характера, которые помогли бы выжить в условиях жесткой конкуренции. Тем не менее вскоре я научился заправлять свою постель, понял, что и как надо делать, и принялся старательно подражать одноклассникам, которые, исходя из богатых семей, занимались спортом, водили машину, держались независимо и выглядели более взрослыми, чем я.

С точки зрения набора предметов, изучавшихся в рамках учебной программы, разница между школой Кейта и «Афинским колледжем» не была такой уж огромной – все-таки «Афинский колледж» был довольно американизированным учебным заведением. Со своей стороны, элитная частная мужская школа Кейта не была стандартной американской средней школой – она была больше похожа на школу при колледже или подготовительную к колледжу. Соответственно, в обеих школах основной упор был на математику и историю. И там, и там было много занятий спортом.

Хотя были и кое-какие отличия. Не помню, чтобы физика, химия и биология изучались в школе Кейта отдельно, – скорее всего, по американской образовательной традиции, они были объединены в учебную дисциплину об окружающем мире. В «Афинском колледже» мы изучали эти дисциплины по отдельности и для каждой у нас были отдельные большие лаборатории.

В греческой школе у нас в программе была древнегреческая литература и не было зарубежной. В школе Кейта, конечно, никакой древнегреческой литературы не было, зато была английская и американская, а также французская литература. Элементарное обществоведение изучалось в курсе истории. Все эти предметы представляли для меня огромный интерес.

---

⁵⁹ Теперь она называется Школа-интернат для мальчиков города Санта-Барбара.

Получил я и скромное музыкальное образование. Некоторое время я учился игре на фортепьяно, но это было недолго. Зато почти год я пропел в школьном хоре. Наш репертуар составляли итальянские мадригалы, Гендель, а также средневековые англосаксонские песнопения на латинском языке. Тогда же я начал слушать виниловые пластинки с записями известных музыкантов, в основном исполнявших легкую музыку.

Я помню, что мои новые товарищи приняли меня хорошо, всячески старались поддерживать и вообще были мне добрыми «учителями» в моей адаптации к американской жизни. Я вспоминаю о них с большим чувством благодарности. Школа Кейта в Санта-Барбаре представляла собой интернат, куда приезжали на учебу мальчишки из разных городов и штатов США. Поэтому мое общение с одноклассниками не ограничивалось совместной учебной и внешкольными занятиями в общежитии и на спортплощадке. Во время каникул приятели приглашали меня погостить в своих домах, и это также помогало мне интегрироваться в американскую среду и готовиться к дальнейшей жизни в стране.

Что меня особенно поразило на первых порах, так это терпение, с которым меня обучали. На меня не кричали, не оскорбляли, но внимательно следили за мной и помогали. Как спортивные тренеры ребята также были очень благородны.

Надо добавить, что я был гораздо моложе других юношей в моем классе – им было по семнадцать-восемнадцать лет, а мне пятнадцать, – поэтому я считаю себя их должником.

С точки зрения количества и качества знаний, которыми мы обладали, я был более образован, чем мои товарищи. Очевидно, что тогдашние греческие школы (в отличие, кстати, от университетов) давали более солидную подготовку, чем американские. Это моих друзей не волновало – они совсем не завидовали мне.

В общем, я стал одним из лучших учеников школы.

Порой меня вызывали на уроке для решения какой-то алгебраической задачи, с которой, кроме меня, никто не мог справиться. Я не помню ни одного раза, когда бы я не выполнил задание. В другом месте меня за это избили бы, но здесь ребята относились ко мне с неизменной доброжелательностью. Замечу, что в Греции я не блистал математическими способностями. В Америке же я понял, почему до сих пор не проявил себя в математике: учитель в афинской школе был крайне несдержан: кричал, ругался и просто уничтожал меня.

Позже, когда я окончил свое образование и тоже стал преподавать, я всегда ориентировался в своей работе на метод, с которым познакомился в американской школе. Я не думаю, что это было проявлением моей «американизации» – дело было просто в уважении к человеческой личности, открытии и развитии ее способностей.

Надо сказать, что разница в возрасте между мной и моими одноклассниками получилась оттого, что, когда я в 15 лет приехал в Санта-Барбару, мне оставалось учиться в «Афинском колледже» еще четыре года – три в лицее и один на младшем курсе колледжа. В школе Кейта я прошел собеседование у руководства, и мне предложили поступить не в 8-й класс, а сразу в выпускной, 12-й. При этом я должен был в ускоренном режиме, за год, пройти трехлетнюю американскую программу по математике. Поскольку я мечтал по окончании школы поступить в университет в Америке, я с радостью ухватился за эту возможность как можно быстрее получить аттестат о среднем образовании. Школа помогла мне, предоставив дополнительные уроки по математике, которые я ежедневно брал у замечательного репетитора-англичанина. Он-то и сделал из меня первого математика в классе.

Кстати, в один прекрасный день президент «Афинского колледжа» Гомер Дэвис, отправивший меня в Америку, навестил меня в школе Кейта. Он был в США по другим делам и не поленился заехать в Санта-Барбару, чтобы узнать о моих успехах. В тот день я дежурил на кухне, а Дэвис зашел в столовую пообедать. Я так ловко обслужил его, что он был очень доволен. Ну и, конечно, мои отличные баллы по математике и истории его тоже обрадовали.

Фактически единственным, что настраивало моих американских однокашников против меня, был мой чрезвычайный интерес к войне: оружию, подробностям военных операций и эпизодам военной истории. Когда я написал очень хорошую дипломную работу о битве при Геттисберге (ключевом сражении гражданской войны 1861–1865 годов, переломившем ее ход в пользу северян), учителя дали мне самые высокие оценки, но мои товарищи надо мной смеялись. Они не понимали моего увлечения – по своему духу послевоенное поколение в США было глубоко антивоенным, настроенным на мирную жизнь и мирные дела. Они также мало интересовались политикой. Можно сказать, что они были не политизированы, а «футболизированы».

Американская трагедия второй половины XX века была в том, что именно этих ребят несколькими годами позже отправили воевать – сначала в Корею, а потом и во Вьетнам. В конце 60-х годов антивоенные настроения этого поколения достигли пика и вылились в прямо-таки революционную ситуацию.

Массовые волнения в американском обществе потребовали перемен, и в итоге после окончания войны во Вьетнаме правительству США пришлось пойти на упразднение общенациональной армии, основанной на призыве, и заменить ее профессиональной армией. Логика строительства профессиональных вооруженных сил, а также последующие войны, предпринятые страной в разных регионах мира, поставили американскую экономику на рельсы кризисного развития, которое явственно и драматично проявилось в последние годы.

Ирак, Афганистан и другие военные операции давнего и недавнего времени продемонстрировали тщетность использования военной силы для решения сложных социальных проблем и проблем развития. К этому выводу меня подтолкнули не только наблюдения за событиями и историческими процессами в мире, но и личные размышления и переживания: в Ираке и Афганистане воевал мой сын Антон Николопулос, в недавнем прошлом майор американской армии. Как и многие его ровесники, молодые офицеры, мой сын пережил на службе глубокую депрессию. Разочаровавшись в этих войнах и видя их бессмысленность, мой сын подал в отставку и отказался от многообещающей военной карьеры.

В этой связи я вспоминаю и сына моего американского дяди Константина, носившего классическое греческое имя Пракситель и погибшего в конце Второй мировой войны на острове Окинава. Тогда от участия в войне никто не отказывался, так как это была война против фашизма. Сегодня гражданскую молодежь в Америке на войну больше не призывают, однако профессиональная армия явно не справляется со своими задачами, потому что не в состоянии удержать хороших офицеров. Это, конечно, трагично...

Вообще, надо сказать, что мой интерес к военным делам, мой личный опыт переживания военных событий в Греции очень рано сформировали мой интерес к истории. Я хотел понять, как и почему происходят конфликты между людьми и странами, почему сталкиваются культуры и целые цивилизации. Читая, размышляя, слушая умных людей, я пришел к выводу, что войны являются лишь симптомами болезни, а не самой болезнью. Чтобы лучше понять болезнь, надо смотреть на состояние всего организма в целом. Иначе говоря, изучая историю, необходимо одновременно изучать экономику, психологию и другие гуманитарные науки, да и культуру в целом. Все это меня очень захватывало, и я ни минуты не колебался в выборе профессии: я решил стать историком и изучать международные отношения.

Как и все мои одноклассники, весной 1951 года я разослал свои документы в разные американские университеты, запросив стипендию на дальнейшее обучение. К июню пришли ответы: меня были готовы принять Гарвардский и Колумбийский университеты, а также Калифорнийский университет в Беркли и колледж Помона, тоже в Калифорнии. Первые три университета предоставили мне стипендии, покрывающие стоимость обучения, но только Помона-колледж предложил мне оплачивать, помимо этого, еще и общежитие и питание. Так что, как ни заманчиво выглядели перспективы обучения в престижных университетах «Лиги плюща»,

денег у меня не было, и это определило мое решение – я должен был переехать в университетский городок Клермонт и стать студентом Помоны.

Забегая вперед, замечу, что в моей жизни я еще много раз пользовался различными стипендиями и грантами. После окончания средней школы и колледжа я получал средства на обучение в университетах Лондона и Парижа и, наконец, в блестящем Центре исторических исследований при Колумбийском университете в Нью-Йорке. За счет этих средств мне удалось полностью осуществить все мои надежды на получение хорошего образования, несмотря на отсутствие финансовой поддержки со стороны семьи – она была тогда просто невозможна. Поэтому я до сих пор очень ценю и уважаю всевозможные государственные и частные филантропические фонды и программы, направленные на помощь талантливой молодежи.

Но все это было потом, а пока что истекала моя годовая американская виза, выданная для целей образования при содействии «Америкэн филд сервис», и мне пришлось в августе 1951 года покинуть Соединенные Штаты, чтобы вновь вернуться в страну уже через месяц, в начале следующего учебного года. Перед отъездом AFS организовала мне и другим участникам обменной программы прекрасный автобусный тур по США. С этим туром мы проехали всю Америку с запада на восток, сделав остановки в нескольких крупных городах: калифорнийском Лос-Анджелесе, где нам показывали голливудские киностудии, крупном городе Среднего Запада Сент-Луисе в штате Миссури, а также в Вашингтоне и Нью-Йорке, расположенных на Восточном побережье.

В Вашингтоне нас принимал сенатор Фулбрайт, тогдашний председатель комитета по международным делам американского конгресса. Мне запомнился также прием для нашей группы в предместье американской столицы, в доме у Роберта Кеннеди, работавшего тогда в министерстве юстиции США. Мы с удовольствием поплавали в его бассейне. Интересно, что из 50 участников тура 48 были немцами. Кроме них и меня, в поездке был еще только один финн.

После завершения тура мне выдали билет на пароход для возвращения в Грецию. Пароход назывался «Королева Фредерика», и я плыл на нем, как и большинство тогдашних пассажиров, в третьем классе. Вместе со мной возвращались в Европу и другие участники программы. Здесь я опять оказался в окружении немцев. В пути мы разговаривали, обменивались впечатлениями, личными планами. Удивительно, что в Америку я плыл с молодыми израильтянами, а обратно со сверстниками из Германии. Мы все были дети войны, но смотрели не назад, а вперед, в мирное будущее.

На пароходе было много и американских греков, ехавших навестить родственников или по делам, а также невезучих греческих иммигрантов, депортированных американскими властями. После Второй мировой войны, когда греческая экономика лежала в руинах и греки в массовом порядке покидали страну, они не могли свободно въезжать в Америку из-за ограничительного иммиграционного законодательства, действовавшего в США еще с 1924 года. Например, в 1946–1947 годах годовая американская квота для Греции составляла всего 307 человек⁶⁰. В 1952 году в США был принят закон об иммиграции и гражданстве, широко известный как Закон Маккарэна-Уолтера, который аннулировал некоторые, в первую очередь расовые, барьеры на пути иммиграции в США, но сохранил крайне низкие иммиграционные квоты для африканцев, азиатов и выходцев из Восточной и Южной Европы, в том числе для греков.

В соответствии с этим законом, легализоваться в США имела возможность только очень небольшая часть греков-иммигрантов, преимущественно уже проживавших к тому времени в США. Поэтому греки, попадавшие в Америку на кораблях, в большинстве случаев оказывались в тяжелой ситуации как нелегалы. Они пытались продлевать краткосрочные визы,

---

⁶⁰ Ассоциация имеет английское название The Claremont Colleges. По этому же принципу сейчас работает, например, Российский гуманитарный университет в Москве, который объединил несколько гуманитарных центров, созданных на базе бывшего Московского историко-архивного института.

прятаться от американской иммиграционной службы, жениться на греко-американках и т. д., однако все равно их отлавливали и в массовом порядке высылали обратно в Грецию. Гуляя по палубе «Королевы Фредерики», я познакомился с одним таким депортированным. Он пребывал в глубокой депрессии, не желая возвращаться в Грецию. За ночь до нашего прибытия в порт Пирея он покончил самоубийством, выбросившись за борт. Это трудно забыть.

В Греции я пробыл недолго – ровно столько времени, сколько нужно было для того, чтобы повидаться с семьей и оформить следующую американскую учебную визу. Затем я сел на очередной сухогруз, и с этого момента началась моя – уже взрослая – одиссея в Америке.

2. Дальнейшее обучение. Колледж Помона

Колледж Помона, куда я прибыл для прохождения первого этапа университетского образования – четырехлетнего бакалавриата по международным отношениям, – являлся частью так называемой Ассоциации колледжей Клермонта (СС)⁶¹

---

⁶¹ Report on the Greeks. Findings of a Twentieth Century Fund Team Which Surveyed Conditions in Greece in 1947. New York, The Twentieth Century Fund, 1948. P. 87.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.